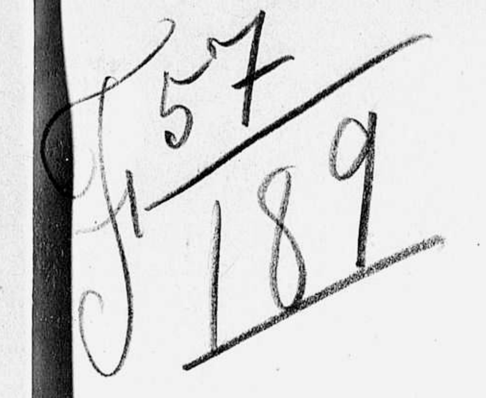
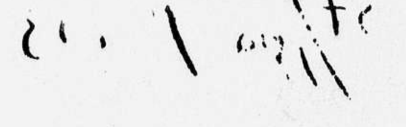

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ

К. СКАЛЬКОВСКІЙ

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

И

ВОСПОМИНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1902

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ собраны нѣкоторые мои сатирическіе очерки, появившіеся въ послѣднее время, нѣкоторыя полемическія замѣтки по разнымъ злобамъ дня, а также воспоминанія о войнѣ 1877—1878 гг., о моемъ дѣтствѣ, театральныя и о нѣкоторыхъ выдающихся личностяхъ. Много подобныхъ воспоминаній я уже напечаталъ въ книгѣ своей «Наши государственные и общественные дѣятели», а другія появятся вскорѣ въ цѣломъ рядѣ фельетоновъ въ «Новомъ Времени».

Оцѣнка живыхъ и даже недавно умершихъ людей всегда вызываетъ протесты и споры. Сколько у меня было служебныхъ непріятностей изъ-за попытки, напримѣръ, сдѣлать характеристику графа П. А. Шувалова.

Письма о роли иностранныхъ капиталовъ въ Россіи также вызвали въ свое время горячую полемику. Я нарочно и не безъ удовольствіи ихъ перепечатываю, потому что все мною предсказанное свершилось къ посрамленію моихъ оппонентовъ, изъ которыхъ ни одинъ однако не имѣлъ добросовѣстности сознаться въ своемъ заблужденіи.

Парижъ $\frac{1}{14}$ октября 1901 г.

НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ.

Въ 1877 г. я въ числѣ другихъ должностей занималъ должность дѣлопроизводителя извѣстной комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, въ которой предсѣдательствовалъ гр. Э. Т. Барановъ, а управлялъ дѣлами Ѳ. Н. Анненковъ. Послѣдній въ то же время занималъ должность завѣдующаго перевозкою войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ въ военномъ министерствѣ. Когда, послѣ второго пораженія подъ Плевною, выяснилась недостаточность наличныхъ военныхъ силъ и необходимость двинуть на Балканскій полуостровъ новыя войска, въ томъ числѣ гвардейскій корпусъ, то генералу Анненкову пришлось лично ѣхать на театръ войны, чтобы условиться насчетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, а при этомъ уладить также эвакуацію раненыхъ.

Хотя я въ теченіе этого года уже два раза ѣздилъ въ Одессу и въ Подольскую губернію и на-

смотрѣлся достаточно на прелести оборотной стороны войны, но съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Анненкова отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ качествѣ его чиновника особыхъ порученій. Подобная командировка не мѣшала моей службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ давала возможность безпрепятственно проникнуть на театръ военныхъ дѣйствій.

Хотя покойный Анненковъ былъ страшный путаникъ и никакое дѣло въ рукахъ его не спорилось, но какъ спутникъ въ дорогѣ онъ былъ неоцѣнимъ: вѣчно въ движеніи, всѣмъ интесующійся, онъ былъ также человѣкъ образованный, говорунъ, всѣхъ онъ зналъ, а также былъ хорошій гастрономъ, что въ дорогѣ качество драгоцѣнное.

Анненковъ считался спеціалистомъ военныхъ перевозокъ потому, что одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе въ Россіи на этотъ вопросъ. Онъ былъ командированъ на театръ войны Германіи съ Франціей въ 1870 г., состоялъ при германской главной квартирѣ, написалъ небольшую книгу о значеніи желѣзныхъ дорогъ для войны, сформировалъ первый желѣзнодорожный батальонъ и построилъ руками солдатъ первую военную линію около Краснаго села, которую на торжественномъ открытіи покойный Д. И. Романовъ, такъ преждевременно окончившій жизнь самоубійствомъ въ Хивинскомъ походѣ, остроумно назвалъ «кратчайшимъ соединеніемъ Рамбова съ Лиссабономъ». Линію эту давно разобрали.

Уѣзжая, я обѣщалъ писать въ «Новое Время», которое имѣло уже на европейскомъ театрѣ войны нѣсколько корреспондентовъ: Буренина, Каразина, а въ моментъ, когда я туда уѣзжалъ—Немировича-Данченко и Россоловскаго; тамъ же временно находился и А. С. Суворинъ. Письма мои военная цензура пропускала въ печать съ большими сокращеніями и я съ трудомъ возстановилъ кое-что, отчасти на память, отчасти руководствуясь сохранившейся записной книгой, карандашные іероглифы которой теперь, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя послѣ событій, съ трудомъ можно разобрать.

Жмеринка.

9 августа.

Въ настоящую минуту, когда пульсъ всей Россіи бьется, такъ сказать, на Дунаѣ, нѣсколько даже мимолетомъ схваченныхъ извѣстій не лишены интереса, поэтому я позволяю себѣ, не становясь вовсе въ роль корреспондента, сообщать кое-какія замѣтки и наблюденія во время поѣздки въ дѣйствующую армію. Заранѣе извиняюсь за отрывочность и неполноту. Послѣдняя, пожалуй, будетъ иногда и не по моей винѣ, ибо нигдѣ, какъ на войнѣ

и во время войны, не умѣстна такъ румынская пословица: «Nu tot ci sci verbesti, т. е. по-русски: «Не все что знаешь говори».

Эту молдаванскую премудрость я почерпнулъ изъ книжки «Современная Румынія», продаваемой въ вагонахъ «въ пользу страждущихъ славянъ». Авторъ ея, повидимому, большой оригиналъ, потому что обѣщаетъ дать такое благородное употребленіе деньгамъ, вырученнымъ за книгу, гдѣ, подъ видомъ параллелей со всѣми націями, даже съ цыганами, безцеремонно доказывается отсталость и дикость русскаго народа. Пресерьезно утверждается, что свои хорошія качества: честность, вѣротерпимость (sic) и пр. румыны заимствовали отъ турокъ и что князь Куза былъ реформаторъ повыше Петра Великаго, Фридриха II и даже, наивно прибавляетъ авторъ, Наполеона III! Этотъ безсмысленный вздоръ изданъ въ Одессѣ.

Поневолѣ вспомнилъ Всеволожскаго, который остановилъ одного расхваставшагося молодого брюнета вопросомъ, какой онъ націи?

— Je suis roumin, гордо отвѣчалъ брюнетъ.

— Comment si jeune et déjà moldo-valaque? замѣтилъ остроумный Никита.

Въ Москвѣ я слышалъ болѣе вздоховъ, чѣмъ воинственныхъ кликовъ. Дѣло въ томъ, что купцы платили по 1000 р. и болѣе за рекрутскія квитанціи для своихъ сыновей, а эти квитанціи, оказалось, для ополченія никакой силы не имѣютъ. Разные «саврасы безъ узды» вынуждены тянуть лямку. Впрочемъ, я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ вагонѣ и нашелъ настроеніе ихъ удовлетворительнымъ. Зато малодушнымъ казался одинъ юный дипломатъ, всю свою надежду на избавленіе отъ рекрутчины возлагавшій на узкую грудную клѣтку. Теперь это якорь спасенія для многихъ. Молодыхъ купчиковъ, видимо, утѣшалъ слухъ, что даже изъ послушниковъ Троице-Сергіевской лавры 80 человѣкъ забрано въ ополченіе въ ожиданіи появленія новыхъ Пересвѣта и Осляби.

Станція Жмеринка, которую въ этомъ году я посѣщалъ уже не въ первый разъ и которая стала почему-то однимъ изъ центровъ нигилизма, я нашелъ по обыкновенію переполненной всякимъ народомъ. Изъ-за клочка мѣста на станціи чуть не дрались, и бѣдный станціонный комендантъ буквально сходилъ съ ума, не зная кого слушать.

Остановкою въ Жмеринкѣ на $^3/_4$ часа я воспользовался для осмотра небольшого мѣстнаго госпиталя, о которомъ уже ранѣе слышалъ много похвалъ. Госпиталь устроенъ на средства фонъ-Мекка, подъ наблюденіемъ графини Гейденъ, филантропическая дѣятельность которой хорошо извѣстна Петербургу по общинѣ св. Георгія. Г-жа Торіани,

дочь извѣстнаго дипломата, а затѣмъ-генералъ-губернатора Западной Сибири Дюгамеля, одна изъ самыхъ усердныхъ помощницъ графини Гейденъ по надзору за жмеринскимъ госпиталемъ, показывала его мнѣ.

Молодая свѣтская барыня, которую я едва узналъ въ костюмѣ сестры милосердія, повела меня въ баракъ, гдѣ лежали раненые солдаты. Подведя меня къ одному изъ нихъ, она съ участіемъ спросила его:

— Чего ты, мой другъ, стонаешь (sic)?

Я едва удержался отъ улыбки. Но вообще госпиталь можно смѣло рекомендовать образцомъ того, какъ при небольшихъ относительно средствахъ можно устроить дѣло помощи скоро, хорошо и практично.

Система госпиталя барачная, вентиляція превосходная, три сестры милосердія, докторъ и фельдшеръ постоянно ухаживаютъ за больными, дамы-патронессы дежурятъ также по очереди для наблюденія, читаютъ ранены мъ и больнымъ книги, развлекаютъ разговорами, пишутъ письма на родину. При такой разумной системѣ неудивительно, что неприхотливые и крѣпкіе русскіе солдаты поправляются очень скоро. Я видѣлъ раненыхъ уже во второмъ боѣ подъ Плевной, а они, даже ампутированные, имѣли весьма удовлетворительный видъ. Теплое участіе и заботливость, которыхъ нашъ бѣднякъ лишенъ иногда чуть не съ младенческаго воз-

раста, помогаютъ выздоровленію гораздо вѣрнѣе, чѣмъ вся латинская кухня.

Сколько такихъ прекрасныхъ, такъ сказать, подъ хозяйскимъ глазомъ находящихся, небольшихъ госпиталей легко было бы устроить теперь при нынѣшней системѣ эвакуаціи раненыхъ и какое великое сбереженіе въ народныхъ силахъ произошло бы отъ скораго выздоровленія больныхъ и раненыхъ и отъ предупрежденія эпидемій, неизбѣжныхъ въ большихъ казенныхъ лазаретахъ. О самой эвакуаціи раненыхъ до слѣдующаго письма.

Яссы.

12 августа.

Въ Яссахъ въ госпиталяхъ на каждой койкѣ лежатъ по два больныхъ солдата. Число больныхъ и раненыхъ вообще увеличивается очень быстро и всѣ южные госпитали переполнены вплоть до Харькова. Общество Краснаго Креста избѣгаетъ большихъ лазаретовъ, но обстоятельства, повидимому, вынудятъ скоро приступить къ устройству крупныхъ госпиталей. Уже теперь, за недостаткомъ помѣщеній, въ Одессѣ напр., пришлось подъ больныхъ приспособлять конскій манежъ. Общество Краснаго Креста оставило какъ бы запасомъ всѣ наши западныя губерніи и не устраивало госпиталей по

тамошнимъ линiямъ желѣзныхъ дорогъ. Очевидно, придется скоро для облегченiя эвакуацiи и тамъ размѣщать лазареты.

Развозка больныхъ и раненыхъ по Россiи или такъ называемая «эвакуацiя» начинаетъ вызывать жалобы, указывающiя, что въ это дѣло незамѣтно вкрадываются разные недостатки. Первыя времена моды, когда нарочно брали больныхъ въ поѣздъ изъ городскихъ больницъ, чтобы прокататься съ ними, когда поили больныхъ солдатъ шампанскимъ и когда барыни интриговали въ Кишиневѣ, чтобы на свой поѣздъ получить хотя нѣсколько раненыхъ — быстро прошли. Великосвѣтскiя покровительницы и уполномоченные мало-по-малу соскучились, а вмѣстѣ съ охлажденiемъ пошли разныя пререканiя между служащими. Только сестры милосердiя, по общимъ отзывамъ, до сихъ поръ превосходно и геройски исполняютъ свои обязанности, зато о братьяхъ милосердiя нельзя сказать того же, много изъ нихъ пьяницъ; уполномоченные постоянно ссорятся съ комендантами поѣздовъ, доктора скучаютъ и, какъ говорятъ, задерживаютъ напрасно санитарные поѣзда на пути, а опозданiе послѣднихъ влечетъ къ тому, что больнымъ приходится иногда голодать, не попадая въ такiя станцiи, гдѣ имѣются кухни. Были даже случаи

самовольнаго измѣненiя маршрута санитарными поѣздами.

Между тѣмъ точность и акуратность — основанiе всего желѣзнодорожнаго движенiя; чье-нибудь самодурство бываетъ причиною перепутыванiя плана перевозки, отчего солдаты воинскихъ поѣздовъ по два дня остаются безъ пищи, по крайней мѣрѣ казенной. Одинъ поѣздъ забылъ взять съ собою бѣлье!

Относительно перевозки больныхъ и раненыхъ нужно еще замѣтить, что она совершается двоякимъ образомъ. Специальные санитарные поѣзда отлично устроены, пожалуй, даже слишкомъ роскошны, такъ какъ возятъ съ собою по одному и по два священника, которымъ рѣшительно нечего дѣлать, имѣютъ иногда такiя замысловатыя кухни, что ихъ тяжесть не выдерживаютъ никакiя вагонныя рессоры. Недостатокъ этихъ поѣздовъ тотъ, что они въ состоянiи, относительно, взять очень мало больныхъ, почему перевозка послѣднихъ обходится чрезвычайно дорого. Да и роскошь стѣсняетъ скорѣе больныхъ солдатъ.

Рядомъ съ этою, какъ бы привилегированною перевозкою, производимою на показъ, идутъ постоянно, такъ называемые вѣроятно съ иронiей, «приспособленные» поѣзда, т. е. обыкновенные товарные вагоны, вовсе не приспособленные, гдѣ на со-

ломѣ, постланной на тряскомъ полу, лежатъ раненые. Такой поѣздъ съ однимъ докторомъ и двумя фельдшерами подымаетъ 500 человѣкъ, а санитарный лишь около 200.

Приспособленные поѣзда имѣютъ, конечно, множество неудобствъ. У нихъ нѣтъ сестеръ милосердія. Товарные вагоны немилосердно трясутъ и, какъ извѣстно, между собою не сообщаются, потому для перевязокъ приходится врачу пользоваться только краткими остановками на станціяхъ. Затѣмъ товарные вагоны очень высоки и не имѣютъ лѣстницъ, а такъ какъ ни въ поѣздѣ, ни въ отдѣльныхъ вагонахъ нѣтъ ватерклозетовъ, то больнымъ приходится на станціяхъ прыгать на путь съ опасностью жизни. Можно представить себѣ мученіе несчастныхъ диссентериковъ, которыхъ въ каждомъ поѣздѣ очень много. Послѣдствіемъ такого явленія бываетъ, что поѣзда теряютъ по дорогѣ своихъ больныхъ, а станціонные дворы обратились въ вонючія клоаки, опасныя для здоровья проѣзжающихъ.

Начальство распорядилось сдѣлать для схода больныхъ трапы, но послѣдніе оказались тяжелы и не употребляются, такъ какъ ихъ ворочать могутъ лишь два или три человѣка, а на нашихъ станціяхъ совсѣмъ нѣтъ прислуги. Правда, желѣзнодорожныя управленія послали циркуляръ о наймѣ

прислуги въ достаточномъ количествѣ, но какъ на это ни гроша ими не ассигновано, то начальники станціи оставили циркуляръ мертвою буквою. Еще бы! Бюджетъ станціи опредѣленъ въ извѣстной нормѣ и управленіе дорогами пожелало благодѣтельствовать публику насчетъ процентныхъ денегъ своихъ служащихъ.

Въ особенности отличается скаредностью одесская дорога. Она остроумно придумала уменьшить оклады служащимъ въ моментъ, когда трудъ послѣднихъ удвоился и утроился. Положительно, служащіе потеряли силы и утомились. Управленіе въ новомъ циркулярѣ сулило, правда, прибавку вознагражденія, но глухому смыслу циркуляра не повѣрилъ никто по бывшимъ опытамъ. Въ Жмеринкѣ дѣло дошло уже до совершенной дезорганизаціи движенія и если прежняя система продолжится, то одесская дорога сдѣлается къ осени вовсе несостоятельною и это въ моментъ, когда этой дорогѣ даютъ гарантіи подъ условіемъ только замѣны трехъ сторублевыхъ акцій двумя 125-ти рублевыми.

Теперь, впрочемъ, и лучшія желѣзныя дороги дѣлаются неисправными. Можетъ ли быть что-либо возмутительнѣе, непростительнѣе столкновенія товарнаго поѣзда съ военнымъ въ 5 верстахъ отъ Конотопа на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Между тѣмъ изъ всѣхъ несчастій столкновеніе именно та-

кое, которое порядочная администрація всегда можетъ устранить *).

*) Мой братъ П. А. Скальковскій, писавшій подъ псевдонимомъ «Одесситъ» во все время войны любопытныя корреспонденціи изъ Одессы, находилъ, что главнѣйшими причинами неправильнаго движенія военныхъ транспортовъ въ Россіи и за границею слѣдовало признать: 1) несоотвѣтствіе даваемыхъ нарядовъ на перевозку войскъ и тяжестей съ имѣющимися на дорогахъ средствами и 2) неурядицу на румынскихъ дорогахъ. Многія обстоятельства заставляютъ думать, что именно неурядица, а не что-либо иное, препятствовала правильному движенію воинскихъ поѣздовъ въ Румыніи. Планъ движенія по румынскимъ дорогамъ былъ составленъ Горчаковымъ, великимъ теоретикомъ и любителемъ объемистыхъ докладныхъ записокъ и бумажныхъ проектовъ. По плану, предположено пускать по семи поѣздовъ ежедневно въ конецъ. Сообразно съ этимъ количествомъ поѣздовъ за границею, давались главнымъ штабомъ и наряды на перевозку войскъ и тяжестей въ Россіи. Между тѣмъ, означенные на графикахъ и въ расписаніяхъ семь поѣздовъ существовали лишь въ воображеніи составителя графиковъ и расписаній. На практикѣ двигалось съ грѣхомъ пополамъ отъ трехъ до пяти поѣздовъ въ сутки. Да больше пяти поѣздовъ невозможно было и двинуть и по количеству имѣющагося въ Румыніи подвижного состава, усиленнаго вагонами и паровозами русскихъ дорогъ, и по размѣрамъ перегоновъ между станціями. Въ этомъ, однако, никто не хотѣлъ сознаться. Понятно, почему на границѣ въ пунктѣ необходимой перегрузки всѣхъ поѣздовъ, т. е. перехода войскъ и грузовъ съ ширококолейнаго пути на узкоколейный, происходило скопленіе не разгруженныхъ поѣздовъ. Когда накопленіе это превышало длину станціонныхъ путей въ Яссахъ и Унгенахъ, то приходилось останавливать поѣзда по станціямъ, между Унгенами и Раздѣльной. Благодаря этимъ простоямъ, нарушалось правильное обращеніе вагоновъ и паровозовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстраивался и весь планъ передвиженія войскъ по русскимъ дорогамъ. Бывали моменты, что на линіи Раздѣльная—Унгены стояли по станціямъ въ поѣздахъ до 1,000 вагоновъ съ людьми и грузами (напримѣръ, 26-го августа, стояло на этомъ пространствѣ 16 поѣздовъ съ людьми и 9 съ порохомъ). Люди оставались иногда безъ горячей пищи по трое сутокъ. Не входящіе въ планъ простои привели рано или поздно къ необходимости передать нѣкоторыя наиболѣе опоздавшія части войскъ на грунтовыя дороги или вести далѣе за границу пѣшкомъ. Какъ плохо балансировался приливъ людей и грузовъ къ румынской границѣ съ отливомъ по румынской желѣзной дорогѣ, видно, напримѣръ, изъ того, что румынская дорога не только отказывалась какъ-то безусловно отъ пріема поѣздовъ, прибывшихъ къ границѣ, но просила даже принять обратно въ Россію 25 поѣздовъ съ военными грузами! Почему станція Яссы не была приведена въ порядокъ? Почему перегрузка военныхъ тяжестей изъ русскихъ вагоновъ въ румынскіе длилась по недѣлямъ? и т. д. На эти вопросы не трудно отвѣтить. Возьмемъ, напримѣръ, такую простую операцію, какъ перегрузка тяжестей. На всемъ свѣтѣ для перегрузки устраиваютъ особыя платформы, къ двумъ сторонамъ которыхъ подводятъ по поѣзду и грузы перетаскиваютъ изъ вагона въ вагонъ на протяженіи двухъ-трехъ аршинъ. Въ Яссахъ «устроили» иначе: по приходѣ поѣзда изъ Россіи, положимъ, съ гранатами, ихъ сваливали на землю, затѣмъ клали на подводы и везли на другой конецъ станціи, гдѣ и погружали, наконецъ, въ румынскіе вагоны! Сколько потеряннаго времени и труда!

Устройство тыла арміи составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ современной войны. Какъ бы ни были искусны стратегическіе планы дѣйствующей арміи, они останутся на бумагѣ, если не

обезпечены средства продовольствія, перевозка подкрѣпленій, эвакуація раненыхъ и больныхъ, доставка пороха, снарядовъ и проч. Во всѣхъ нашихъ войнахъ тылъ арміи, особенно военныя сообщенія, находились въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Въ этомъ случаѣ наша національная черта: небрежность въ отношеніи сообщеній, начиная отъ убійственной мостовой города до непроѣзжей земской дороги, отражалась и на арміи.

Съ постройкою желѣзныхъ дорогъ и ознакомленіемъ съ выгодами скораго и срочнаго сообщенія казалось бы, что̀ ошибки стараго времени не должны повторяться, но не такъ-то просто измѣняется система, сложившаяся годами и вошедшая въ плоть и кровь.

Необходимость энергическихъ мѣръ для устройства сообщеній сознана теперь опытомъ и вмѣсто генерала Каталея, оказавшагося или недостаточно знакомымъ съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, или недостаточно энергическимъ, назначенъ командующій войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, мѣсто котораго въ Кіевѣ займетъ тамошній генералъ-губернаторъ князь Дундуковъ-Корсаковъ. Генералу Дрентельну предстоитъ очень важная и вмѣстѣ съ тѣмъ трудная миссія.

Важнѣйшимъ препятствіемъ къ благоустройству нашихъ военныхъ сообщеній служитъ, конечно, то

обстоятельство, что единственный путь, соединяющій нашу армію съ Россіей, находится въ рукахъ «дружественныхъ» румынъ. Румыны очень напоминаютъ того господина, который, услыхавъ зимою, что англійское пиво согрѣваетъ, налилъ его себѣ въ сапоги. Такъ и румыны, прослышавъ о̀ благахъ цивилизаціи, повыписывали себѣ таковыхъ чуть не изъ Парижа, но приложили ихъ рѣшительно навыворотъ. Безъ сомнѣнія, желѣзныя дороги въ такихъ рукахъ должны дѣйствовать болѣе на показъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Между тѣмъ Измайловъ и князь Кантакузенъ, заключавшіе конвенцію съ румынскими дорогами, предоставили послѣднимъ значительную свободу стѣснять насъ. До сихъ поръ вмѣсто установленныхъ 7 поѣздовъ въ день и необходимыхъ 9, румыны съ трудомъ даютъ 5. Мало того, имъ было дано 50 русскихъ паровозовъ, на которыхъ румыны и возятъ все, сберегая по возможности собственные паровозы, русскіе же паровозы не чистятъ и не промываютъ, не обязанные сдать ихъ обратно въ исправности. Если къ румынскимъ поѣздамъ прицѣпляютъ русскіе вагоны, то они возвращаются положительно обкраденными, и румыны спокойно тащатъ на дрова внутреннее устройство русскихъ санитарныхъ вагоновъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ на станціи въ

Яссахъ стояли цѣлые часы безъ нужды и не въ силахъ выгрузиться два поѣзда, переполненные больными и ранеными, все единственно по безтолковости и скупости румынскихъ агентовъ.

Нѣкоторыя обвиненія падаютъ, правда, и на нашъ желѣзнодорожный отдѣлъ, главный дѣятель котораго г. Горчаковъ извѣстенъ крайне неудачнымъ управленіемъ Одесской желѣзной дорогою. Г. Горчаковъ — большой оптимистъ и, говорятъ, находитъ, что ничего лучшаго желать нельзя, какъ заведенные имъ порядки, почему всѣ жалобы дѣлаются излишними. Не мало еще мѣшаетъ дѣлу перевозокъ установленіе границы управленій передвиженія войскъ въ Россіи и въ арміи не въ Яссахъ, а въ Унгенахъ, почему является возможность одной сторонѣ сваливать свои грѣхи на другую, и обратно.

Какая путаница происходитъ въ движеніи, видно, напримѣръ, изъ того, что на одной изъ главныхъ станцій стоятъ недѣлю четыре поѣзда, нагруженные призматическимъ порохомъ и мимо ихъ проходятъ и даже ночуютъ десятки почтовыхъ, военныхъ и санитарныхъ поѣздовъ, ежедневно рискуя взлетѣть на воздухъ при малѣйшей неосторожности; армія же нуждается въ порохѣ.

Недостатку рельсоваго сообщенія на Яссы, Барбошъ, Бухарестъ, Фратешты, рѣшительно не удовлетворяющему потребностямъ 400,000 арміи, которую съ 15-го сентября мы будемъ имѣть на Дунаѣ, должна помочь новая линія изъ Бендеръ въ Рени, строеніемъ которой занялся С. С. Поляковъ, хотя могъ бы, предоставивъ это дѣло другимъ, гораздо полезнѣе посвятить свои досуги и капиталы приведенію въ порядокъ тѣхъ его извѣстныхъ дорогъ, которыя своими безобразіями разоряютъ приазовскій край.

О новой дорогѣ я сообщу нѣкоторыя подробности изъ Галаца. Здѣсь же слышалъ, что работы идутъ на ней дѣятельно и она поспѣетъ къ сроку, который впрочемъ былъ отдаленъ на 27 дней, чѣмъ для Полякова отстранилась опасность штрафа въ 150 тысячъ. Концессія на эту дорогу, какъ всѣ концессіи, явилась совершенно неожиданно, дали ее въ пять дней, почему невольно начали создаваться разныя легенды, гдѣ главную роль, какъ и въ интендантскихъ подрядахъ, играютъ близкія къ Непокойчицкому лица. Цѣну дороги въ 21 тысячу металл. за версту, безъ подвижного состава, находятъ очень дорогою, тѣмъ болѣе, что дорога строится на скорую руку, а шпалы, напримѣръ, кладутся такія тонкія, что не выдержать болѣе года. Удивительно, какъ эту дорогу не начали строить еще въ прошломъ году, такъ какъ она уже давно внесена

въ первую очередь стратегическихъ дорогъ, и безусловно необходима для войны.

Не менѣе необходимою является теперь дорога изъ Фратешты или Журжева въ Зимницу. Существующая тутъ грунтовая дорога совершенно, говорятъ, разстраивается. Между тѣмъ у насъ имѣется уже на Дунаѣ три желѣзнодорожныхъ батальона и организуется четвертый, которые могли бы тутъ работать. Теперь же эти батальоны имѣютъ очень мало дѣла; ихъ инженеры скучаютъ, а солдаты употребляются на санитарныхъ поѣздахъ, или еще лучше, занимаются даровою перегрузкою на нѣкоторыхъ станціяхъ въ пользу неисправныхъ румынскихъ дорогъ.

Говоря о военныхъ сообщеніяхъ, я долженъ прибавить нѣсколько словъ о знаменитомъ Корнештскомъ перевалѣ, положеніе котораго въ свое время серьезно угрожало перерывомъ единственнаго рельсоваго пути, идущаго къ дѣйствующей арміи. Дѣло въ томъ, что въ шести верстахъ отъ станціи Корнешти Кишиневской вѣтви Одесской желѣзной дороги путь проходитъ одною изъ громаднѣйшихъ въ Европѣ выемокъ, въ 14 саженъ глубиною, съ такою же насыпью. Эта выемка и почва подъ насыпью, состоящая изъ неправильно перемежающихся слоевъ глины, нерѣдко очень жидкой, постоянно ползетъ. Существовало опасеніе, что осенью эти сооруженія

могутъ совсѣмъ обвалиться или провалиться, какъ провалился уже устроенный тутъ ранѣе тонель.

Въ настоящее время можно быть, кажется, покойнымъ, что даже въ очень дождливую осень большой опасности не предстоитъ; разстройство пути ограничится мелкими провалами. Откосы постоянно снимаются, а насыпь отчасти укрѣпляется громаднымъ контрфорсомъ, а частью изъ-подъ нея вынимается вся полужидкая глина. Завѣдывающій этими работами, весьма опытный путейскій инженеръ Половинскій, ручается за прочность, конечно, на извѣстный промежутокъ времени. Рано или поздно, Корнештскій участокъ долженъ быть радикально перестроенъ, иначе громадный ремонтъ въ нѣсколько лѣтъ превзойдетъ капитальную стоимость пути.

Яссы.

14 августа.

Кто интересуется оборотною стороною войны, тотъ долженъ непремѣнно посѣтить эвакуаціонный баракъ на ясской желѣзнодорожной станціи. Это огромное помѣщеніе, наполненное ранеными, вечеромъ, когда при тускломъ освѣщеніи производится перевязка, производитъ впечатлѣніе, которое не скоро изглаживается. Нужно сказать, что всѣ больные и раненые, которые высылаются для очищенія мѣстъ въ военныхъ госпиталяхъ

изъ Фратештъ, Бухареста и Браилова, двигаются на Яссы; тутъ находится особая эвакуаціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ полк. Колена, который сортируетъ больныхъ и отправляетъ далѣе въ Россію. Путь идетъ на Кишиневъ, гдѣ мѣстный воинскій начальникъ генералъ Шумлянскій оставляетъ то количество больныхъ, которое позволяютъ находящіеся въ его распоряженіи военно-временные госпитали, а остальные двигаются далѣе въ Россію разными путями. Такимъ образомъ въ ясскомъ баракѣ происходитъ постоянно выгрузка раненыхъ и больныхъ изъ поѣздовъ, идущихъ по румынскимъ узко-колейнымъ дорогамъ и нагрузка ихъ въ поѣзда русскихъ широко-колейныхъ дорогъ.

Легко себѣ вообразить, какую этотъ «либръэшанжъ» задаетъ работу ясскому эвакуаціонному бараку. До войны думали, что санитарными поѣздами вполнѣ обойдутся и съ трудомъ разрѣшили устройство барака даже на 300 кроватей для тѣхъ больныхъ, которыхъ не успѣютъ вывезти. Между тѣмъ теперь случается, что въ Яссахъ бываетъ въ день по 1800 больныхъ и раненыхъ, предназначенныхъ къ эвакуаціи. Дѣятельность барака въ этомъ случаѣ безпримѣрная и выше всякихъ похвалъ. Положительно маленькій персоналъ барака работаетъ день и ночь, и о тяжести подобной работы нельзя себѣ составить понятіе, не видавши ея.

Завѣдываютъ баракомъ люди самые почтенные: г. Нарышкинъ и князь Друцкой-Любецкій. Послѣдній является въ баракъ на разсвѣтѣ и остается до поздней ночи. Но всѣхъ удивительнѣе сестры милосердія, особенно молодая дѣвица г-жа Философова, имя которой да будетъ прославлено по достоинству въ Россіи. Эта барышня хорошаго воспитанія съ самоотверженіемъ взяла на себя трудную хозяйственную часть, т. е. умудряться, при помощи нѣсколькихъ пьяныхъ поваровъ и лѣнивыхъ нестроевыхъ, въ маленькомъ кухонномъ баракѣ, стоя цѣлый день у печки, при жарѣ въ 40°, готовить обѣдъ на $1^1/_2$ и 2 тысячи человѣкъ больныхъ въ день. При этомъ приходится воевать еще неустанно съ жидами-подрядчиками, старающимися сбыть гнилую говядину, затхлую муку и т. п.

Впрочемъ, всѣ 25 сестеръ милосердія въ баракѣ (изъ Свято-Троицкой общины, старѣйшей въ Россіи) работаютъ удивительно и самая страшная усталость не лишаетъ ихъ не только терпѣнія, но даже веселости. Положительно ухаживаніе за больными—женское дѣло, и очень жаль, что вмѣсто многихъ санитаровъ, этого бича лазаретовъ, общество Краснаго Креста не старается привлечь какъ можно болѣе женщинъ. Надобно видѣть, сколько времени требуетъ промывка даже одной раны, а тутъ ждутъ десятки людей.

Врачамъ также пропасть заботы. Помимо операцій, перевязокъ, леченія, одно составленіе списковъ сотенъ больныхъ и сортировка ихъ поглощаетъ дни и ночи. Безъ этой работы вышелъ бы хаосъ невообразимый. Поэтому можно себѣ вообразить, какъ кстати были доставлены врачамъ какія-то программы военно-санитарныхъ свѣдѣній, чуть ли не 15 разграфленныхъ тетрадей, для заполненія которыхъ цифрами потребовался бы для каждаго госпиталя цѣлый департаментъ. Удивительная находчивость; конечно, статистика прекрасная вещь, но до нея ли, когда случается, что за положительнымъ неимѣніемъ мѣста и свободныхъ врачей по сту раненыхъ лежатъ безъ перевязки около военныхъ госпиталей подъ дождемъ прямо на землѣ, получая столбняки, а санитарной прислуги такъ мало, что носилки съ раненымъ приходится иногда тащить двумъ человѣкамъ!

Очень естественно, что всякія ошибки сдѣлаются возможными. Прежде вывозили вглубь Россіи изъ арміи съ болѣзнями, которыя почти безъ леченія проходятъ въ двѣ недѣли, а теперь, наоборотъ, случается, что больные въ Яссахъ умираютъ, какъ только ихъ вынимаютъ изъ вагона; передвигаютъ больныхъ съ раздробленными на осколки костями или прострѣленной головой, для которыхъ малѣйшее даже движеніе сопряжено съ адскими му-

ченіями. Нужна поразительная выносливость нашего солдата для перенесенія подобныхъ пытокъ.

О превосходныхъ качествахъ русскаго солдата, далеко покрывающихъ нѣкоторые его недостатки, все было, кажется, сказано, но, положительно, гдѣ нужно удивляться нашему солдату, такъ это въ госпиталяхъ. Я не говорю уже о чисто ангельскомъ терпѣніи, обусловленномъ, пожалуй, закаленнымъ воспитаніемъ, а о признательности за малѣйшее вниманіе и особенно о чувствѣ необыкновенной деликатности, проявляющемся въ каждомъ поступкѣ солдатъ и такъ часто дисгармонирующемъ съ цинизмомъ врачей.

Въ другой странѣ госпитали, подобные нашимъ здѣшнимъ, обратили бы общее вниманіе общества, но румыны ограничиваются тупымъ глазѣніемъ изъ любопытства и только двѣ-три сердобольныя барыни доставили по фунтику корпіи, порисовавшись предварительно своею необыкновенною чувствительностью. Правда, румыны отговариваются тѣмъ, что ихъ средства понадобятся для собственныхъ раненыхъ, но таковыхъ, кажется, не скоро отыщется при системѣ воевать, усвоенной румынскими войсками.

Система же эта приблизительно опредѣляется слѣдующимъ анекдотомъ:—Гдѣ непріятель? спрашиваетъ румынскій генералъ болгарина-проводника. — «Направо въ лѣсу». Его превосходительство коман-

дуетъ идти налѣво и телеграфируетъ въ Бухарестъ: «Наши свѣдѣнія дозволили намъ обмануть непріятеля»...

Новостей собственно здѣсь немного. Сегодня получена талеграмма о ранѣ и выѣздѣ изъ арміи генерала Драгомирова—фактъ весьма печальный. Сегодня же проѣхалъ черезъ Яссы генералъ Дрентельнъ, на котораго, какъ я уже писалъ, возлагаютъ большія надежды относительно устройства тыла арміи.

Въ настоящее время въ Яссахъ находятся главный уполномоченный «Краснаго Креста» г. Абаза и также генералъ Анненковъ, завѣдывающій перевозкою войскъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Россіи. Цѣль ихъ пребыванія здѣсь состоитъ, между прочимъ, въ выработкѣ такихъ мѣръ, которыя обезпечили бы въ будущемъ исправную эвакуацію. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ полагали, что трехъ санитарныхъ поѣздовъ въ недѣлю будетъ совершенно достаточно, теперь же необходимо отправлять поѣзда иногда по два раза въ день. Конечно, такія дѣла, какъ подъ Плевной, гдѣ было поднято около 8 тысячъ раненыхъ (общая потеря наша въ этомъ несчастномъ дѣлѣ простирается до 12,000), не часто повторяются, но зато надобно ждать увеличенія числа больныхъ сообразно возрастанію числа войскъ. Уже

теперь изъ Яссъ вывозится въ недѣлю болѣе 3,000 больныхъ и раненыхъ.

Мѣстъ въ госпиталяхъ вообще пока достаточно въ Россіи, такъ какъ «Красный Крестъ» устроилъ 16,000 кроватей, да у бессарабскаго воинскаго начальника имѣется 4,500 казенныхъ кроватей, но многіе госпитали очень отдалены, и отъ Москвы ихъ необходимо передвинуть на югъ, ближе къ театру военныхъ дѣйствій, что уже отчасти дѣлается.

Тогда эвакуація будетъ производиться такимъ образомъ, что спеціальные санитарные поѣзда, представляющіе отличные подвижные лазареты, станутъ перевозить въ отдаленные пункты тяжело раненыхъ и больныхъ, на возвращеніе которыхъ въ армію нельзя разсчитывать. Наблюденіе за такими больными въ маленькихъ отдаленныхъ лазаретахъ будетъ, конечно, несравненно удобнѣе.

Затѣмъ до Кіева и Харькова будутъ развозиться въ приспособленныхъ временныхъ поѣздахъ только слабо больные и легко раненые, размѣщаемые удобно по большимъ госпиталямъ. Сифилитики, для которыхъ имѣется особое бѣлье и вагоны, сосредоточиваются около Балты. Изъ Кіева и Харькова, имѣющихъ въ сложности только 2,900 кроватей, еще болѣе слабые больные будутъ развозиться въ околодки по запаснымъ батальонамъ, для чего устраиваются санитарныя станціи.

Яссы.

15 августа.

Оставляя Яссы, нельзя не посвятить нѣсколько словъ госпиталю, устроенному здѣсь за городомъ, около гулянія Копо, обществомъ «Краснаго Креста». Въ этомъ-то госпиталѣ старшимъ врачомъ состоитъ извѣстный Петербургу профессоръ Богдановскій и совершаетъ самыя труднѣйшія хирургическія операціи: резекціи, ампутаціи и т. п. Слабонервнымъ людямъ въ этотъ госпиталь лучше и не заглядывать, особенно по утрамъ, когда идетъ перевязка. Въ одномъ мѣстѣ пилятъ кость, въ другомъ — лежитъ на столѣ рука, въ третьемъ — соскабливаютъ надкостную плеву у живого человѣка, въ четвертомъ — докторъ, запустивъ руку, роется въ ранѣ... Зрѣлище ужасное, трогающее всѣхъ, кромѣ врачей...

Хирургія сдѣлала большіе успѣхи за послѣднее время вслѣдствіе изобрѣтенія болеутоляющихъ, кровоостанавливающихъ и противугнилостныхъ средствъ. Операціи должны производиться теперь безъ боли и потери крови и заживать безъ всякаго нагноенія. Но, конечно, все это мало приложимо на войнѣ и потому число ампутацій превосходитъ дѣйствительную потребность.

«Верхній баракъ», какъ называютъ здѣсь госпиталь «Краснаго Креста», предназначенъ для самыхъ трудныхъ раненыхъ. Онъ состоитъ изъ одного большого барака на 60 кроватей и одного малаго въ 6 палатокъ, въ сложности на 70 кроватей. Общее устройство, вентиляція, устройство ватеръклозетовъ — превосходное. Содержаніе почти роскошное, самыя прихотливыя требованія больныхъ стараются исполнить — какъ завѣдующій баракомъ камергеръ Вейсъ, такъ и уполномоченный Краснаго Креста Эм. Дм. Нарышкинъ. При баракѣ нанятъ для прогулки большой садъ, гдѣ помѣщается и домъ для врачебнаго персонала.

Такой уходъ оказываетъ поразительное вліяніе на исходъ ранъ. Гуляя съ Нарышкинымъ — всѣми глубокоуважаемымъ старцемъ, котораго годы и дѣла не остановили, чтобы идти служить несчастнымъ, я самъ слышалъ, какъ тяжело раненые распѣваютъ пѣсни. Недавно еще хирурги рѣзали руки и ноги какъ филе, теперь же система пользованія измѣнилась, и раны лѣчатъ болѣе всего тщательнымъ уходомъ, хорошею пищею, виномъ и особенно чистымъ воздухомъ.

Зато и случается, что раненый, валявшійся безъ перевязки цѣлую недѣлю, перевезенный, по недосмотру, въ тряскомъ вагонѣ и доставленный почти умирающимъ въ баракъ, черезъ четыре, пять дней выглядываетъ уже довольно бодро.

Госпиталь имѣетъ, однако, и свои недостатки. Онъ требуетъ 50 человѣкъ персонала, одного изъ первоклассныхъ хирурговъ, обходится не дешево и все это для 130 человѣкъ больныхъ. Очевидно, что въ виду громадной массы раненыхъ попасть въ эти 130 представляется какъ бы счастливымъ выигрышемъ въ лотерею.

Я писалъ уже не мало о перевозкѣ раненыхъ. Да не примутъ мое описаніе за желаніе представить слишкомъ мрачную картину. Это было бы несправедливо. Сравнительно съ Крымскою войною, санитарная часть наша сдѣлала огромные успѣхи, а помощь «Краснаго Креста» оказывается существенной; нельзя впрочемъ закрывать глаза и на неизбѣжные недостатки. Нѣкоторыя явленія просто даже непонятны и объясняются только административной рутиной.

Кто бы повѣрилъ, напримѣръ, что раненые даже безъ рукъ и ногъ перевозятся съ ихъ ружьями, ранцами и др. казеннымъ имуществомъ. Это объясняютъ тѣмъ, что раненыхъ подбираютъ часто на полѣ сраженія и прямо везутъ въ госпиталь; затѣмъ такъ какъ оружіе и прочія вещи находятся на отвѣтственности солдата, даются ему безъ срока службы, то и остаются при немъ до самаго выздоровленія. Аргументъ, по моему мнѣнію, не выдерживающій никакой критики.

Почему оружіе, ранцы и т. п. совершенно не нужныя для больного вещи не сдавались бы въ эвакуаціонныя комиссіи и по мѣрѣ накопленія не возвращались бы въ свои части съ объясненіемъ— отъ кого они получены? Теперь же хотя мѣста и для самихъ больныхъ мало, а съ ними въ Смоленскъ или Ярославль въ санитарныхъ поѣздахъ везутъ ружья и патронташи! При этомъ такъ какъ раненые сами силъ не имѣютъ, то вещи эти приходится таскать изъ вагона въ вагонъ санитарной прислугѣ, которой и безъ того не мало работы.

Снаряженіе санитарнаго поѣзда занимаетъ нѣсколько часовъ. Надобно сказать, однако, что и поспѣшность не всегда умѣстна. Видя, какъ долго составляются санитарные поѣзда, Анненковъ сказалъ, что онъ научитъ, какъ слѣдуетъ это дѣлать скоро. Вышло нѣчто очень комическое. Поѣздъ былъ поданъ утромъ; пріѣхалъ Анненковъ, приказалъ переносить раненыхъ; ихъ разложили по вагонамъ. Но тутъ-то и выяснилось, что необходима строгая разборка и людей и документовъ, выдача денегъ на дорогу и пр.; все перепуталось, пришлось выносить всѣхъ обратно, но такъ какъ многіе больные забыли уже, гдѣ лежали, а нѣкоторые больные были въ бреду и безъ памяти, то получился на нѣсколько дней страшный кавардакъ въ больницѣ. Анненковъ сконфузился, а госпитальное начальство торжествовало.

На-дняхъ въ Яссахъ будетъ разбираться интересное военно-судное дѣло. Одинъ пьяный казакъ такъ разгулялся, что для арестованія его пришлось посылать чуть не роту, при чемъ онъ изранилъ 26 человѣкъ румынскаго воинства. Этотъ новый Orlando Furioso возбуждаетъ тутъ симпатіи, но въ военное время законъ неумолимъ и размашистая натура, не дождавшаяся турокъ для совершенія своихъ подвиговъ, можетъ быть, поплатится жизнью.

Галацъ.

17 августа.

Я провелъ вчера цѣлый день въ Галацѣ, въ обществѣ милѣйшихъ инженеровъ путей сообщенія: Серебрякова, Усова, Лессара и Мсциховскаго, собирая такимъ образомъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія о вновь строющейся военной желѣзной дорогѣ изъ Бендеръ въ Галацъ, крайне необходимой для нашихъ сообщеній съ дѣйствующей арміей. Свѣдѣнія эти нѣсколько отличны отъ тѣхъ, которыя я сообщилъ изъ Яссъ. Дѣло представляется вовсе не въ такомъ заманчивомъ для подрядчика видѣ, и если дѣйствительно удастся построить дорогу въ три мѣсяца, или даже, какъ хочетъ непремѣнно С. С. Поляковъ (что, повидимому, невозможно), къ 1 октября, то лишь цѣною большихъ денежныхъ пожертвованій. Мнѣ сообщали, что Поляковъ, подъ вліяніемъ вѣ-

роятно своего высокаго чина, началъ даже на запросы служащихъ присылать телеграммы, перефразируя слова великихъ людей, въ родѣ напр., словъ Екатерины гр. Румянцеву о Никополѣ: «Не считайте, а берите», или: «сыпьте насыпь изъ золота», «неужели вамъ жалко моихъ денегъ» и т. п. Правда, что для постройки этой дороги извѣстный домъ барона Гинцбурга въ Парижѣ открылъ строителю неограниченный кредитъ, и въ деньгахъ недостатка нѣтъ.

Затрудненія для постройки, однако, очень многочисленны... Прежде всего затрудненія мѣстности. Они оказались весьма серьезными, тѣмъ болѣе, что краткость срока заставила строить ранѣе даже, чѣмъ были окончены подробныя изысканія, до сихъ поръ продолжающіяся. Дорога имѣетъ около 300 верстъ протяженія, причемъ 82 версты по румынской территоріи. Въ русской части желѣзной дороги мѣстность очень трудная и земляныхъ работъ приходится среднимъ числомъ болѣе 1000 кубич. саженъ на версту дороги при цѣнѣ кубика въ 5 руб. Есть выемки глубиною въ 7 саженъ; баласту по дорогѣ очень мало, и онъ обойдется по 4000 руб. на версту, затѣмъ очень много мостовъ, а мостъ черезъ Прутъ даже длиною въ 50 саженъ; по р. Ялпуху придется уничтожить много плотинъ и скупать рыбныя ловли.

Второе затрудненіе является въ томъ, что на эту дорогу никакой концессіи не было дано, поэтому отчужденіе земель можетъ быть только полюбовное. Между тѣмъ при одномъ приступѣ къ работамъ въ Румыніи, цѣлая стая голодныхъ адвокатовъ, которыхъ въ Румыніи видимо-невидимо, налетѣла на линію и стала учить крестьянъ не только не продавать своихъ земель и садовъ для дороги, но еще начинать разные иски объ убыткахъ. На бѣду въ Румыніи законъ запрещаетъ жидамъ покупать земли, поэтому всѣ покупки должны дѣлаться не на имя подрядчика, а на имя третьихъ лицъ, причемъ нужно щедро «смазывать» трибуналы. Къ слову замѣтимъ, что взяточничество развито въ румынской администраціи до чрезвычайности.

Самыя высшія румынскія власти постройкѣ дороги не только не содѣйствуютъ, а напротивъ всячески противодѣйствуютъ и даже намекаютъ на возможность пріостановки работъ открытою силою. Дѣло въ томъ, что гг. румыны возвращеніе Россіи южной части Бессарабіи считаютъ дѣломъ рѣшеннымъ и безповоротнымъ, поэтому они желаютъ вознагражденія, которое заранѣе было бы выговорено въ формѣ писанной конвенціи. Населеніе бывшихъ нашихъ Кагульскаго и Измаильскаго уѣздовъ à la lettre въ восторгѣ отъ мысли вернуться въ русское подданство, изъ чего явствуетъ, что румынская свобода весьма обманчивое слово, по крайней мѣрѣ, для этой части населенія.

Какъ я сказалъ выше, румынскія власти противодѣйствуютъ дорогѣ и при каждомъ случаѣ протестуютъ; протестуетъ министерство публичныхъ работъ, зачѣмъ заняли часть его шоссе, а между тѣмъ министръ, принимая Мсциховскаго, безъ церемоніи открылъ, какъ наши дореформенные судьи, ящикъ у своего письменнаго стола и сказалъ: «Мнѣ нужно денегъ, много денегъ...» Протестуетъ префектъ, протестуетъ городъ Галацъ и т. д., хотя за все строители платятъ вдвое. Къ этимъ протестамъ присоединяется мѣстная печать, которую тоже нужно подкупать. Я перечислилъ еще малую часть затрудненій. На волахъ возить, наприм., матеріалы изъ Галаца на линію нельзя, потому что по случаю падежа скота устроенъ строжайшій карантинъ, на лошадяхъ тоже нельзя, потому что лошадей нѣтъ, ихъ забрало румынское правительство для военно-конской повинности и крестьянамъ выдало даже не деньгами, а квитанціями. Пробовали выписать лошадей изъ Австріи, но ихъ задержала во имя нейтралитета австрійская таможня, такъ какъ желѣзная дорога Полякова называется «военною».

Въ каждомъ городѣ приходится платить заставныя пошлины, а на шоссе—шоссейныя, весьма высокія и произвольныя, которыя кстати еще увели-

чили. При этомъ, такъ какъ путь черезъ Галацъ, по необходимости водной доставки, неизбѣженъ, а Галацъ porto franco, то при нагрузкѣ на суда приходится вторично уплачивать всѣ таможенныя пошлины.

Румынскія дороги съ своей стороны обрадовались случаю пограбить и дерутъ невѣроятныя цѣны, не давая между тѣмъ мѣста для складовъ. Подача отъ станціи вагона до пристани на $1^1/_2$ версты стоитъ въ Галацѣ 23 франка, выгрузка и нагрузка 10 франковъ, также дерутъ и водяные доставщики. Немногимъ лучше и съ русской стороны. Рабочіе землекопы не пропускаются черезъ границу безъ заграничныхъ паспортовъ, одесская желѣзная дорога повысила безобразно свой тарифъ на перевозку желѣзнодорожныхъ принадлежностей, нашъ консулъ въ Галацѣ выражаетъ дѣлу глубокое «сочувствіе», но отказывается принимать какое-либо участіе, когда обращаются къ его содѣйствію. Разныхъ мелкихъ недоразумѣній не оберешься.

Полякова они, повидимому, не пугаютъ; по крайней мѣрѣ я встрѣтилъ его въ Барбошѣ, вмѣстѣ съ главнымъ инженеромъ Даниловымъ, отправляющимся въ Бухарестъ, откуда Даниловъ отправится далѣе на изысканія въ Тырновъ. Дѣло въ томъ, что Поляковъ берется сдѣлать уже совершенный tour de force, а именно въ 45 дней построить военную

желѣзную дорогу изъ Журжева въ Зимницу и далѣе до Тырнова.

Говорятъ, что Поляковъ убѣдилъ всѣхъ, что безъ подобной желѣзной дороги веденіе войны напоминало бы войны добраго стараго времени. Въ доказательство же своего патріотизма будущій подрядчикъ пожертвовалъ, какъ слышно, паровой паромъ для переправы черезъ Дунай изъ Зимницы въ Систово. Потребность въ подобномъ паромѣ весьма чувствовалась. Паромъ заказанъ за границею.

Даниловъ давно правая рука Полякова. Послѣдній началъ свою карьеру мелкимъ поставщикомъ камня на шоссе на дистанціи, которою завѣдывалъ Даниловъ.

Браиловъ.

19 августа.

Мнѣ пришлось прожить два дня въ пустынномъ Браиловѣ, въ ожиданіи парохода, который доставилъ бы меня въ Черноводы. Первую ночь въ гостиницѣ я не могъ спать. По какому-то случаю офицерство кутило и подъ звуки огромнаго оркестра цыганъ мой петербургскій знакомый, генералъ гр. Орловъ-Денисовъ, къ великому изумленію проѣзжихъ, танцовалъ въ большой залѣ почти въ томъ же видѣ, какъ царь Давидъ передъ Скиніей Завѣта. Попасть въ Черноводы требуется особая протекція, потому

что единственное сообщеніе съ дѣйствующимъ въ Добруджѣ корпусомъ поддерживается лишь нѣсколькими миніатюрными казенными пароходами, ходящими не срочно и переполненными въ одинъ рейсъ войсками, идущими на подкрѣпленіе генералу Циммерману, а обратно больными, преимущественно лихорадочными и дисентериками. О числѣ больныхъ можно заключить изъ того, что даже въ браиловской морской командѣ, находящейся въ лучшихъ условіяхъ, 10% лежатъ въ лихорадкѣ.

Мнѣ пришлось ѣхать съ цѣлою ротою саперъ, которая возвращалась въ Добруджу изъ-подъ Плевны, куда саперы пришли теперь изъ другихъ мѣстъ, но гдѣ, повидимому, мысль о правильныхъ осадныхъ работахъ и даже о минной войнѣ оставлена. Саперные офицеры отзывались мнѣ съ большою похвалою о турецкихъ фортификаціонныхъ работахъ, особенно о замѣчательномъ большомъ редутѣ, командующемъ входомъ въ Плевну. Несмотря на краткость времени, турки успѣли вырыть глубокій ровъ и даже укрѣпить камнемъ эскарпъ и контръ-эскарпъ онаго, сдѣланные отвѣсно; затѣмъ самый редутъ состоитъ изъ двойной линіи брустверовъ.

Русскіе начальники, по словамъ саперовъ, не укрѣпляютъ своихъ позицій и пренебрегаютъ даже устройствомъ стрѣлковыхъ ложементовъ, почему линіи ружейнаго и артилерійскаго огня у насъ со-

впадаютъ; туркамъ остается пройдти въ сильномъ огнѣ очень небольшое пространство и, что еще чувствительнѣе, прислуга на нашихъ батареяхъ бываетъ перебита въ самомъ началѣ боя.

Рота эта участвовала во второмъ пораженіи подъ Плевною и даже развернулась въ цѣпь, прикрывая отступленіе. Офицеры во всемъ винили неумѣлость и нераспорядительность генерала Криденера, атаковавшаго городъ безъ всякой предварительной рекогнисцировки. Много было разсказовъ о храбрости Скобелева, впрочемъ, слишкомъ показной. Про другихъ генераловъ отзывы менѣе утѣшительны, напримѣръ о Дерожинскомъ, а Пузанова Скобелевъ нашелъ сидящимъ въ кукурузѣ и разнесъ напропалую. Отличился военнымъ краснорѣчіемъ генералъ Горшковъ. Когда его бригада замѣшалась и попятилась, онъ закричалъ солдатамъ:

— С... дѣти, у меня въ Петербургѣ два дома и я не трушу, а вамъ кромѣ блохъ и вшей терять нечего, такъ чего вы боитесь?

Эти слова, заимствованныя очевидно не изъ Тита Ливія, подѣйствовали, говорятъ, отлично.

Вообще же наша армія дерется очень храбро и ведетъ себя превосходно. Я видѣлъ въ Браиловѣ офицеровъ военно-суднаго управленія, которые говорили, что у нихъ замѣчательно малое количество дѣлъ, сравнительно съ численностью нашего войска.

Похвальный отзывъ о поведенiи русскихъ войскъ я слышалъ еще и отъ одного почтеннаго румынскаго помѣщика, который помнитъ очень хорошо четыре русскихъ похода въ Румынiи; въ 1828 — 29, въ 1848 — 49, въ 1853 — 55 годахъ и нынѣ. По его словамъ, прогрессъ въ дисциплинѣ и въ организацiи особенно санитарной части русской армiи огромный.

Въ числѣ недостатковъ нашихъ, слышанныхъ уже мною отъ офицеровъ и даже генераловъ, указываютъ на постоянное раздробленiе боевыхъ единицъ. Случается, что корпусный командиръ находится при бригадѣ своего корпуса, или дивизiонный командиръ въ одномъ мѣстѣ, а двѣ его бригады каждая порознь въ другихъ мѣстахъ; вообще всѣ отряды составлены изъ отдѣльныхъ, какъ бы случайно взятыхъ, частей. Бываютъ и такiе случаи: маршевой эскадронъ одного уланскаго полка былъ пущенъ въ атаку около Плевны еще не дойдя до своего полка. Я видѣлъ офицера и юнкера этого эскадрона ранеными, въ санитарномъ поѣздѣ.

Здѣшнiя газеты ужасно воинственны и многiя въ своемъ враньѣ дошли до того, что говорятъ уже съ пафосомъ о румынско-русской армiи, точно Россiя доставила только какой-нибудь вспомогательный корпусъ для Румынiи. Впрочемъ, и тутъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, смотрящихъ трезво на участiе Румынiи въ войнѣ.

На желѣзной дорогѣ я встрѣтилъ одного предсѣдателя окружнаго суда довольно большого въ Молдавiи города. Онъ во всеуслышанiе называлъ румынское управленiе фарсомъ и восхвалялъ блага просвѣщеннаго деспотизма. Этотъ оригинальный господинъ весьма мѣтко охарактеризовалъ отношенiе Румынiи къ настоящей войнѣ.

Наше положенiе, говорилъ онъ, можно сравнить съ положенiемъ человѣка, который подошелъ къ двумъ играющимъ и, заглянувъ имъ въ карты, сталъ умолять того, который, казалось, долженъ былъ выиграть навѣрняка, принять его въ долю. Понятно: отказъ. Новая просьба, новый отказъ. Наконецъ, послѣ длинныхъ упрашиванiй слѣдуетъ согласiе и тогда, о ужасъ, напрашивающiйся видитъ, что обыгрываетъ противникъ!..

Черноводы.

20 августа.

Говорятъ, что въ каждомъ письмѣ императоръ Вильгельмъ спрашиваетъ состоящаго при нашей главной квартирѣ Вердера: «Что же дѣлаетъ Циммерманъ?» Дѣйствительно, о дѣйствiяхъ нашихъ войскъ въ Добруджѣ имѣется очень мало свѣдѣнiй, кромѣ нѣсколькихъ завѣдомо ложныхъ телеграммъ изъ турецкаго источника о высадкѣ въ Кюстенджи и т. п.; поэтому я нашелъ не безпо-

лезнымъ съѣздить въ Кюстенджи вдоль линіи расположенія нашихъ войскъ. Подобное путешествіе совершается съ комфортомъ, просто поражающимъ тѣхъ, кто ожидаетъ «ужасовъ войны».

Я писалъ уже, что четыре парохода, пріобрѣтенныхъ отъ румынскаго правительства: «Стефанъ», «Романія», «Взрывъ» и «Загражденіе», снабженные русскимъ военнымъ экипажемъ и пушками, совершаютъ правильное сообщеніе по Дунаю изъ Браилова въ Черноводы. Это разстояніе проходится пароходомъ въ 12—14 часовъ вверхъ по рѣкѣ и въ 6—7½ часовъ внизъ по водѣ. На пароходы принимаютъ по запискамъ отъ комендантовъ, проѣздъ безплатный, но зато приходится продовольствоваться чѣмъ Богъ послалъ. Капитаны, впрочемъ, любезно дѣлятся своимъ столомъ съ проѣзжающими. На пароходѣ «Романія» командиръ лейтенантъ Загорянскій совершалъ при мнѣ чудеса, угощалъ обѣдомъ 12 гостей, имѣя только семь ножей и вилокъ; общество на пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ, было особенно многочисленно, ѣхало даже трое дамъ. Къ пароходу прицѣпили баржу для помѣщенія солдатъ, которымъ иначе надобно употреблять 5 дней на переходъ до Черноводъ сухимъ путемъ.

Дунай, обыкновенно пустынный, теперь кажется совсѣмъ безжизненнымъ; частныхъ судовъ почти не встрѣчается, а пароходство едва ли и возможно,

потому что уголь продается по 160 франковъ за тонну. Эта часть рѣки, какъ извѣстно, не отличается и живописностью, только Гирсово съ его обрывистыми берегами и остатками турецкихъ укрѣпленій производитъ эффектъ. Турецкая часть города сильно изуродована. Вообще по дорогѣ только селенія раскольничьи, молдаванскія и болгарскія хорошо сохранились, турецкія же были разграблены болгарами до прибытія нашихъ войскъ и стоятъ безъ оконъ и дверей. Такъ какъ часть турокъ осталась на мѣстѣ, то наши власти вынуждены были разыскивать съ большимъ трудомъ украденное и возвращать его. Рьяность мѣстныхъ жителей отчасти вредила намъ самимъ. Такъ, турки, оставляя Добруджу, унесли только телеграфные апараты; торопливость ихъ дошла до того, что на станціяхъ остались не разосланныя по адресу депеши. Жители же по уходѣ турокъ изрубили столбы и разбили изоляторы, такъ что военно-телеграфному парку пришлось почти вновь соорудить телеграфную линію въ 230 верстъ. Линія, хотя мѣстами вмѣсто изоляторовъ служатъ старыя резиновыя калоши, дѣйствуетъ исправно и принимаетъ свободно частныя депеши. Устройство ея дѣлаетъ честь 4-му телеграфному парку.

Черноводы, гдѣ находится штабъ дѣйствующей въ Добруджѣ маленькой арміи и гдѣ живетъ ко-

мандиръ 14-го корпуса генералъ Циммерманъ,—довольно жалкая деревня, о которой съ ужасомъ говорятъ всѣ служащіе. Это мѣсто лихорадочное и жизнь тутъ очень дорога. Я, впрочемъ, ожидалъ хуже чѣмъ нашелъ. Имѣется подобіе кафе-шантана и нѣсколько гостиницъ т. е. харчевень, гдѣ можно получить за дорогую цѣну право, конечно, не спать, а лежать на грязной кровати въ обществѣ четырехъ или пяти офицеровъ. Одну изъ такихъ харчевень содержитъ австрійскій докторъ медицины, разореный войною. Каждый домикъ въ Черноводахъ переполненъ жителями; объясненіемъ къ такому обстоятельству служатъ наши штабы, страшно многочисленные. Не видавъ, трудно воочію себѣ составить понятіе о числѣ и разнообразіи въ одѣяніи офицеровъ и чиновниковъ, сидящихъ за канцелярскою работою въ каждомъ изъ городовъ, занятомъ дѣйствующей арміей.

Генералъ Циммерманъ, извѣстный какъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей по завоеванію Средней Азіи и ярый балетоманъ, помѣщается близъ пристани въ небольшомъ домикѣ, примыкающемъ къ станціи желѣзной дороги, принадлежащей англійскому обществу D. and R. S. R. C°., т. е. «Добруджа-черноморской желѣзной дороги». Турки, уходя, не разрушили желѣзную дорогу какъ англійскую собственность, и она теперь со всѣмъ своимъ по-

движнымъ составомъ продолжаетъ эксплоатироваться англичанами исключительно въ пользу русской арміи. Каждый день въ 2 часа пасажирскій поѣздъ акуратно уходитъ изъ Черноводъ въ Кюстенджи, и каждый же день приходитъ оттуда въ 11 часовъ. Плата за проѣздъ не взимается съ офицеровъ, ѣдущихъ по службѣ, и взимается въ половинномъ размѣрѣ съ тѣхъ, кто ѣдетъ по собственной надобности; но такъ какъ различіе тѣхъ и другихъ уловить трудно, то англичане махнули рукою и возятъ всѣхъ даромъ, въ надеждѣ на общее вознагражденіе отъ нашего правительства. Я еще поговорю объ этой дорогѣ и пользѣ отъ нея, теперь же сообщу кое-что изъ слышаннаго о дѣйствіи арміи въ Добруджѣ.

Всѣ безъ изъятія войска, стоящія въ Добруджѣ, горько жалуются на свое бездѣйствіе и на ту крайне безцвѣтную роль, которая на ихъ долю выпала. Очень можетъ быть, что роль эта находится въ связи съ общимъ стратегическимъ планомъ войны, но такъ какъ планъ этотъ никому, безъ сомнѣнія, не извѣстенъ, то всѣ офицеры, отъ высшихъ до низшихъ, обвиняютъ свой штабъ.

Начальникъ этого штаба генералъ Ждановъ. Слухъ о замѣнѣ Циммермана болѣе энергическимъ Ганецкимъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Циммерманъ упустилъ турокъ при Меджидіе, зато перепоролъ не мало пѣхотныхъ солдатъ и казаковъ и

хотѣлъ выдрать англійскаго корреспондента и управляющаго желѣзной дорогою.

Недоумѣніе войскъ, стоящихъ въ Добруджѣ, происходитъ преимущественно оттого, что наши дѣйствія тамъ отличаются крайнею осторожностью; недавно даже наши аванпосты, стоявшіе не далѣе тридцати верстъ къ югу отъ желѣзной дороги, отодвинуты назадъ почти къ самой линіи, между тѣмъ непріятеля, кромѣ ничтожныхъ шаекъ мародеровъ, вовсе невидно, но и по наиболѣе точнымъ свѣдѣніямъ все количество турецко-египетскихъ войскъ, дѣйствующихъ противъ нашей арміи въ Добруджѣ, не превосходитъ тысячи восьми сотъ человѣкъ. Въ Силистріи войскъ также, по словамъ шпіоновъ, очень мало. Турки, правда, распускаютъ слухи о дѣятельности египетской арміи, но египетскія войска принца Гассана находятся около Шумлы и только часть въ Варнѣ.

Бездѣйствіе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ — тѣмъ тягостнѣе вліяетъ на войско, что служба въ Добруджѣ вовсе не легкая. Есть полки, гдѣ считается по 600 больныхъ, преимущественно лихорадкою, которая тутъ сопровождается даже апоплексическими ударами и вообще проявляется въ такой рѣзкой формѣ, что пріемы хинина въ 20 гранъ за разъ остаются безъ результатовъ. Большая часть врачей сами въ лихорадкѣ и только казаки, при-

выкшіе съ дѣтства спать на сырой землѣ и питаться фруктами, мало болѣютъ лихорадкой и дисентеріей.

Относительно своей кампаніи, изъ которой описана до сихъ поръ только переправа, офицеры разсказываютъ много интересныхъ подробностей.

Хотя существуетъ убѣжденіе, что санитарная часть очень дурно будто бы устроена у турокъ, нашихъ офицеровъ поражало, однако, что, несмотря на быстрое отступленіе, турки вездѣ успѣвали подбирать и увозить своихъ раненыхъ, до чего мы, къ сожалѣнію, не достигли, какъ показали Зевинъ и Плевна.

Въ настоящее время дѣйствія въ Добруджѣ ограничиваются исключительно фуражировками; поэтому офицеры прозвали войну тамъ «куриною войною», разумѣя, что она ведется болѣе въ ущербъ живности татарскихъ селеній, нежели турецкимъ военнымъ силамъ.

Несмотря, а можетъ быть благодаря хваленому прогрессу, искусство снимать пѣнки на войнѣ не только не пошло назадъ, но сдѣлало шагъ впередъ сравнительно съ временами Крымской войны. Интендантство стоитъ на первомъ планѣ, охулки на руку не положило и медицинское вѣдомство и артиллеристы, особенно въ подвижныхъ паркахъ; эти художествомъ превзошли и интендантовъ. Отлича-

ются также казаки. Командиры полковъ, гдѣ нѣтъ еще хозяйственныхъ комитетовъ, преспокойно отсылаютъ деньги на фуражъ въ банки, а казакамъ предоставляютъ «стараться». На кормъ лошадей идутъ крыши болгарскихъ и румынскихъ хатъ. Казаки «стараются» не только противъ непріятеля, но и противъ своихъ. На каждой станціи неизбѣжна сцена: казакъ предлагаетъ мѣняться сапогами съ пѣхотинцами, очень любящими обувь; въ концѣ-концовъ казакъ куда-то исчезаетъ, а бѣдная пѣхтура остается босикомъ.

Всѣ тутъ жаждутъ или энергическаго движенія впередъ къ Силистріи и Варнѣ, или же, если такое движеніе не соотвѣтствуетъ общему плану, то перевода большей части войскъ изъ Добруджи по ту сторону Рущука, такъ какъ собственно для охраны Добруджи считаютъ достаточной одной дивизіи.

Когда я заканчивалъ это письмо, пришло въ Черноводы извѣстіе, будто бы турки наводятъ мостъ у Силистріи для переправы на лѣвый берегъ Дуная въ Румынію, но это по всей вѣроятности утка, сообщенная казаками, которые все перевираютъ.

Кюстенджи.

22 августа.

Письмо это посылаю съ знакомымъ, отправляющимся въ Браиловъ, — иначе оно шло бы до Петербурга 10—12 дней. Бухарестъ въ глазахъ нашей полевой почты яко бы губернскій городъ, всѣ прочіе — уѣздные. Такимъ образомъ, письмо изъ Яссъ, находящихся въ 20 верстахъ отъ нашей границы, чтобы попасть въ Россію, сначала путешествуетъ въ Бухарестъ, затѣмъ черезъ тѣ же Яссы отправляется на родину...

Я описалъ уже Черноводы и штабъ нашего отдѣльнаго корпуса въ Добруджѣ. Говорятъ, что корреспондентъ «New York Herald» для этого описанія жилъ мѣсяцъ, но въ такомъ случаѣ надобно только удивляться терпѣнію американца, а равно терпѣнію г-жи Мевесъ, исполняющей въ госпиталѣ роль сестры милосердія. Даже невзыскательные армейскіе и казачьи офицеры, тоскуютъ и ждутъ какъ особаго счастья съѣздить на денекъ въ Кюстенджи или Браиловъ, гдѣ, впрочемъ, также веселье условное. А въ Черноводахъ нельзя достать иного хлѣба, кромѣ солдатскаго.

Въ Черноводахъ стоитъ «Фульджеросъ»,—рѣчной броненосецъ, на которомъ всѣмъ извѣстные лейтенанты Шестаковъ и Дубасовъ совершаютъ

поиски къ Силистріи. Несмотря на сильную болѣзненность, госпиталя въ Черноводахъ нѣтъ, и больные, даже холерные, сейчасъ же перевозятся въ Браиловъ, который постепенно обращается въ громадный лазаретъ.

Мнѣ пришлось ѣхать въ Кюстенджи — крайній лѣвый флангъ нашего расположенія — на другой день послѣ выдачи жалованія, такъ называемаго французами праздника de la Sainte-Touche. Цѣлый поѣздъ былъ наполненъ казначеями съ туго-набитыми русскимъ серебромъ и золотомъ сумками. Въ этой компаніи, развлекаясь отъ жары арбузами и виноградомъ, которые продаются здѣсь, ради войны, по елисѣевскимъ цѣнамъ, переѣздъ, требующій три часа, совершился незамѣтно. Поѣздъ идетъ со скоростью умѣренною, вагоны устроены совершенно по-англійски и были бы тѣсны для болѣе длинныхъ переѣздовъ. Замѣчательно еще, что на всемъ протяженіи пути нѣтъ ни одного сторожа, ни одной сторожевой будки.

Первый перегонъ на станціи Меджидіе идетъ по разливу Дуная, среди камышей, росту выше вагона; пейзажъ совершенно египетскій, птицъ тысячи и охота великолѣпная. Меджидіе особенно ненавистно нашимъ войскамъ по страшнымъ лихорадкамъ.

Въ Меджидіѣ я встрѣтилъ громадный транспортъ русскихъ телѣгъ. Всѣ погонщики были изъ внутреннихъ губерній. Это исключительно отставные солдаты, уже бывавшіе въ походахъ въ Турціи. Они получаютъ по 30 рублей въ мѣсяцъ, но жалуются, что «жиды», т. е. меджидскіе подрядчики, выдаютъ имъ плату кредитками, а послѣднія отъ нихъ тутъ берутъ по $2^1/_2$ франка.

Погонщики были въ довольно жалкомъ видѣ, въ однѣхъ пропотѣвшихъ насквозь рубашкахъ «изабеловаго цвѣта». Извѣстно, что этотъ цвѣтъ названъ въ честь испанской принцессы Изабеллы, которая обѣщала не мѣнять рубашки, пока осажденный Остенде не будетъ взятъ, а осада длилась три года! Я спрашивалъ, какія мѣры употребляютъ погонщики противъ лихорадки? — Водку, отвѣчали они въ одинъ голосъ. — Мы ничего не боимся, прибавляли иные. Большинство теряетъ лошадей и возвращается въ Россію съ одними кнутами.

Отъ Меджидіе до станціи Муфлатаръ и далѣе до Кюстенджи мѣстность характерная для Добруджи: холмистая равнина съ выжженною солнцемъ травою, со брошенными по большей части татарскими деревнями изъ глины и навоза. Вдоль всей линіи желѣзной дороги тянутся курганы, остатки Траянова вала, который, какъ объяснилъ мнѣ серьезно одинъ господинъ, былъ границею Троянскаго царства!

У Кюстенджи поѣздъ совершаетъ фокусъ. Паровозъ отцѣпляется и уходитъ впередъ, а вагоны собственною тяжестью, вслѣдствіе крутого уклона, все съ возрастающею скоростью, докатываются до станціи. Эту штуку выдумали англичане.

Кюстенджи, который, по турецкимъ извѣстіямъ, занятъ египтянами, я нашелъ въ добромъ здоровьи. Было воскресенье и корреспондентъ безъ натяжки могъ бы повторить: «У насъ музыка играетъ, штандартъ скачетъ». Городъ правильно освѣщается по ночамъ, магазины и гостиницы, содержимые почти исключительно греками, открыты, турецкія присутственныя мѣста обращены въ русскія, тюрьму стережетъ болгарская національная гвардія, дѣлающая довольно исправно на караулъ.

Какъ городокъ, Кюстенджи довольно порядочный, хотя отсутствіе торговли уничтожило обычное оживленіе. Главную прелесть его для стоящихъ тутъ войскъ составляетъ отличное въ Черномъ морѣ купанье. Купальня тоже дѣйствуетъ исправно. Вамъ даютъ бѣлье, турецкій кофе, чубуки, какъ и въ мирное время. Въ городѣ даже осталось небольшое европейское общество, семействъ двадцать, преимущественно консуловъ. Турки въ Кюстенджи показываются обыкновенно по воскресеніямъ и при мнѣ дымилъ вдали большой турецкій мониторъ. Дѣло обходится однако спокойно. Разъ только два турецкихъ военныхъ судна бросили въ городъ 20 бомбъ, изъ которыхъ 2 бомбы безъ вреда попали въ пѣхотный лагерь. Говорятъ, что шпіоны дали тогда туркамъ невѣрное свѣдѣніе, будто бы въ Кюстенджи привезены большіе запасы пороха.

Берегъ у Кюстенджи обрывистый, хотя и невысокій; для защиты нашихъ войскъ тамъ насыпаны укрѣпленія, но, какъ слышно, предполагается избрать и укрѣпить другую позицію. Войска стоятъ около Кюстенджи лагеремъ верстахъ въ двухъ отъ города. Хотя мѣсто довольно возвышенное, но лихорадки порядочно сильны. Другое зло лагеря — необыкновенное изобиліе мухъ. Я просто глазамъ не вѣрилъ, проживъ день у стараго знакомаго, командира Тульскаго пѣхотнаго полка, полковника Щуки, видя, какъ внутренность покрышки каждой палатки совершенно черна отъ сидящихъ мухъ. У офицеровъ мухи на ночь сожигаются тарелкою, въ которой налитъ горячій спиртъ. Это истребленіе мухъ составляетъ одно изъ немногихъ развлеченій лагерной жизни. Если бы не ученія по утрамъ, заставляющія вставать рано, говорили мнѣ офицеры, то положительно мы спали бы, кажется, цѣлыя сутки. Книгъ и газетъ нѣтъ, а карты потеряли въ арміи прежнее значеніе, хотя по случаю войны у офицеровъ денегъ довольно; особенно хорошо обставлены начальники отдѣльныхъ частей.

Кромѣ картъ единственное развлеченіе — разговоры о наградахъ и жалобы на несправедливость начальства. Болѣе всего достается, конечно, «моментамъ», т. е. офицерамъ генеральнаго штаба— нелюбовь къ которымъ въ арміи повсемѣстна. Сколько о нихъ разговоровъ, въ родѣ того, что моментъ принялъ въ трехстахъ саженяхъ русскія войска за турецкія.

Настоящая служба въ Добруджѣ при ея скукѣ относительно легкая; жалуются только, что передвиженія дѣлаются иногда безъ нужды поздно, такъ что, придя на позицію, въ здѣшнія темныя ночи войска долго не могутъ ничего разобрать. Недавно одна батарея въ темнотѣ чуть не провалилась въ оврагъ. Зато о весеннемъ походѣ, особенно о переправѣ черезъ разлившійся Прутъ, и преимущественно артилеріи, вспоминаютъ съ ужасомъ. Грязь была выше колѣнъ, а питаться приходилось солдатскими сухарями. Сухари же, вслѣдствіе ихъ затхлости, уже на второй день дѣлаются на вкусъ противными, а на третій день непремѣнно вызываютъ разстройство желудка. Сравнительно съ нашими сухарями галеты турецкихъ войскъ не въ примѣръ лучше, какъ лучше вообще турецкое вооруженіе, обмундированіе, обозъ. Египетскія же войска—совершенные франты.

Систово.

25-го августа.

Я не нашелъ въ Систовѣ помѣщенія и мой извозчикъ-скопецъ предложилъ мнѣ отвезти къ «своимъ». Я нашелъ довольно чистое помѣщеніе, но подъ вліяніемъ извѣстныхъ разсказовъ о пропагандѣ «бѣлыхъ голубей» согласился ночью спать только на сѣновалѣ и спалъ не совсѣмъ спокойно. Такова глупость человѣческая!

Наши скопцы образуютъ въ Бухарестѣ вліятельную общину, весь извозъ въ ихъ рукахъ. Ежегодно королю они подносятъ хлѣбъ-соль. Несмотря на преслѣдованія въ Россіи, скопцы ко всему русскому относятся съ любовью и кромѣ религіи держатся крѣпко русскихъ обычаевъ.

Систово въ настоящее время можетъ считаться центромъ гражданскаго управленія болгарскимъ краемъ, хотя князь Черкасскій и его канцелярія, директоромъ которой состоитъ ген. Соболевъ, слѣдуютъ за главной квартирой. Только въ настоящій моментъ самъ князь находится подъ Плевною, а канцелярія его осталась въ Горномъ Студенѣ. Въ Систовѣ пребываютъ комиссіи, здѣсь же проживаетъ большинство тѣхъ двухсотъ чиновниковъ, которыхъ пріютило уже болгарское управленіе.

Составъ болгарскаго управленія не будетъ ничѣмъ особымъ отличаться отъ состава тѣхъ упра-

вленій, которыя періодически являются на окраинахъ Россіи для ихъ переустройства. Такое переселеніе бюрократическаго элемента изъ столицъ было на Кавказѣ при сенаторѣ Ганѣ, на Амурѣ при графѣ Муравьевѣ, въ Царствѣ Польскомъ при Милютинѣ, въ Средней Азіи начиная съ 1866 г., и т. д.

Г. Бестужевъ-Рюминъ разсказывалъ мнѣ, что когда кн. Черкасскаго, ѣздившаго въ Турцію до войны, спросили въ Славянскомъ Комитетѣ, хорошо ли тамъ, то онъ шутя отвѣтилъ: «Такъ хорошо, что если всѣхъ болгаръ присоединятъ къ Россіи, то они и не замѣтятъ никакой перемѣны».

Въ данномъ случаѣ противники болгарскаго управленія жалуются, что, занявъ въ сущности малую часть Болгаріи, мы создали большой штатъ чиновниковъ, который содержится не на средства края, а изъ русскаго государственнаго казначейства и притомъ почти не имѣетъ занятій. Расходы же на подобное управленіе должны быть непремѣнно велики, потому что, говорятъ, каждый губернаторъ получаетъ 7,000 руб. жалованья гласныхъ, да 8,000 рублей негласныхъ, кромѣ добавочныхъ, на разъѣзды, канцелярію, ремонтъ своего дома и т. п. Домонтовичъ сверхъ того 3,000 руб. на представительство. Губернаторами назначены въ Систовъ—Геровъ, въ Тырновъ—Домантовичъ, въ Тульчу—Бѣлоцерковецъ, въ Виддинъ—Тухолка, даже есть

кандидаты на незавоеванныя еще губерніи, губернаторы, такъ сказать, in partibus infidelium: въ Рущукъ—Золотаревъ, въ Филиппополь—Бобриковъ, въ Солоники—Щербинскій, въ Софію—Тышельскій.

Здѣсь я встрѣтилъ кн. Шаховскаго, съ которымъ подружился въ Рагузѣ въ 1875 г., гдѣ онъ былъ секретаремъ генеральнаго консульства. Шаховской передалъ мнѣ, что кн. Черкасскій очень нелюбимъ своими сослуживцами. Онъ строгъ, придирчивъ, кипятится и въ сущности человѣкъ непрактическій. Чиновничья оппозиція выразилась въ слѣдующихъ юмористическихъ виршахъ дипломата Хитрово:

Переходъ черезъ Дунай.

Надъ несчастною Болгаріей
Солнце новое встаетъ.
Сей народъ не будетъ паріей:
Князь Черкасскій съ канцеляріей
Днесь въ страну сію грядетъ.

—

Дабы въ лѣтопись всемірную
Дѣло дивное вписать,
Въ канцелярію обширную
Молодежь онъ всю трактирную
Вкругъ себя съумѣлъ собрать.

—

Всѣхъ за штатомъ изнывающихъ,
Всѣхъ, кто мѣсто потерялъ,
Спрыхъ, нравственно хромающихъ,
Водъ движенья ожидающихъ
Пріютилъ сей либералъ.

—

Мировою занятъ цѣлію,
Онъ собралъ ихъ не спроста,
Къ многотрудному бездѣлію
Силоамскою купелью
Канцелярья стала та.

—

Всѣмъ страданьямъ меньшей братіи
Тамъ подводится итогъ.
Торжество тамъ демократіи,
Тамъ въ блаженствѣ бюрократіи
Утопаетъ демагогъ.

—

Созидая для Болгаріи
Органическій статутъ,
Въ этой дивной канцеляріи
Бруты, Кассіи и Маріи,
Какъ въ лѣсу грибы, растутъ.

—

И съ оливковою вѣтвью
Князь Черкасскій тамъ сидитъ,
Надъ статутомъ симъ насѣдкою.
И, все это опереткою
Оффенбаховской звучитъ.

Положеніе князя Черкасскаго довольно трудное. Говорятъ, что онъ встрѣчаетъ не мало противодѣйствій, особенно дипломатическихъ; даже жалующіеся на грубость его обращенія и нѣкоторый формализмъ все-таки отдаютъ должную дань уваженія его уму. Анучинъ играетъ роль какъ бы помощника князя Черкасскаго и спеціально завѣдываетъ полицейскимъ управленіемъ Болгаріи. Съ большою похвалою отзываются о Соболевѣ, пра-

вителѣ канцеляріи. Особая комиссія, составленная подъ его предсѣдательствомъ, собрала и напечатала 5 томовъ любопытныхъ статистическихъ таблицъ о Болгаріи, изданныхъ подъ редакціей князя Шаховского и Лаговскаго. Послѣдній, занимавшій довольно трудный постъ нашего консула на островѣ Кандіи, принадлежитъ къ числу лучшихъ знатоковъ турецкаго управленія.

До сихъ поръ мы сохраняемъ въ Болгаріи турецкое административное устройство, да, вѣроятно, и сохранимъ впредь, ибо, говоря безпристрастно, это хорошее устройство. У турокъ оно de facto оставалось на бумагѣ и замѣнялось грубымъ произволомъ, но по принципу самоуправленія, положенному въ основаніе всѣхъ учрежденій, отъ общины до губерніи, это, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ административныхъ устройствъ въ Европѣ.

Относительно другихъ отраслей управленія, находившихся въ Турціи въ гораздо худшемъ положеніи готовятся для Болгаріи обширныя преобразованія. Такъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго оберъ-прокурора Правительствующаго сената Лукіанова учреждена въ Систовѣ особая юридическая коммиссія изъ извѣстнаго знатока славянскаго законодательства профессора Богишича и гг. Тухолки, Лаговскаго и Каченовскаго, которая вырабатываетъ гражданскій кодексъ для Болгаріи. Весьма важный

вопросъ составляетъ также индемнизація турокъ. Для этой цѣли предполагается слѣдовать примѣрамъ, бывшимъ въ Сербіи и Румыніи, послѣ объявленія ихъ автономіи. Тамъ турки сначала запрашивали огромныя суммы вознагражденія, но затѣмъ добродушно уступали. Временно издано распоряженіе, что болгары могутъ косить турецкія поля и снимать жатвы, оставленныя бѣжавшими турками, подъ условіемъ представленія $^1/_3$ валового сбора въ казну, а двухъ третей въ свою пользу. «Вакуфы» конфискуютъ въ пользу казны.

По финансамъ временно сохранена турецкая система податей, вновь введенъ только новый таможенный тарифъ на всѣ товары, кромѣ довольствія арміи, такъ какъ у турокъ, по необъяснимому противорѣчію, вывозныя пошлины были въ два раза болѣе привозныхъ пошлинъ. Новый тарифъ вызываетъ жалобы, такъ какъ небольшой клочокъ болгарской земли, конечно, потребляетъ самое микроскопическое количество иностранныхъ товаровъ, вся же тяжесть новыхъ таможенныхъ пошлинъ ляжетъ исключительно на нашу армію. Между тѣмъ и теперь офицеры, чиновники, солдаты, маркитанты, погонщики и проч. русскій людъ платятъ въ Болгаріи за все втрое и вдесятеро, да еще терпятъ безпрерывно на курсѣ. Для устройства финансовой части въ Болгаріи приглашенъ Иванюковъ, про-

фессоръ политической экономіи въ петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ.

Судъ производится въ Болгаріи временно въ административныхъ совѣтахъ, избранныхъ, какъ я сказалъ, народомъ, гдѣ онъ творится по шаріату или низаміе. Шаріатъ теряетъ теперь смыслъ за выселеніемъ турокъ. Низаміе же, недостаточно обработанное, есть сколокъ съ Code Napoléon Для переустройства болгарскихъ судовъ, въ особенности уголовной части, вызваны изъ Россіи кадры судебныхъ лицъ и приглашенъ спеціально членъ судебной палаты Извольскій. Я слышалъ, что онъ находитъ примѣненіе тутъ нашихъ пресловутыхъ судебныхъ уставовъ не совсѣмъ удобнымъ.

Болгарскія школы, довольно многочисленныя, теперь пустѣютъ; учителя по большей части повѣшены турками и просвѣщеніе ожидаетъ лучшихъ дней. Духовная часть находится также въ неопредѣленномъ положеніи. Многіе священники умерщвлены турками; епископъ, епархія котораго занята русскими, живетъ въ Рущукѣ; а болгарскій экзархъ и его синодъ находятся совершенно въ рукахъ турокъ.

Болгарское ополченіе, сформированное при помощи русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и состоящее подъ командою генерала Столетова, хотя входитъ въ составъ русской арміи, относительно

продовольствія и снабженія подчиняется болгарскому гражданскому управленію.

Относительно будущности Болгаріи, все, конечно, покрыто мракомъ неизвѣстности, но, кажется, автономія ея есть minimum, безъ котораго наше правительство ни въ какомъ случаѣ не заключитъ мира. Касательно организаціи управленія существуетъ много проектовъ. Не забыта и пресловутая международная комиссія; говорятъ также объ учрежденіи княжества или королевства, въ числѣ кандидатовъ на будущій престолъ называютъ уже герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, командующаго кавалерійскою бригадою.

Меня спросятъ, быть можетъ, какъ относится ко всему этому народъ болгарскій. На такой вопросъ отвѣчать очень трудно. Какъ всякая сельская масса, болгарскій народъ не легко выражаетъ свое мнѣніе. Уничтоженію турецкаго владычества онъ безъ сомнѣнія радъ, но не спѣшитъ восторгаться своей самостоятельности, зная, что перемѣны менѣе всего отражаются въ деревняхъ. Нужно, правда, замѣтить, что около Дуная турецкій гнетъ чувствовался менѣе всего. Вездѣ тутъ устроены хорошія дороги, даже шоссе, православныя церкви гораздо роскошнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣдней свободной Румыніи, а богатство хлѣбныхъ скирдъ вокругъ каждаго крестьянскаго дома просто поражаетъ нашихъ

солдатъ, привыкшихъ къ домашнимъ урожаямъ въ самъ-полтора.

По этому поводу ходитъ любопытный разсказъ. Наслышавшись о звѣрствахъ турокъ, государь былъ пораженъ зажиточностью болгарскихъ крестьянъ. Онъ показалъ графу Игнатьеву на холмы, гдѣ золотилась пшеница..

— Это, кажется, отблескъ солнца, сказалъ графъ.

— А это тоже отблескъ солнца, съ неудовольствіемъ сказалъ государь, указывая на прогуливавшихся по крестьянскому двору индѣекъ.

Многіе видятъ нерасположеніе къ намъ болгаръ въ томъ фактѣ, что они или отказываются продавать что-нибудь русскимъ, или берутъ за все дорого. Но не надо забывать вообще крайнюю разсчетливость болгаръ, въ военное же время мысль о возможныхъ бѣдствіяхъ поневолѣ дѣлаетъ ихъ еще болѣе падкими къ каждой копѣйкѣ. Болгары также боятся насильныхъ захватовъ, безъ которыхъ на войнѣ нельзя обойтись и за которыми не усмотритъ никакое начальство. Гдѣ болгары чувствуютъ себя спокойно и безопасно, тамъ ихъ отношенія къ русскимъ лучше и доходятъ до пріязни.

Я лично испытывалъ, что въ болгарской деревнѣ на первые вопросы всегда получаешь неизмѣнный отвѣтъ: — «нима, братушко, нима». Когда же приласкаешь дѣтей и за какой-нибудь хотя пустякъ,

стаканъ сыворотки и т. п., заплатишь наличными деньгами, сейчасъ же являются на сцену и курица или утка на бараньемъ салѣ съ краснымъ перцемъ, и водка-мастика (анизетъ), и виноградъ, и арбузы. Болгары, какъ наши великоруссы, живутъ огромными семьями не раздѣляясь. Образъ же ихъ жизни напоминаетъ скорѣе малороссовъ-земледѣльцевъ.

Для будущихъ отношеній нашихъ къ болгарамъ весьма важную роль играютъ уѣздные начальники, выборъ которыхъ долженъ быть дѣлаемъ какъ можно осторожнѣе. Къ сожалѣнію, слышно, что многіе образованные люди, первоначально взявшіеся за эти званія, особенно изъ гвардейскихъ офицеровъ, поссорившись съ кн. Черкасскимъ, поуходили, а такое дезертированіе, какъ у насъ когда-то въ институтѣ мировыхъ посредниковъ, можетъ содѣйствовать проскальзыванію на эти мѣста различныхъ держимордъ, вовсе не желательныхъ. И теперь порка болгаръ производится преисправно.

Позиція передъ Плевной.

28 августа.

Я отлагаю до слѣдующихъ писемъ описаніе моей поѣздки изъ Журжи на Систово, Чаушъ-Магала (императорская главная квартира) и Радоницу (главная квартира главнокомандующаго), чтобы поско-

рѣе сообщить свѣдѣнія, въ какомъ положеніи я оставилъ наши войска подъ Плевной.

Три дня пришлось мнѣ провести на позиціи въ ожиданіи штурма и, къ сожалѣнію, я долженъ уѣхать, не побывавъ даже у Скобелева, гдѣ меня ждетъ Н. В. Максимовъ. Меня не остановило бы дальнѣйшее питаніе одними галетами и сквернымъ чаемъ, и спанье подъ открытымъ небомъ, но я долженъ уступить требованію своего извозчика. Хотя онъ получалъ акуратно по 4 полуимперіала въ день, но сегодня отказался рѣшительно оставаться. Дѣло въ томъ, что на позиціи нѣтъ ни корму, ни воды для лошадей, поить приходится ѣздить за пять верстъ, въ деревню Пелишатъ, взятую 19-го августа штурмомъ, и одна изъ нанятыхъ мною лошадей уже околѣла отъ лишеній.

Перспектива потерять и остальныхъ лошадей сдѣлала моего извозчика, замѣчательнаго субъекта, изъ бухарестскихъ скопцовъ, очень несговорчивымъ, перспектива же сдѣлать 130 верстъ обратно пѣшкомъ, да еще съ вещами, такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ способовъ сообщенія, поневолѣ вынуждаетъ меня быть уступчивымъ.

Одно время существовала мысль взять Плевну coute qui coute, такъ какъ извѣстіе о томъ, что центръ нашей рущукской арміи оттѣсненъ турками и штабъ Наслѣдника Цесаревича удалился за

р. Янтру въ Дольній Монастырь, заставляло кончить съ Османъ-пашою подъ опасеніемъ повторенія со стороны Магометъ-Али критическаго положенія въ родѣ того, которое послѣдовало послѣ перваго пораженія подъ Плевною.

Наши дѣла подъ Рущукомъ оказались, однако, гораздо лучше, чѣмъ думали по первымъ свѣдѣніямъ, и послѣ сконцентрированія кавалерійскихъ отрядовъ, слишкомъ разбросанныхъ, армія Наслѣдника Цесаревича опять нѣсколько двинулась впередъ. Только мостъ, первоначально предполагавшійся у Пиргоса, изъ благоразумія придется строить повыше, у Батина.

Успокоительныя извѣстія изъ рущукской арміи позволили новую атаку на Плевну вести съ большею осторожностью, не обращая вниманія на совѣты тѣхъ, которые желали непремѣнно кончить все дѣло къ празднику коронаціи. Взятіе Ловчи, гдѣ убитые турки валялись, говорятъ, въ четыре ряда и гдѣ только опасеніе подкрѣпленій изъ Плевны не позволило князю Имеретинскому идти впередъ, очень облегчило нашу задачу подъ Плевною. Кстати прибавлю, что въ дивизіи, взявшей Ловчу и сформированной въ казанскомъ военномъ округѣ, было 45% мусульманъ, «работавшихъ» штыкомъ (есть и такая работа) преисправно.

Какъ извѣстно, обѣ первыя наши атаки на Плевну

не удались, потому что штурмъ позиціи былъ начатъ безъ надлежащей подготовки артилерійскимъ огнемъ. Въ настоящее время всѣ случайности атаки были по возможности предусмотрѣны: собрано два русскихъ корпуса и 25,000 румынъ, орудій сосредоточено болѣе ста, въ томъ числѣ двѣ батареи осадныхъ орудій, каждая по 8 орудій 24 фунтов. калибра дальняго боя. Полки, очень разстроенные предыдущими сраженіями, какъ напримѣръ Архангелогородскій, гдѣ осталось всего 11 офицеровъ, гдѣ были потеряны зарядные ящики, пополнены людьми и боевыми запасами. Сама главная квартира главнокомандующаго передвинулась изъ Горнаго-Студеня въ Радоницу, поближе къ позиціямъ. Государь Императоръ также каждый день лично объѣзжалъ верхомъ войска и милостивымъ вниманіемъ ободрялъ ихъ на совершеніе труднаго подвига. Санитарная часть была подготовлена въ широкихъ размѣрахъ, выдвинуто много палатокъ и линеекъ; въ числѣ хирурговъ я замѣтилъ Корженевскаго и Каде.

Вода и пища привозились акуратно и хотя щи для солдатъ варились за 5 верстъ, но благодаря громадности нашихъ котловъ приходили теплыми, чему очень завидовали румыны. Войска стѣсняла только необходимость нѣсколько сутокъ не раздѣваясь оставаться въ мундирахъ безъ палатокъ на позиціи почти безъ движенія, чтобы не выказать сво-

его расположенія туркамъ, которые сейчасъ бы послали нѣсколько шрапнелей въ видѣ закуски.

Турки точно также отлично прятали свою пѣхоту и хотя на высотахъ виднѣются лагери, но, очевидно, они поставлены только для отвода глазъ, такъ какъ никакихъ признаковъ жизни въ этихъ лагеряхъ не замѣтно. Въ сильную зрительную трубку на турецкихъ позиціяхъ можно было изрѣдка только примѣтить, какъ нѣсколько воловъ и буйволовъ перетаскиваютъ орудіе, доставляемое вмѣсто подбитаго нашими выстрѣлами.

Погода все время стоитъ великолѣпная, ясная, теплая съ маленькимъ вѣтеркомъ, потому видъ открывался отличный. Самъ городъ Плевна съ его бѣлыми минаретами виднѣлся за семь верстъ въ лощинѣ. На двухъ холмахъ впереди, считая съ турецкой стороны, слѣва расположились два сильныхъ турецкихъ редута, главный пунктъ усилій нашихъ артиллеристовъ. Противъ лѣваго изъ этихъ редутовъ особыя усилія направляютъ румыны, а также наши осадныя батареи, а правый редутъ, ближайшій, теперь около двухъ верстъ къ русскимъ позиціямъ, былъ ожесточенно обстрѣливаемъ изъ полевыхъ батарей. Для осадныхъ батарей насыпаны легкія прикрытія, полевыя же искусно скрываются въ кустахъ; подъ батареями въ лощинѣ, за кукурузою растянута стрѣлковая цѣпь, позади же батарей на противоположномъ скатѣ холмовъ лежатъ штурмовыя колонны, снабженныя на всякій случай лѣстницами. Въ оврагахъ стоятъ передки, зарядные ящики и санитарныя линейки. Нѣсколько далѣе, за слѣдующимъ изгибомъ почвы, скрыты резервы и стоитъ кавалерія. Подъемъ къ турецкому редуту пологій и виденъ какъ на ладони.

Пальба открывается на разсвѣтѣ и длится безостановочно цѣлый день. Умѣряетъ ее только недостатокъ снарядовъ. Сначала стрѣляли на каждой батареѣ 2 выстрѣлами въ 5 минутъ; потомъ каждыя десять минутъ. Въ нѣкоторыхъ батареяхъ отъ усиленной стрѣльбы, разгаранія запаловъ и другихъ поврежденій дѣйствовали не болѣе половины орудій. Во всякомъ случаѣ нашъ артиллерійскій огонь несравненно дѣятельнѣе турецкаго. Относительно мѣткости также мы превосходимъ турокъ, особенно 9-ти-фунтовыми орудіями. Только осадныя батареи не оправдываютъ ожиданій на дальнихъ дистанціяхъ и сегодня началось перетаскиваніе одной изъ нихъ на другую позицію,—операція очень не легкая; чтобы стащить 8 орудій требуется около 2,000 человѣкъ.

Недостатокъ мѣткости у турокъ выражался относительно малыми потерями у насъ въ убитыхъ и раненыхъ. Турки при стрѣляніи не любятъ мѣнять прицѣлъ. Я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на ба-

тареѣ, гдѣ одинъ день все время былъ недолетъ турецкихъ четырехъ-фунтовыхъ снарядовъ, а на другой—всѣ снаряды разрывались неизмѣнно саженяхъ въ 30 вправо отъ батареи. Правда, турки для прицѣла могли руководиться лишь дымомъ изъ нашихъ орудій.

Придешь на батарею и неизмѣнно повторяется одна и та же картина. «Первая» кричитъ молодой прапорщикъ въ одушевленіи своихъ 18—20 лѣтъ. Раздается выстрѣлъ; всѣ бинокли устремляются на турецкій редутъ; черезъ нѣсколько секундъ тамъ подымается столбъ желтой пыли. «Хорошо!» кричитъ прапорщикъ, если снарядъ легъ у самаго бруствера. Вдругъ слышится рѣзкое жужжаніе.— «Это индюшка летитъ», говорятъ солдаты. Подъ именемъ индюшки разумѣется снарядъ, выпускаемый изъ осаднаго орудія. Жужжаніе слышится ясно до разрыва снаряда гдѣ-нибудь версты за четыре. Безпрерывно трескаются направо, налѣво турецкія гранаты, подымая небольшой столбъ пыли; отъ времени до времени слышится особый звукъ, точно лопается пузырь. Это турки пускаютъ въ лощину шрапнель, надѣясь перебить лежащую передъ батареями стрѣлковую цѣпь. Такая симфонія, нравящаяся сначала новичку, часа черезъ три дѣлается скучною, а черезъ часовъ десять, надо признаться, надоѣдаетъ до крайности.

Для разнообразія развѣ выворотитъ осколкомъ гранаты брюхо у упряжной лошади, или проѣдетъ генералъ и прикрикнетъ:

— Разойдитесь же, господа, а то бѣлыя фуражки, точно ромашка въ полѣ, далеко видны и могутъ привлечь выстрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ пѣхота.

Взрывъ у турокъ зарядного ящика составляетъ событіе и комментируется съ жаромъ.

Я, конечно, не спеціалистъ, но мнѣ постоянно кажется, что «подготовка артиллерійскимъ огнемъ» дѣло весьма трудное.

Если турки уступаютъ намъ вообще въ мѣткости стрѣльбы, то заслуживаютъ полнаго одобренія за энергію своей защиты. Къ вечеру обыкновенно верки ихъ повреждаются и часть орудій бываетъ подбита. Хотя этотъ моментъ для штурма казался бы удобнымъ, но быстрое наступленіе здѣсь ночи заставляетъ отлагать штурмъ до разсвѣта; на разсвѣтѣ же оказывается обыкновенно, что турки исправили поврежденія, замѣнили подбитыя орудія и даже выдвинулись впередъ со своими стрѣлковыми ложементами.

Особенно сильно разочарованіе сегодня утромъ, когда послѣ ложной атаки ночью румынъ, не давшей никому спать, оказалось, что Османъ-паша не только не думаетъ уходить, но даже оттѣснилъ нѣсколько румынъ и князя Имеретинскаго, который

изъ Ловчи старается обойти его. Впрочемъ, увѣряютъ, будто бы сообщеніе Османа-паши съ Софіей прервано и ему, въ случаѣ пораженія, придется отступить къ Виддину, гдѣ турецкая армія, поставленная между двухъ огней, т. е. между румынской и сербскою арміями, будетъ играть пассивную роль. Въ это время русскіе корпуса, собранныя теперь передъ Плевною, пойдутъ на помощь рущукской арміи и дадутъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ арміей Магомета-Али; идущимъ же изъ Россіи въ количествѣ 100,000 подкрѣпленій изъ гвардіи и гренадеръ не останется ничего, какъ, сломивъ Сулеймана-пашу, черезъ Шипку двигаться къ Константинополю и кончить кампанію, такъ неудачно начатую. Насколько вѣроятности въ этомъ планѣ, покажетъ время.

Пока же Османъ-паша защищается; опытные полковые командиры говорили мнѣ, что трудно побѣдить его при нашихъ растянутыхъ позиціяхъ, не соединенныхъ даже телеграфомъ, почему ни одно приказаніе не исполняется ранѣе 24 часовъ.

Когда я ѣхалъ какъ-то на позицію, румынскій полковникъ Катаржи остановилъ моего кучера и что-то говорилъ ему по-румынски. Я спросилъ скопца о чемъ былъ разговоръ?

— Я ихъ знаю, отвѣчалъ онъ, — полковникъ просилъ, чтобы когда я вернуся въ Бухарестъ,

чтобы я сказалъ его женѣ, что видѣлъ его подъ выстрѣлами!

Румыны, хотя и не заслужили пока «восторга» русскихъ войскъ, какъ о томъ пишутъ бухарестскія газеты, оказались все-таки на дѣлѣ лучшими, чѣмъ можно было ожидать отъ арміи, гдѣ офицеры, выступая въ походъ, запаслись, говорятъ, ядомъ! Румынская артиллерія стрѣляетъ недурно. Возлагаютъ также надежду на калараше́й—румынскую легкую кавалерію, хотя одинъ гусарскій унтеръ-офицеръ презрительно замѣтилъ мнѣ, указывая на калараша:

— Помилуйте, ваше высокродіе, какой же это кавалеристъ, что ходитъ въ холщевыхъ штанахъ!

Спѣшу кончить письмо. Экипажъ мой уже запряженъ и я, простившись съ Беренсомъ, Петлинымъ и др., прогуливавшимися со мною по батареямъ, пожелавъ туркамъ чортовой матери и взявъ коллекцію разорванныхъ турецкихъ снарядовъ, дистанціонныхъ трубокъ и кусковъ раздробленныхъ черепковъ, ѣду опять въ мирный Систовъ отдохнуть, если удастся.

Бухарестъ.

31 августа.

Въ Бухарестѣ я остановился опять у Брофта. Гостиница великолѣпная, хоть сейчасъ въ Парижъ, но цѣны анаѳемскія. Денегъ тутъ, впрочемъ, ни-

кто не считаетъ, вездѣ разливанное море, особенно въ кафешантанахъ, гдѣ пилятъ на скрипкахъ цыгане все тотъ же «Kleine Postilion» и поютъ француженки, и въ публичныхъ домахъ, гдѣ дѣвицы посемейному отдыхаютъ по вечерамъ въ кукурузѣ. Идиллія! Половина румынскихъ дамъ почему-то вдругъ оказались неутѣшными вдовами.

Сейчасъ на улицахъ начали продавать краткую румынскую депешу изъ Турна-Магурелли такого содержанія: «Армія князя Карла взяла Плевну. Восторгъ всеобщій». Эта краткость позволяетъ бѣднымъ румынамъ мечтать, въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій, что именно имъ мы обязаны Плевною, хотя нѣтъ сомнѣнія, что штурмовыя колонны, какъ я лично видѣлъ, состояли и изъ русскихъ войскъ. Наше генеральное консульство никакихъ извѣстій о взятіи Плевны пока не имѣетъ.

Г. Стуартъ, впрочемъ, вообще мало о чемъ освѣдомленъ.

Вчера, день тезоименитства Государя Императора, былъ отпразднованъ съ торжествомъ. По улицѣ отъ консульства до митрополіи стояли въ мундирахъ жандармы и городовые. Въ соборѣ, гдѣ служилъ самъ митрополитъ, собрались всѣ румынскіе министры, а также масса русскихъ военныхъ и чиновниковъ, здѣсь пребывающая. Послѣ обѣдни князь

Горчаковъ принималъ начальствующихъ лицъ города и разныя депутаціи.

Вечеромъ у канцлера былъ парадный обѣдъ, причемъ зданіе консульства и полиціи освѣщались шкаликами. Народный гимнъ нашъ былъ поставленъ на афишахъ всѣхъ театровъ.

Нашъ престарѣлый канцлеръ проживаетъ здѣсь вмѣстѣ съ своимъ перомъ Жомини и карандашомъ Гамбургеромъ. Роль князя болѣе почетная, такъ какъ гр. Игнатьевъ и Нелидовъ, котораго всѣ хвалятъ, живутъ въ императорской главной квартирѣ и къ ихъ совѣтамъ чаще прибѣгаютъ.

Канцлеръ очень любезенъ къ дамамъ; г-жа Келлеръ и ея труппа пользуются его покровительствомъ, что и дало поводъ къ каррикатурѣ, напечатанной въ Парижѣ и ходящей здѣсь по рукамъ. Извѣстно, что по апокрифическому завѣщанію Петра Великаго Россія должна conquérir le monde. На карикатурѣ канцлеръ изображенъ съ дамою полусвѣта и подпись гласитъ:

— Le testament de Pierre le Grand est accompli: le Chancelier a conquit le demi-monde, l'autre moitié lui resiste.

Сегодня Бухарестъ имѣетъ опять очень оживленный видъ. Народная толпа встрѣчаетъ мощи св. Димитрія, покровителя города. Въ толпѣ видно множество гвардейскихъ мундировъ, особенно л.-гв. Во-

лынскаго полка. Гвардейская кавалерія уже прошла Бухарестъ и черезъ Александрію идетъ почтовой дорогой на Зимницу.

Между лицами, пребывающими здѣсь, заслуживаютъ упоминанія Персіани, новый нашъ дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ, и князь Цертелевъ, бывшій секретарь генерала Игнатьева, а нынѣ хорунжій кубанскаго казачьяго войска. Персіани займетъ мѣсто г. Карцева. О Персіани, занимавшемъ до сихъ поръ довольно важный постъ перваго секретаря въ Аѳинахъ, говорятъ много хорошаго. Онъ человѣкъ весьма любезный къ русскимъ, что, какъ извѣстно, не зачастую встрѣчается въ средѣ нашей дипломатіи.

Я разспрашивалъ Персіани, отправляющагося завтра въ императорскую главную квартиру, и затѣмъ далѣе въ Бѣлградъ, о настроеніи Греціи и Аѳинъ касательно войны, и, сколько можно заключить по его сдержаннымъ отвѣтамъ, нѣтъ большой надежды, чтобы греки объявили войну Турціи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока военное счастье не обернется рѣшительно въ нашу сторону, т. е. до того момента, когда содѣйствіе Греціи будетъ не только излишнимъ, но даже стѣснительнымъ.

Князя Цертелева я едва узналъ въ его военной формѣ.

Другой нашъ молодой дипломатъ Татищевъ, съ

которымъ я едва не поссорился въ канцеляріи вѣнскаго посольства, гдѣ онъ дѣлалъ la pluie et le beau temps, во время моей поѣздки въ Черногорію два года тому назадъ, также превратился въ юнкера и неузнаваемъ въ гусарскомъ мундирѣ.

За три года князь Цертелевъ очень возмужалъ и имѣетъ 4 георгіевскихъ креста. Примѣръ такого количества георгіевъ въ нашей арміи очень рѣдкій; по крайней мѣрѣ на 4-мъ золотомъ солдатскомъ георгіевскомъ крестѣ у князя стоитъ № 45.—C"est presque le nombre des académiciens, съострилъ по этому поводу одинъ изъ здѣшнихъ высокопоставленныхъ дипломатовъ. Несмотря на такое количество знаковъ военнаго ордена, руки князя Цертелева неповинны въ турецкой крови.—«Въ походѣ я зарѣзалъ одну только индѣйку», сказалъ онъ мнѣ смѣясь. Князь Цертелевъ выказалъ свое мужество, постоянно находясь во главѣ разъѣзда, который занялъ поочередно подъ выстрѣлами множество болгарскихъ городовъ и мѣстечекъ во время такъ удачно начатаго похода генерала Гурко за Балканы.

О значеніи этого похода здѣсь много споровъ; знатоки увѣряютъ, что Гурко только напрасно растратилъ нашу кавалерію. Теперь для чающихъ движенія воды по части казенныхъ подрядовъ — а агентами таковыхъ набиты всѣ гостиницы—сообщу, что отставной генералъ Фалькенгагенъ, из-

вѣстный строитель Петровскаго порта, получилъ огромный заказъ приготовить въ три мѣсяца 3 милліона пуд. галетъ для корма лошадей. Сумма подряда въ милліонъ восемьсотъ тысячъ рублей и подрядчикъ въ обезпеченіе своей исправности вноситъ залогъ въ 200,000 рублей. Фалькенгагенъ, у котораго я въ 1869 году пролежалъ, страдая жестокою лихорадкою, въ Петровскѣ недѣлю, уже здѣсь и готовится приступить къ устройству въ Бухарестѣ большой фабрики галетъ изъ разныхъ крахмальныхъ выжимокъ. Насколько эти галеты понравятся лошадямъ, узнать будетъ конечно трудно. Еще императоръ Карлъ V находилъ, что съ лошадьми нужно разговаривать по-нѣмецки — вещь затруднительная для нашихъ солдатъ.

Нѣкоторыя женщины-доктора, отличавшіяся въ Сербскую войну 1876 года, имѣя въ виду, что русское правительство положило женщинъ-врачей въ армію ни въ какомъ случаѣ не допускать, просили меня узнать въ Бухарестѣ, нельзя ли вступить въ румынскую армію. По моимъ справкамъ оказалось, что въ принципѣ противъ женщинъ-врачей румынское военное министерство ничего не имѣетъ, но румынскіе госпитали переполнены съ избыткомъ французскими врачами. Всѣ fruits secs парижской École de médecine нашли тутъ пріютъ и щедрое

вознагражденіе. Я думаю, между ними не мало турецкихъ шпіоновъ.

Румыны изобрѣтаютъ теперь всѣ средства, чтобы пограбить русскихъ. Одинъ русскій жаловался въ вагонѣ румыну на дороговизну гостиницъ. Румынъ поддерживалъ его и любезно предложилъ остановиться у него, гдѣ имѣется полный комфортъ. Дѣло было въ городѣ Рени. Никакихъ удобствъ, конечно, не оказалось, но русскій, сообразивъ, что даровому коню въ зубы не смотрятъ, все хвалилъ и всѣмъ оставался доволенъ. Каково же было его удивленіе, когда при отъѣздѣ ему подали счетъ на 28 франковъ. Онъ выразилъ свое изумленіе, прибавивъ, что за 10 франковъ въ гостиницѣ онъ былъ бы помѣщенъ гораздо лучше.

— Мнѣ, право, совѣстно, отвѣчалъ румынъ, брать съ васъ деньги за гостепріимство, но папенька мой такой акуратный человѣкъ...

«Такихъ» акуратныхъ папенекъ въ Румыніи развилось теперь, кажется, чрезвычайно много.

Систово.

3 сентября.

Новыя битвы подъ Плевною заставляютъ обратить вниманіе на устройство санитарной части въ арміи. Тѣ новыя тысячи раненыхъ, которыхъ мы вскорѣ увидимъ въ безконечной цѣпи скрыпучихъ,

немазаныхъ воловыхъ каруцъ, лежащими подъ солнцемъ и дождемъ, часто даже безъ покрышки рогожей, какой найдутъ они здѣсь пріютъ? Систово пріобрѣло печальную извѣстность. Вновь прибывшіе врачи летучаго гвардейскаго медицинскаго отдѣла очень остались недовольны порядками, найденными въ систовскомъ госпиталѣ № 50.

Госпиталь этотъ устроенъ на 600 кроватей. Врачи нашли въ немъ, между прочимъ, 14 раненыхъ съ раздробленными суставами, которымъ не было еще сдѣлано операціи. У многихъ раненыхъ отъ долговременнаго скопленія гнойной матеріи размягчались и спадали гипсовыя повязки. Затѣмъ въ госпиталѣ такой безпорядокъ, что заурядъ приказаніе врача приводится въ исполненіе не ранѣе 24 часовъ. Вообще, по словамъ новопріѣзжихъ врачей, въ Систовѣ госпитальная часть хуже, чѣмъ она была въ Сербіи, хотя тамъ на 15,000 раненыхъ имѣлось всего сто врачей.

Систово, какъ извѣстно, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе по двумъ понтоннымъ мостамъ, наведеннымъ вблизи отъ города противъ румынскаго города Зимницы. Мосты эти, по ихъ важности, можно сравнить съ значеніемъ пищепріемника въ человѣческомъ организмѣ. Чтобы составить себѣ понятіе, какой огромный механизмъ представляетъ изъ себя трехсотъ-тысячная армія, особенно въ мѣст-

ностяхъ, гдѣ нѣтъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, стоитъ посидѣть на одномъ изъ этихъ мостовъ. Обозы, транспорты, лошади, скотъ и люди тянутся безконечною и никогда непрерываемою линіею. Такъ какъ по установленнымъ правиламъ все провозимое изъ-за Дуная имѣетъ первенство въ движеніи и пріостанавливается только для обратнаго транспорта раненыхъ, то очень часто приходится путешественникамъ по цѣлымъ часамъ ждать очереди и любоваться громаднымъ движеніемъ, о которомъ нельзя себѣ составить понятія ни въ одномъ портѣ. Мнѣ пришлось простоять $3^1/_2$ часа на пескѣ у второго моста, между тѣмъ проходилъ навстрѣчу только одинъ пѣхотный полкъ и нѣсколько обозовъ со снарядами и патронами. Легко себѣ вообразить, какихъ усилій потребовала бы переправа не только всей арміи, но какого нибудь значительнаго корпуса. Тутъ меня между прочимъ поразила жадность, съ которою на походѣ пьютъ воду солдаты буквально изъ всякой лужи.

Зимницкій мостъ, на которомъ я встрѣтилъ А. С. Суворина, возвращавшагося изъ императорской главной квартиры, служитъ такимъ мѣстомъ, гдѣ какъ бы прочищается теченіе людей, направляющихся за Дунай. Никто безъ вида не пропускается. Понятно, однако, что формальность эта ничего не ограничиваетъ при подобномъ скопленіи. Одних

жидовъ я встрѣчалъ десятки и сотни фуръ, съ пятью и шестью юркими представителями израильскаго племени въ каждой. Кажется, жиды всего свѣта назначили свое rendez-vous на театрѣ войны. Съ числомъ жидовъ можетъ поспорить развѣ число воронъ, безконечными стаями слетающихся изъ разныхъ концовъ міра въ Болгарію, точно получивъ извѣстіе по своей почтѣ о предстоящемъ торжествѣ. Болгары еще въ прошломъ году предсказывали войну, видя переселеніе воронъ, очевидно привлеченныхъ жертвами Сербской войны. Всѣ дороги Румыніи и Болгаріи обильно усѣяны остовами и трупами воловъ и лошадей. Людскіе трупы зарываются, но не настолько глубоко, чтобы весеннія воды ихъ не вымыли. Трупнаго запаха, о которомъ писали корреспонденты, я нигдѣ не слышалъ, даже подъ Плевною, гдѣ, между тѣмъ, зарыто болѣе всего труповъ. Дурно зарытыя тѣла людей и скота и особенно масса навоза отъ многочисленныхъ транспортовъ рождаютъ неизбѣжное зло — необыкновенное изобиліе мухъ, мучащихъ нашихъ солдатъ и положительно невыносимыхъ для раненыхъ.

Безконечныя вереницы обозовъ наводятъ на размышленія, какимъ образомъ можетъ продолжаться война зимою. Теперь, благодаря сухости почвы, дороги въ Болгаріи, можно сказать, въ отличномъ состояніи, а фуража почти дарового имѣется по сто-

ронамъ дороги сколько угодно, но что произойдетъ зимою, когда дороги станутъ непроѣзжими, а на фуражъ истребятся даже соломенныя крыши съ домовъ? Между тѣмъ и теперь уже жидовская компанія, взявшая продовольствованіе арміи въ свои руки и наводнившая Болгарію той тучей евреевъ, о которой я говорилъ, акуратно исполняетъ свои обязанности лишь тамъ, гдѣ о туркахъ слыхомъ не слыхать. Въ мѣстахъ болѣе опасныхъ полковые командиры сами вынуждены продовольствовать свои части, въ крайнемъ случаѣ прибѣгать къ реквизиціямъ. Кавалерія почти исключительно продовольствуется такимъ путемъ подножнымъ кормомъ.

Зимою, по всей вѣроятности, часть кавалеріи придется передвинуть въ Румынію; безъ кавалеріи однако пострадаетъ еще болѣе аванпостная служба, т. е. турки еще чаще получатъ возможность захватывать насъ, какъ недавно у Кацелева, врасплохъ съ большими силами. Нападеніе въ этомъ мѣстѣ было такъ неожиданно, что штабъ рущукской арміи, уходя въ Бѣлу, вынужденъ былъ даже бросить часть своихъ фургоновъ, спасенныхъ потомъ казаками почти изъ-подъ носу турокъ.

Въ началѣ войны мы имѣли передъ турками рѣшительное преимущество именно въ изобиліи регулярной кавалеріи. Теперь же чувствуемъ въ ней недостатокъ. Виною этому, какъ я сказалъ, забал-

канскій походъ Гурко. Тактика кавалеріи здѣсь измѣнилась: такъ какъ ей постоянно приходится нападать на пѣхоту, то надобно спѣшиванье, т. е. нести драгунскую службу, неизвѣстную гусарамъ и уланамъ.

Ремонтъ кавалерійскихъ лошадей доставляется дѣятельно, но новыя лошади мало обучены. Гораздо болѣе пополнятъ недостатки въ кавалеріи двѣ гвардейскія кавалерійскія дивизіи, хотя опасаются, что безкормица осенью очень будетъ губительна для большихъ и потому нѣсколько сырыхъ гвардейскихъ лошадей. О казакахъ и ихъ свойствахъ я уже писалъ. Донская казачья артиллерія поддержала свою репутацію, и я слышалъ восторженный разсказъ объ одной батареѣ, которая, подпустивъ турокъ на 40 саженъ разстоянія, нѣсколькими залпами уничтожила цѣлый батальонъ.

Въ Систовѣ издается г. Крестовскимъ его «Летучій Военный Листокъ». Объ этомъ изданіи тутъ, впрочемъ, ничего не слышно. Едва ли и есть пунктъ, гдѣ бы менѣе знали о ходѣ войны, какъ здѣсь. Всѣ новости въ Систовѣ узнаются изъ петербургскихъ и особенно одесскихъ газетъ, приходящихъ однимъ днемъ ранѣе, чѣмъ столичныя. Вообще изданіе газеты на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій едва ли можно признать удобнымъ. Какъ для сужденія о картинѣ требуется извѣстное отдаленіе для

зрителя, такъ и для оцѣнки хода военныхъ дѣйствій требуется нѣкоторое отдаленіе. На театрѣ войны можно принять за правило, что въ тылу арміи никто ничего не знаетъ, что творится впереди. Затѣмъ, въ каждомъ отдѣльномъ отрядѣ штабы знаютъ болѣе или менѣе о томъ, что̀ у нихъ дѣлается. Главнокомандующій и его ближайшіе помощники имѣютъ, конечно, вполнѣ опредѣленныя понятія объ общемъ ходѣ операцій, но эти свѣдѣнія держатся въ глубокой тайнѣ. Такимъ образомъ всѣ прочіе служащіе, даже высокопоставленные, знаютъ лишь то, что приходитъ извнѣ, изъ столицъ. Роль военныхъ корреспондентовъ ограничивается собраніемъ отдѣльныхъ фактовъ и слуховъ, изъ которыхъ только въ столичной газетѣ, рядомъ съ другими подобными же свѣдѣніями, получается какая либо отчетливая картина.

Чѣмъ болѣе приближаешся къ мѣстамъ расположенія войскъ, тѣмъ менѣе получается свѣдѣній и взамѣнъ того тѣмъ болѣе распространяется сплетенъ. Часто недостаетъ самыхъ необходимыхъ данныхъ. У офицеровъ нѣтъ картъ театра войны. Я лично видѣлъ маршевую роту, которая двое сутокъ бродила почти въ отчаяніи, истребивъ свой запасъ сухарей, тщетно отыскивая штабъ какого-то корпуса. А это было въ 20 верстахъ отъ главной квартиры. Я пригласилъ командира роты въ эки-

пажъ и для разспросовъ привезъ въ ближайшую деревню, гдѣ мы нашли только нѣсколько кавалеристовъ, точно также тщетно разыскивавшихъ штабъ своей дивизіи.

Если въ лицѣ г. Крестовскаго дѣйствующая армія имѣетъ своего журналиста, то въ лицѣ графа Соллогуба она нашла себѣ уже исторіографа. Графъ пребываетъ въ главной квартирѣ, ведетъ подробный дневникъ и на досугѣ сочиняетъ новые куплеты и произноситъ съ извѣстнымъ юморомъ застольные спичи.

Всѣ съ чувствомъ повторяютъ его куплеты по случаю приготовленія здѣсь пищи на коровьемъ кизякѣ:

Бывалъ я часто на войнѣ
И скверно тамъ ѣдалъ,
Но щи готовить на г....,
Благодарю, не ожидалъ.

Зимница.

4 сентября.

Если вообразить себѣ какой-либо изъ самыхъ отчаянныхъ калифорнійскихъ городовъ въ моментъ, когда слухъ объ открытіи золота привлекъ толпы изо всѣхъ поддонковъ европейскаго общества, то картина подобнаго города, по всей вѣроятности, очень напоминала бы Зимницу въ ея настоящемъ видѣ. Среди тихаго и скромнаго валахскаго горо-

дишка, почти деревни, выросъ, какъ грибъ, новый городокъ изъ безконечнаго ряда полотняныхъ и досчатыхъ бараковъ, гдѣ жулики всѣхъ странъ и народовъ, а особенно представители «умнаго и даровитаго племени» открыли торговлю и какую торговлю! Товаровъ, кромѣ нѣсколькихъ арбузовъ и разнообразныхъ напитковъ, почти не видать, но вся эта грязная толпа воруетъ, обсчитываетъ и par dessus le marché занимается шпіонствомъ въ пользу турокъ. Лавочки растянуты вдоль по дорогѣ, ведущей къ мостамъ, отчасти даже занимая самую дорогу, и ни одинъ солдатъ, ни одинъ пудъ продовольствія не можетъ попасть въ нашу дѣйствующую армію, не пройдя сквозь эти кавдинскія ворота и не будучи отмѣченъ въ спискахъ, составляемыхъ друзьями Магомета, казна котораго, должно быть, не совсѣмъ еще опустѣла, если можетъ питать такую массу шпіоновъ. Пьяныхъ, конечно, множество.

Въ подобный городъ каждый день судьба заноситъ десятки русскихъ офицеровъ и служащихъ, а такъ какъ для пріюта ихъ до сихъ поръ не догадались построить хотя балагана, то приходится искать ночью успокоенія гдѣ-нибудь въ кабакѣ. За право полежать въ залѣ кабака среди пьяныхъ и дерущихся часа три, четыре на грязнѣйшихъ жидовскихъ рогожахъ и одѣялахъ платятъ, и я самъ платилъ, по 5 франковъ! Такая же эксплоатація сопрово-

ждаетъ слѣдующихъ въ дѣйствующую армію во все время пути и пребыванія тамъ, унося быстро тѣ полуимперіалы и рубли, которыми довольно щедро оплачивается служба на войнѣ.

Во многихъ явленіяхъ подобной эксплоатаціи виноваты положительно мы сами. Хотя наша главная квартира отстоитъ отъ послѣдней станціи желѣзной дороги всего въ 110—130 верстахъ порядочнаго колеснаго пути, но до сихъ поръ почтовое сообщеніе устроено только для немногихъ курьеровъ, между тѣмъ при сотняхъ милліонахъ рублей, издерживаемыхъ на войну, что стоило бы доставить изъ Россіи 500—600 почтовыхъ лошадей и устроить правильное сообщеніе по подорожнымъ въ главную квартиру? Теперь же, пріѣзжая въ Журжу, каждый офицеръ встрѣчаетъ одну и ту же картину. Нѣсколько факторовъ изъ Бухареста предлагаютъ свои услуги за дорогую цѣну; отказаться отъ этихъ услугъ—значитъ проѣхать на воловьей фурѣ. Притомъ смѣтливые извозчики-скопцы предупреждаютъ, что если вы сейчасъ же не поѣдете, то будетъ поздно, начнется бомбардировка, и тогда уже никто изъ нихъ не повезетъ васъ, такъ какъ дорога идетъ мимо батарей въ Слободзеѣ, обстрѣливаемыхъ очень удобно изъ Рущука.

Въ Зимницѣ я наслышался разсказовъ о курьезной паникѣ, охватившей все населеніе, больныхъ

и раненыхъ, послѣ второго пораженія подъ Плевною. По мосту, между прочимъ, проходили нѣсколько плѣнныхъ турокъ съ красными фесками на головѣ. Кому-то показалось, что это турецкіе таборы уже овладѣли мостами на Дунаѣ. Раздались крики: «Спасайтесь, кто можетъ!» Произошла невѣроятная паника, больные и раненые, привезенные изъ-подъ Плевны, безъ перевязки, въ однѣхъ рубашкахъ и халатахъ бѣжали по направленію къ Фратештамъ, за ними бѣжали солдаты съ ружьями. Почтеннѣйшая княгиня Шаховская, начальница общины «Утоли моя печали», которую армейскіе остряки прозвали общиною «Унеси ты мое горе», ускакала à califourchon на неосѣдланной лошади!

Журжево.

5-го сентября.

Цѣны за проѣздъ въ армію въ экипажахъ страшныя. Я за порядочный экипажъ до императорской главной квартиры въ Чаушъ-Магалы заплатилъ 10 полуимперіаловъ; самый скромный, въ благопріятное даже время, экипажъ стоитъ $5^1/_2$ полуимперіаловъ. За эту цѣну получаешь право ѣхать на «долгихъ», т. е. безпрерывно поить и кормить лошадей, ночевать на улицѣ или въ кабакѣ и терпѣть всякія стихійныя невзгоды.

Дороги вездѣ неисправны. Кто бы повѣрилъ, на-

примѣръ, что по кратчайшей дорогѣ изъ Журжи и Фратештъ въ Зимницу, въ 5-ти верстахъ отъ Петроченъ, тамъ, гдѣ прошла, можно сказать, вся наша армія, имѣется бродъ довольно глубокій, но не шире 20—25 саженъ. Теперь вода заливаетъ каждый экипажъ и приходится платить голымъ румынамъ, спасающимъ наши вещи. Между тѣмъ мостъ или дамба стоили бы тутъ много-много тысячу или полторы тысячи рублей. Хотя войско идетъ съ апрѣля, только надняхъ пріѣзжалъ сюда инженеръ для составленія смѣты на постройку этого моста. Вообще наши строительныя работы ведутся престранно. Понтонный мостъ, напримѣръ, наводится подъ выстрѣлами въ одни сутки; когда же въ немъ ничтожная поломка, мостъ чинятъ по четверо и по пяти сутокъ, пріостанавливая и задерживая движеніе. Перевозка войскъ идетъ вообще ужасно медленно и румынскія дороги съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ изъ Яссъ, еще сократили свою перевозочную способность и чуть ли не даютъ только по 4 военныхъ поѣзда въ день. Одна надежда на Дрентельна, который настаиваетъ на пріостановкѣ дѣйствія румынской конституціи и хочетъ забрать румынскую администрацію въ свои руки.

Теперь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ также не совсѣмъ нормальномъ явленіи въ нашей арміи. Это—отношеніе между боевыми и

нестроевыми единицами. Въ офицерахъ у насъ въ дѣйствующей арміи теперь положительный недостатокъ, особенно въ артиллеріи: послѣдняя пополнена отчасти кавалерійскими офицерами. Такой же недостатокъ и въ пѣхотѣ. По положенію, въ ротѣ, кромѣ командира, должно быть не менѣе двухъ субалтернъ-офицеровъ, между тѣмъ во многихъ ротахъ нѣтъ вовсе офицеровъ, кромѣ ротнаго командира, и ротами сплошь и рядомъ командуютъ подпоручики. Огромная убыль въ офицерахъ въ сраженіяхъ еще болѣе усилитъ подобный недостатокъ. Рядомъ съ этимъ поражаетъ изобиліе и разнообразіе гражданскихъ чиновниковъ въ самыхъ красивыхъ военныхъ формахъ съ саблями и шашками. При этомъ всѣ формы назначены по классамъ должностей, а должности расписаны почти исключительно въ штабъ-офицерскихъ рангахъ. Я встрѣтилъ одного петербургскаго дантиста въ генеральской формѣ; какъ оказывается, онъ занимаетъ должность контролера госпитальныхъ принадлежностей.

Между тѣмъ едва ли предстоитъ для арміи большая необходимость въ такомъ количествѣ военно-гражданскихъ чиновниковъ, потому что всѣ почти хозяйственныя функціи: продовольствіе арміи, перевозка и снабженіе госпиталей переданы въ частныя руки, т. е. въ руки еврейскихъ компаній, о

происхожденіи и дѣятельности которыхъ правдивое слово давно бы пора сказать.

Въ случайно попавшемся мнѣ экземплярѣ «Новаго Времени» я прочелъ, что талантливый товарищъ мой по корреспонденціямъ г. Шесть, дѣлая сравненіе учрежденій Краснаго Креста съ военными госпиталями, отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. Это рѣшительно несправедливо. Безъ сомнѣнія, есть удовлетворяющіе своей цѣли и военные госпитали, но общій голосъ арміи именно ихъ обвиняетъ въ безпорядкахъ. Главноуполномоченный Краснаго Креста передавалъ мнѣ такіе факты, что военные госпитали эвакуирують раненыхъ и больныхъ, не снабжая ихъ вовсе бѣльемъ, даже рубашками, и что главный инспекторъ военныхъ госпиталей въ арміи только недавно узналъ о существованіи въ Яссахъ эвакуаціоннаго барака. Вообще между санитарными учрежденіями арміи существуетъ завистливое соперничество, смыслъ котораго уяснить себѣ трудно.

Извѣстіе о смерти командира архангелогородскаго полка на неудачномъ штурмѣ Плевны полковника Шлиттера непріятно поразило меня. Еще наканунѣ штурма я бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ, точно предчувствуя свою преждевременную кончину, былъ не въ духѣ, громко критиковалъ планъ атаки и вообще казался недовольнымъ ходомъ войны. Шлиттеръ былъ вполнѣ боевой офицеръ, большую часть службы провелъ на Кавказѣ въ храбромъ Эриванскимъ гренадерскомъ полку и участвовалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ дѣлъ. Храбрость Шлиттера доставила ему георгіевскій крестъ, переводъ въ гвардію и званіе флигель-адъютанта.

Это письмо, быть можетъ, будетъ послѣднимъ, написаннымъ съ дороги. У меня была мысль описать подробно свое пребываніе въ главной квартирѣ и сдѣланныя тамъ наблюденія, но этими сообщеніями лучше подождать до поры до времени.

Въ императорской главной квартирѣ въ Чаушъ-Магала на р. Осмѣ я жилъ у нашего адріанопольскаго генеральнаго консула Иванова, исполняющаго обязанности переводчика. Квартира безъ оконъ и дверей, но ѣлъ я отлично съ царскаго стола. Кухней завѣдуетъ тамъ Кюба, искусно справляющійся со всѣми затрудненіями. Между знакомыми встрѣтилъ тутъ князя А. А. Суворова и графа Н. П. Игнатьева. Я былъ свидѣтелемъ отъѣзда государя со свитою подъ Плевну и видѣлъ его завтракающимъ тамъ на холмѣ.

Пишу письмо это въ Журжевѣ на желѣзнодорожной станціи, усердно обстрѣливаемой турками, въ квартирѣ коменданта станціи полковника Адова.

Бомбардировка Журжи и Слободзеи, дѣйствительно, бываетъ почти каждый день; мы отвѣчаемъ очень

слабо, отчасти — чтобы не демаскировать нашихъ осадныхъ батарей, отчасти—чтобы не тратить снарядовъ на разрушенія, которыя турки отлично исправятъ до наступленія правильной осады Рущука, ожидать которую скоро нельзя, такъ какъ мы, недавно еще находясь по ту сторону Дуная у Пиргоса, стоимъ теперь у Батина, т. е. почти на половинѣ дороги отъ Журжи къ Зимницѣ. Турки, между тѣмъ, дѣлаются все дерзче и дерзче. Ихъ мониторъ, стоявшій смирно, сталъ подходить къ Журжѣ и видимо желаетъ разрушить тамошнюю станцію желѣзной дороги. По всей вѣроятности, тутъ снова начнутъ дѣйствовать наши миноноски. Ихъ много въ Журжѣ, но до времени ихъ не спускаютъ на воду, чтобы не подвергнуть дѣйствію рущукскихъ батарей.

Старый полковникъ Адовъ волнуется отъ выстрѣловъ, но старуха жена его совершенный герой и только подсмѣивается надъ мужемъ.

Чистѣйшая картина въ Бѣлгородской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ».

ЗНАКОМСТВО СЪ ЭМИЛІО КАСТЕЛЯРОМЪ.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти Кастеляра, одного изъ самыхъ выдающихся испанскихъ писателей и государственныхъ дѣятелей нашего времени и одного изъ величайшихъ ораторовъ XIX столѣтія. Я довольно близко познакомился съ Кастеляромъ въ 1872 г., когда онъ былъ въ зенитѣ своей популярности, и тогда же его подробно описалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*).

П. Д. Боборыкинъ, сотрудничавшій у В. Ѳ. Корша, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ извѣстному испанскому писателю и ярому республиканскому депутату Фернандо Гарридо. Я засталъ послѣдняго въ Мадридѣ въ чрезвычайной бѣдности: вмѣсто стульевъ въ квартирѣ стояли перевернутые кверху

*) Это описаніе вошло въ мою книгу «Путевыя впечатлѣнія въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи». Изд. А. А. Ильина.

деревянные пустые ящики для пересылки вещей. Замѣчу кстати, что въ 1889 г. въ Парижѣ во время выставки я встрѣтилъ Гарридо уже въ весьма комфортабельной обстановкѣ. Оказалось, что въ антрактѣ эфемерное республиканское правительство посылало его генералъ-губернаторомъ Филиппинскихъ острововъ и, по испанскому обычаю (практикуемому, впрочемъ, и въ другихъ странахъ), онъ тамъ быстро поправилъ свои денежныя дѣла.

Корша и меня (мы вмѣстѣ ѣздили въ Испанію) Гарридо встрѣтилъ чрезвычайно дружелюбно и сказалъ, что намъ необходимо сейчасъ же познакомиться съ Кастеляромъ. Онъ и повезъ меня въ театръ de Silva, гдѣ днемъ происходило огромное собраніе представителей республиканской и другихъ антидинастическихъ партій, собравшихся, чтобы заключить парламентскую коалицію противъ министерства Сагаста-Сорилья, управлявшаго дѣлами при королѣ Амедеѣ. Я помѣстился въ ложѣ репортеровъ, куда черезъ нѣсколько минутъ Гарридо привелъ Кастеляра. Мы успѣли только обмѣняться карточками, сообщить свои адресы, потому что засѣданіе открылось и Кастеляра увлекли. Въ собраніи предсѣдательствовалъ Пи-и-Маргалъ, извѣстный писатель и депутатъ, ветеранъ испанскаго соціализма, и тогда уже съ виду весьма почтенныхъ лѣтъ.

Для посторонняго слушателя засѣданіе было очень

мало интересно, и я сидѣлъ только, чтобы дождаться рѣчи Кастеляра, который пользовался репутаціею едва ли не самаго краснорѣчиваго парламентскаго оратора въ Европѣ. Желаніе мое было скоро удовлетворено. По поводу одной республиканской кандидатуры Кастеляръ произнесъ большую рѣчь, изъ которой я, конечно, почти ничего не понялъ, но слушалъ знаменитаго оратора, какъ пѣвца итальянской оперы.

Съ этой точки зрѣнія, т.-е. по внѣшности, Кастеляръ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Поистинѣ изъ устъ его рѣчи «сладчайшія меда лилися». Фразы Кастеляра были полны, звучны и округлены, жесты—красивы, дикція—поразительно ясная и при пріятномъ ὀрганѣ придавала его краснорѣчію что-то увлекательное. Недаромъ друзья называли его чародѣемъ. Но когда рѣчь Кастеляра печаталась, для сѣвернаго разсудка, воспитаннаго на здоровомъ краснорѣчіи англійскихъ ораторовъ, она казалась длинною диссертаціею, полною общихъ мѣстъ, расплывчатыхъ фразъ и декламаціи, напоминавшей ораторство первой французской революціи. Конечно, ораторское искусство измѣняетъ свои условія по мѣстности, и съ испанцами, которые всѣ отъ природы хорошіе ораторы, нельзя говорить слогомъ Бисмарка; напыщенность и риторика поражаютъ южное воображеніе, а длинная рѣчь исче-

заетъ въ необыкновенной скорости, съ которою ворочается у испанцевъ языкъ.

Тѣ же свойства напыщенности и восторженности проявляются и въ сочиненіяхъ Кастеляра. Я читалъ разныя его корреспонденціи и статьи во французскихъ газетахъ и журналахъ и извѣстное сочиненіе «Искусство, религія и природа въ Италіи», переведенное на французскій языкъ, и ничего кромѣ набора громкихъ фразъ не нашелъ.

Впослѣдствіи я посѣщалъ Кастеляра довольно часто и могъ составить о немъ очень точное понятіе. Кастеляру было тогда сорокъ лѣтъ. На видъ это былъ мужчина небольшого роста, полный, лысый, съ большими усами и довольно пріятною физіономіею. Рѣзкость журналиста, приговореннаго уже разъ къ смерти, онъ соединялъ съ ученостью профессора исторіи Испаніи въ Мадридскомъ университетѣ.

Любезность его была чрезвычайная. Когда я пріѣхалъ къ нему въ первый разъ, онъ, выглянувъ изъ окна бель-этажа дома на аристократическомъ Passeo de Recoletes, гдѣ жилъ, сбѣжалъ внизъ и, несмотря на мои горячіе протесты, заплатилъ два піесета за моего извозчика. Кастеляръ былъ холостъ, хозяйствомъ его вѣдала сестра. Квартира Кастеляра была довольно изящно отдѣлана, особенно по сравненію съ нищенской обстановкой Гарридо. Гостиная украшалась большимъ рѣзнымъ Распятіемъ, такъ

какъ Кастеляръ, несмотря на свои крайнія мнѣнія и нелюбовь къ монахамъ, былъ вѣрующимъ христіаниномъ.

Въ кабинетѣ его, заставленномъ книгами, стояла на каминѣ бронзовая статуэтка Мирабо, на которую по характеру своего краснорѣчія походилъ Кастеляръ.

Стоя у этого камина, Кастеляръ почти не говорилъ, а ораторствовалъ передъ толпою депутатовъ, журналистовъ и другихъ политическихъ дѣятелей, постоянно наполнявшихъ его кабинетъ. Онъ, казалось, могъ говорить двадцать четыре часа подъ-рядъ и дѣлалъ это съ видимымъ наслажденіемъ, заслушиваясь собственныхъ рѣчей.

Съ нами Кастеляръ объяснялся по-французски, говоря на этомъ языкѣ, какъ большинство образованныхъ испанцевъ, совершенно правильно, почти безъ всякаго акцента. Это былъ въ высшей степени пріятный, веселый и остроумный собесѣдникъ.

Кастеляръ былъ и большимъ знатокомъ изящныхъ искусствъ; съ величайшею охотою онъ показывалъ мнѣ нѣсколько разъ знаменитую мадридскую картинную галерею, съ особенною любовью останавливаясь передъ картинами знаменитаго жанриста Гойа, этого ultra-испанскаго живописца.

Кастеляръ предлагалъ сопровождать насъ въ То-

ледо, городъ чрезвычайно важный въ историческомъ и архитектурномъ отношеніи.

Тогда Кастелярь былъ страшно увлеченъ вопросомъ объ изгнаніи съ престола короля Амедея, почтеннѣйшаго человѣка, но который пришелся не ко двору испанцамъ, еще не попробовавшимъ республики и презирающимъ итальянцевъ, которыми они когда-то командовали въ Миланѣ, Пармѣ, Неаполѣ и Палермо.

— Я сегодня читалъ лекцію, говорилъ мнѣ какъ-то Кастелярь, и имѣлъ громадный успѣхъ. Рѣчь шла объ одномъ безумномъ королѣ. «Это не послѣдній безумный король въ Испаніи»,—сказалъ я. Студенты поняли намекъ на короля Амедея и сдѣлали мнѣ овацію.

Въ другой разъ Кастелярь пригласилъ насъ обѣдать въ ресторанъ съ какими-то артиллерійскими офицерами, тогда въ Испаніи поголовно республиканцами. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, въ чинѣ майора и вовсе не молодой, говорилъ объ ихъ проектѣ заговора такія вещи, что бѣдный Коршъ, человѣкъ ужасно мнительный и мягкій, просто заболѣлъ и мнѣ потомъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Ни за что я не пойду больше обѣдать съ этими разбойниками. Недаромъ они воспитаны всѣ на боѣ быковъ. Они и маршала Прима зарѣзали на улицѣ, какъ барана.

Меня интересовали подробности смерти Прима; я даже видѣлъ тогда въ Мадридѣ въ одномъ домѣ адъютанта Прима, раненаго вмѣстѣ съ маршаломъ; но обстоятельства этого дѣла остались таинственными, и до сихъ поръ никто не знаетъ ничего опредѣленнаго. Кастелярь приписывалъ это политическое убійство мщенію одного журналиста, слегка помѣшаннаго.

Гарридо защищалъ разстрѣляніе императора Максимильяна въ Кверетаро, но Кастелярь видимо не сочувствовалъ этому политическому убійству и увѣрялъ насъ, что писалъ даже будто бы письмо президенту Хуаресу, гдѣ разбиралъ вопросъ о казни pro и contra. Мое замѣчаніе, что и у себя, и въ Америкѣ испанцы проявили излишнюю жестокость, прибѣгая то и дѣло къ смертнымъ казнямъ, ужасно задѣло Кастеляра.

— А вы, когда повѣсили Рылѣева, Пестеля, Бестужева-Рюмина и др., развѣ не дѣлали то же самое! съ паѳосомъ закричалъ онъ.

Кастелярь возилъ насъ осматривать палату депутатовъ, тогда не засѣдавшую. Тамъ Кастелярь былъ какъ у себя дома. Въ пустомъ залѣ мы разсѣлись по разнымъ мѣстамъ и отъ скуки, точно малыя дѣти, разыграли парламентскую комедію. Кастелярь ораторствовалъ съ своего мѣста. Гарридо, сидя на мѣстѣ Сагасты, говорилъ революціонную

рѣчь, невозможную для министра, и потому я, занимая президентское кресло, призвалъ его къ порядку и отнялъ слово, и т. д.

Кастелярь вспоминалъ о днѣ выбора Амедея. Голосованіе шло поименно, причемъ случилось не мало разныхъ скандаловъ, такъ какъ ловкій Примъ, въ которомъ тогдашнее правительство потеряло лучшую опору, сумѣлъ соединить въ большинство весьма разнообразные элементы палаты. Шестьдесятъ два депутата подали голосъ за республику; вмѣстѣ съ голосами за разныхъ претендентовъ и голосами депутатовъ, воздержавшихся отъ балотировки, получилось сто двадцать голосовъ противъ Савойской династіи, — цифра довольно внушительная. При этомъ Кастеляръ произнесъ одну изъ своихъ самыхъ знаменитыхъ рѣчей.

Дѣлая общее заключеніе о Кастелярѣ, я писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующее:

Вообще Кастеляръ, кажется, не изъ тѣхъ республиканцевъ, которые желаютъ посадить человѣчество на спартанскую похлебку. Слова эти можно понимать даже буквально, потому что я имѣлъ случай не разъ убѣдиться въ гастрономическихъ познаніяхъ Кастеляра. Я думаю, что онъ сдѣлался федералистомъ потому, что всѣ другія партіи были уже прочно организованы и имѣли предводителей, а одни республиканцы еще формировались. Если Кастеляръ будетъ когда-нибудь министромъ,—въ чемъ нельзя сомнѣваться,—то его управленіе будетъ очень походить на республику Прима и Гамбетты. Съ послѣднимъ Кастеляръ къ тому же большой пріятель.

Пророчество мое очень скоро оправдалось: черезъ одиннадцать мѣсяцевъ изъ профессоровъ Кастеляръ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а черезъ восемнадцать мѣсяцевъ президентомъ Испанской республики и проявилъ себя чистѣйшимъ опортюнистомъ. Онъ рѣзко разошелся со своими бывшими друзьями Пи-и-Маргаломъ и Сальмерономъ, признавъ федеративную организацію Испаніи пустой затѣей, и высказался за смертную казнь. Защита Кастеляромъ нѣсколькихъ епископовъ и генераловъ была причиною пораженія его въ палатѣ и отставки, послѣ чего одинъ изъ защищаемыхъ имъ генераловъ, Павіа, разогналъ палату, а это скоро привело къ возстановленію монархіи.

Кастеляръ, конечно, протестовалъ противъ этого для вида, но принесъ депутатскую присягу и сдѣлался главою партіи опортюнистовъ, по-испански названныхъ «поссибилистами», а по-русски (Щедринымъ) «пѣнкоснимателями». Партія эта имѣла, однако, мало значенія. Кастеляра, покинувшаго власть съ чистыми руками, лично уважали и продолжали слушать, какъ какого-нибудь tenore di prima cartello, въ душѣ же онъ становился все болѣе и болѣе консерваторомъ.

Кастеляръ, я полагаю, единственный испанецъ, который могъ разсуждать о Грановскомъ, Павловѣ, Станкевичѣ, Бѣлинскомъ, Чаадаевѣ; такое образо-

ваніе на Западѣ—рѣдкость, когда даже академики, въ родѣ Жюля Жанена, печатали, что Семилѣтнюю войну вела Екатерина Вторая! Во всѣхъ своихъ сужденіяхъ, часто мѣткихъ, Кастеляръ казался мнѣ человѣкомъ очень практичнымъ и осторожнымъ, поэтому о Россіи онъ охотнѣе слушалъ, нежели говорилъ, не высказывая своего мнѣнія по тѣмъ односторонними даннымъ, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Строго говоря, всѣ свои понятія о Россіи Кастеляръ заимствовалъ отъ Герцена, къ которому онъ относился съ большимъ уваженіемъ.

По русской исторіи Кастеляръ съ жаромъ описывалъ мнѣ, какъ Александръ I дѣлалъ будто бы,—очевидно до договора, подписаннаго съ испанскими кортесами въ Великихъ Лукахъ,—въ С.-Петербургѣ на льду, на Невѣ (?), въ 1812 г. смотръ испанскимъ войскамъ, передавшимся съ генераломъ Ла Романою въ Даніи англичанамъ. Описанія этого смотра я нигдѣ не встрѣчалъ.

Послѣ 1872 г. я еще два раза былъ въ Испаніи и, оставаясь въ Мадридѣ короткое время, только обмѣнивался визитами съ Кастеляромъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ *).

I.

Я высидѣлъ подъ-рядъ 14 разъ «Belle Helène», 27 разъ «Carmen» и 146 разъ «Конька-Горбунка». Уже за это своего рода «азовское сидѣніе» я имѣю право считать себя театраломъ. Я видѣлъ казенные театры въ ихъ апогеѣ, видѣлъ ихъ паденіе: при мнѣ три раза перестраивался Маріинскій театръ и развалился Большой, перемѣнились семь директоровъ, большинство ихъ, выражаясь словами Котошихина, были назначены «не по уму, а по великой породѣ, потому ничему не учены»; я не мало воевалъ противъ нихъ, а всего написалъ о театрѣ не менѣе тысячи статей и рецензій. Слы-

*) Воспоминанія эти были напечатаны уже въ видѣ предисловія къ моей книгѣ «Въ театральномъ мірѣ». Книга эта уже почти разошлась, и я не имѣю намѣренія дѣлать ея второе изданіе, почему и перепечатываю воспоминанія вновь.

шалъ я «Belle Helène» по-армянски, самомъ неблагозвучномъ языкѣ въ свѣтѣ, а «Lucrèce Borgia» по-новогречески, причемъ Дженаро въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ философски ковырялъ въ носу; поглядѣлъ я сценическія представленія въ четырехъ частяхъ свѣта и поднесъ не менѣе сотни цвѣточныхъ корзинъ. Только стиховъ, кажется, никогда не писалъ «къ предмету». Сдѣлался же я театраломъ какъ-то незамѣтно, чуть ли не отъ рожденія.

Моя покойная мать, ученица извѣстнаго итальянскаго композитора Риччи, обладала превосходнымъ голосомъ, и такъ какъ въ сороковыхъ годахъ итальянская музыка свирѣпствовала въ обществѣ, то меня уже въ люлькѣ укачивали подъ звуки Россини, Беллини и Доницетти. Какая-нибудь «Beatrice di Tenda», отъ которой тошнитъ вагнеристовъ, у меня вызываетъ и до сихъ поръ слезы умиленія. Одесса, гдѣ я родился и учился, имѣла еще много итальянскаго. Опера, гдѣ, говорятъ, въ молодости пѣлъ хористомъ Гарибальди, занимала тамъ всѣхъ, и я помню, хотя былъ ребенкомъ, необычайный успѣхъ «Rigoletto». La donna e mobile пѣли въ Одессѣ даже извозчики. Этой популярности содѣйствовали не только шарманки, называемыя въ Одессѣ катеринками *), но и процвѣтавшій тогда обычай, чисто итальянскій: пѣть на улицѣ по выходѣ изъ театра тѣ аріи, которыя публикѣ нравились. Объ обществѣ и говорить нечего: итальянская опера составляла его единственное развлеченіе. Меня возили въ ложу еще дитятею, а въ первый разъ я сидѣлъ въ креслѣ восьми лѣтъ за 75 коп. и видѣлъ какую-то «Eleonore» ничтожнаго итальянскаго композитора, а затѣмъ «Barbiere». Послѣдній произвелъ на меня необыкновенное впечатлѣніе; я такъ хохоталъ въ сценѣ притворнаго опьянѣнія Альмавивы, что меня чуть не вывели изъ театра. Тѣнь Банко въ «Macbeto» Верди, несмотря на грубость тогдашнихъ «явленій», пугала меня и, въ ожиданіи ея, я заранѣе сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Въ Одессѣ въ это время, наканунѣ Крымской войны, была превосходная опера, теноромъ былъ знаменитый впослѣдствіи Ноденъ, а примадонами двѣ красавицы — Брамбила и Басседжіа. Въ первую, милую и воздушную, были влюблены всѣ студенты Ришельевскаго лицея (въ дворянскомъ пансіонѣ послѣдняго я воспитывался), а во вторую, великолѣпно сложенную,—их профессора. Профессоръ русской словесности Зеленецкій едва ли не

*) Это названіе взято съ польскаго по первому слову польскаго романса, который на этомъ инструментѣ наигрывали, точно такъ же, какъ слово шарманка происходитъ отъ слова «Charmante Gabrielle», которыми начинался романсъ, впервые популяризованный шарманками.

сидѣлъ на козлахъ, когда молодежь везла на себѣ Басседжію въ день бенефиса, что, какъ извѣстно, продѣлалъ въ Москвѣ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Хлоповъ въ бенефисъ Фанни Эльслеръ *).

Когда изъ Одессы я поѣхалъ доканчивать образованіе въ Петербургъ, то попалъ въ Горный институтъ, который издавна славился своею любовью къ театру. Изъ этого заведенія вышли Каратыгинъ, Самойловъ, Брянскій. Въ корпусѣ даже былъ особый домашній театръ, гдѣ режиссерствовалъ извѣстный водевилистъ Ониксъ— псевдонимъ нашего профессора начертательной геометріи, впослѣдствіи начальника монетнаго двора, горнаго генерала Ольховскаго. Артистическія традиціи твердо сохранялись въ институтѣ. При мнѣ, впрочемъ, кадеты играли болѣе лѣтомъ на дачѣ, но зато зимою корпусъ представлялъ совершенную консерваторію; всѣмъ были розданы казенные инструменты (въ корпусѣ былъ особый оркестръ изъ писарей и кантонистовъ, подъ который мы ежедневно отплясывали послѣ ужина), а потому только и слышались звуки

*) Я зналъ потомъ этого Хлопова чиновникомъ въ акцизѣ (когда въ акцизъ пошли служить всѣ поэты и литераторы); онъ остался оригиналомъ, и когда покойный Николай Потѣхинъ былъ арестованъ за сношенія въ Маццини (вотъ чѣмъ занимались акцизники въ Полтавѣ), то на запросъ жандармскаго штабъ-офицера, что замѣчалъ онъ за Потѣхинымъ, Хлоповъ написалъ смѣло: «Замѣчалъ стремленіе къ изящному!»

волторнъ, тромбоновъ и віолончелей. Какъ бы раздѣляя кадетскій принципъ, что «утромъ полезно гулять, а вечеромъ вредно заниматься», начальство возило насъ то и дѣло на казенный счетъ въ театръ, по большей части въ русскую оперу, въ галерею 1-го яруса, гдѣ я еще кадетомъ былъ абонированъ, или въ французскій театръ въ балконъ. Въ кресла ходить кадеты тогда права не имѣли.

При такихъ занятіяхъ, конечно, театральные вопросы насъ очень занимали и въ химической лабораторіи, служившей клубомъ, пока наши колбы и реторты кипятились и растворы процѣживались, мы ежедневно по часамъ спорили о сравнительномъ достоинствѣ Тамберлика и Кальцолари. Профессоръ аналитической химіи, полковникъ Ивановъ, ярый театралъ, принималъ лично горячее участіе въ этихъ спорахъ. Случалось, что стклянки лопались въ песчаныхъ баняхъ во время этихъ споровъ и добродушный Ивановъ подсказывалъ намъ количество того или другого погибшаго элемента, почти уже готоваго къ опредѣленію.

Истощивъ всѣ аргументы въ защиту своего героя, одинъ кадетъ говорилъ другому: «Тамберликъ куда выше, онъ, говорятъ, и не пьетъ ничего кромѣ водки, а твой Кальцолари питается молокомъ».

Тамберликъ былъ тогда кумиромъ не однихъ кадетъ. Буквально въ значительной части петербург-

скихъ кружковъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Тамберликѣ, что остроумно описалъ въ одной изъ своихъ повѣстей Николай Успенскій. Трудно выдумать картину болѣе эфектную, чѣмъ та, какая представлялась ежегодно въ бенефисъ Тамберлика. Давался обыкновенно «Otello» и при появленіи тенора въ гондолѣ въ 1-мъ актѣ буквально весь театръ, даже дамы въ ложахъ, вставали съ своихъ мѣстъ и неистовыя оваціи продолжались минутъ пять.

Молодежь просто боготворила Тамберлика; оваціи были особенно сильны тамъ, гдѣ видѣли малѣйшій случай для намековъ на тогдашнія либеральныя вѣянія. Фразу: «Cercar la liberta!» въ «Вильгельмѣ Телѣ» заставляли Тамберлика повторять по три и по пять разъ. Такой же успѣхъ имѣлъ потомъ дуетъ Граціани съ Анджіолини въ «Puritani», заканчивавшійся словами «Gridande liberta!»

Галерея 1-го яруса и примыкавшій къ ней такъ называемый «ящикъ», т. е. парадизъ, изъ котораго ровно ничего не было видно, какъ и изъ средней части галереи, биткомъ набитыя народомъ, представляли оживленную картину. Проходы также были полны и за право постоять капельдинеры взимали съ любителей bel canto по рублю. Во время представленія мы не стѣснялись разстегиваться, снимать

галстуки, а аплодировали такъ, что мундиры у насъ постоянно были съ заплатами подъ мышками. Въ антрактахъ мы пили воду ковшомъ прямо изъ ведра и неистово спорили изъ-за достоинствъ того или другого артиста.

Особенно много было ожесточенныхъ споровъ изъ-за Барбо, красавицы съ скворнымъ голосомъ. За красоту мы ее поддерживали съ такимъ жаромъ, что чуть не дрались съ противной партіей въ антрактѣ. Мужъ артистки, ея горничная и даже собака были предметомъ нашего особаго вниманія на театральномъ подъѣздѣ. Она насъ всѣхъ знала, раздавала фотографическія карточки съ надписями и дозволяла цѣловать свои ручки. Я помню, какъ одинъ высокопоставленный теперь мужъ, а тогда кадетъ, бросившись цѣловать Барбо и не разсчитавъ времени, поцѣловалъ по ошибкѣ меня. Когда Барбо уѣзжала, мы просто плакали и устроили даже въ корпусѣ родъ ночного богослуженія въ ея честь по особой программѣ съ музыкой изъ оперъ, гдѣ она участвовала.

На масляной театральная горячка доходила до безумія; мы высиживали по два раза въ день въ театрѣ, поѣдая въ промежутокъ блины съ скврернымъ масломъ въ трактирѣ «Роза», vis-à-vis съ Большимъ театромъ; зато первая недѣля поста казалась чѣмъ-то въ родѣ могилы. Это было един-

ственное время, когда я посѣщалъ нѣмецкій театръ, такъ какъ по старинному обычаю нѣмцы играли въ первые два дня поста. Нѣмки въ это время ѣли булочки на розовой водѣ. Теперь и этотъ обычай—увы!—уничтожился.

Подъ впечатлѣніемъ итальянской оперы, особенно «Фаворитки», я написалъ либрето оперы «Донъ Алонзо или наказанный злодѣй», къ которой мой товарищъ Дмитревскій живо скомпилировалъ музыку, и при помощи одного изъ нашихъ учителей, капельмейстера нѣмецкой труппы, оркестровалъ партитуру. Кадеты играли въ оркестрѣ, кадеты пѣли и женскія партіи. По русскому обычаю, ролей никто не зналъ, оркестръ вралъ немилосердно, отличались только солисты на разныхъ инструментахъ, но опера имѣла успѣхъ, особенно канканъ, который отплясывали въ оперѣ по случаю пріема испанскимъ королемъ китайскаго посланника! Добродушное начальство только дивилось, гдѣ это мы такъ хорошо выучились канканировать, тогда какъ профессорами танцевъ были у насъ балетные танцоры Эбергардты, строгіе классики.

Выучились же мы, посѣщая Михайловскій театръ, гдѣ тогда каждый спектакль заканчивался водевилемъ съ канканчикомъ, который превосходно танцовали Дешанъ и Каролина Летесье. Любовь публики къ этому «соединенію природы съ прав-

дою» зависѣла отъ того, что до начала 60-хъ годовъ канканъ и публичные балы были строго запрещены лѣтъ двадцать пять подъ-рядъ. Тогда и курить нельзя было на улицахъ; на желѣзнодорожные вокзалы надобно было входить, имѣя каску въ рукѣ, а кадеты и даже офицеры, надѣвшіе калоши, рисковали поплатиться всей своей будущностью.

Первою пьесою, которую я видѣлъ на Михайловскомъ театрѣ, былъ палерояльскій фарсъ «La mariée du Mardi gras». Онъ мнѣ такъ понравился въ исполненіи Лемениля, его жены, Верне, Дешана, его сестеръ Миля и Мальвины, что я послѣ того тридцать восемь лѣтъ подъ-рядъ не пропустилъ въ Михайловскомъ театрѣ почти ни одной субботы, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда отсутствовалъ изъ Петербурга. На Петербургской французской сценѣ перебывала масса отличныхъ артистовъ, но рѣдко публика кого такъ любила, какъ Лемениля (онъ и въ Парижѣ славился въ «Palais Royal»). Только заслышавъ его звучный голосъ за кулисами, уже вся зала мгновенно принимала заразительно веселое настроеніе.

Субботы Михайловскаго театра тогда были не то, что нынѣшнія. Артисты получали за 15 лѣтъ пожизненныя пенсіи и съ ними нянчились. Публика самая нарядная наполняла биткомъ театръ, въ ан-

трактахъ жгли благовонныя жидкости и самъ министръ, старый графъ Адлербергъ, принималъ живое участіе въ труппѣ. Состоявшія подъ его покровительствомъ знаменитая Минна Ивановна и рыженькая французская артистка Бланшъ возсѣдали въ крайнихъ ложахъ, но довольно высоко. Тогда ложи давались чуть не по чинамъ. Дамы полусвѣта не могли сидѣть ниже бель-этажа; ихъ было множество. Въ началѣ 60-хъ годовъ проѣдались выкупныя бумаги и строились концессіонерами желѣзныя дороги. Денегъ тратилось много; поэтому знаменитыя парижскія гетеры, какъ саранча, налетѣли въ Петербургъ. Въ ложахъ по субботамъ красовались такія знаменитости, какъ Бланшъ д'Антиньи, съ которой Зола списалъ Nana, Баруччи (называвшая себя la grande putana del Mondo), Камилль де-Ліонъ, Мебль Грей, Памелла, Блекфордъ и др.

Изъ пьесъ, которыя я видѣлъ за долгое сидѣніе на Михайловскомъ театрѣ, наибольшій успѣхъ при первомъ представленіи имѣли «Nos intimes» Сарду, несмотря на манерную игру Напталь Арно и Лагранжа, и «La Belle Helène».

Первое представленіе послѣдней ознаменовалось еще оваціями Александру II, въ первый разъ выѣхавшему въ театръ послѣ покушенія Каракозова. Встрѣченъ былъ покойный государь съ большимъ

одушевленіемъ не только публикою, но и французскою труппою въ греческихъ костюмахъ оперетки, спѣвшей нѣсколько разъ «Боже царя храни». Я помню, какъ у старика Леменіля текли по щекамъ непритворныя слезы.

Но эти оваціи ничто передъ тѣмъ, что мнѣ довелось видѣть въ самый день покушенія 4-го апрѣля въ Александринскомъ театрѣ. Сцены эти въ свое время не были описаны. Уже идя въ театръ, я зналъ о покушеніи, но большинство сидѣвшей въ театрѣ публики ничего не подозрѣвало: вѣсть, однако, мгновенно распространилась, когда заиграли гимнъ. Послѣдній, разумѣется, повторялся несчетное число разъ, восторгъ публики все усиливался, быстро пронесся слухъ, что спасъ царя мелкій купецъ или мастеровой. Одинъ изъ купцовъ, сидѣвшихъ въ креслахъ, услыхавъ имя Комисарова, сказалъ, что онъ его знаетъ; сосѣдъ, не разслышавши, переспросилъ у купца имя спасителя; тотъ, думая, что спрашиваютъ его имя, назвался. Вдругъ среди дѣйствія вскакиваетъ какой-то господинъ и громогласно заявляетъ, что спаситель государя здѣсь въ театрѣ. Сотни голосовъ закричали: «На сцену! На сцену! Гимнъ!» Бѣднаго купчика перекидываютъ черезъ оркестръ на сцену, куда сбѣгаются актеры, бутафоры, плотники, лѣзетъ и публика его цѣловать. Кто-то торжественно заявляетъ, что спаси-

теля зовутъ Иванъ Ивановичъ Зонтиковъ. Крики: «Ура Зонтиковъ!» и новые поцѣлуи. Купецъ тщетно протестуетъ; это принимаютъ за скромность. Начинается нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго, совершенно неописуемаго. Къ счастью, пріѣхалъ въ театръ директоръ театровъ графъ Борхъ. Онъ видѣлъ въ Зимнемъ дворцѣ Комисарова и поскорѣе приказалъ убрать за кулису несчастную жертву недоразумѣнія, но толпа не прекращала криковъ и овацій до конца спектакля, который нѣсколько разъ обрывался.

Ничего подобнаго этому энтузіазму я потомъ въ своей жизни не видѣлъ. И послѣ того говорятъ, что Петербургъ городъ не русскій.

Когда я переѣхалъ въ Петербургъ, Сосницкій представлялъ уже совершенную руину, хотя публика, по привычкѣ, горячо его всегда принимала. Мартыновъ и Максимовъ умерли вскорѣ послѣ моего пріѣзда и я ихъ мало видѣлъ, зато былъ свидѣтелемъ успѣховъ хорошенькой Снѣтковой 3-й и скоро скончавшейся Брошель, дебюта Сазонова и лучшихъ успѣховъ Линской и Самойлова. Послѣдній долгое время несъ на себѣ серьезный репертуаръ. Ему старались выставить противника въ Васильевѣ 2, но недостатокъ сценическихъ средствъ и склонность къ вину не позволяли послѣднему занять первое мѣсто. Такъ какъ публику интере-

совала оперетка и запѣли Сазоновъ и балетная танцовщица Лядова 2-я, то къ нимъ на помощь взяли изъ Художественнаго клуба, игравшаго тогда замѣтную роль въ развлеченіяхъ средняго круга петербургскаго общества, куплетиста Монахова. Душою клуба былъ Аристовъ, съ такимъ же увлеченіемъ организовавшій потомъ добровольческое движеніе въ Сербскую войну.

Находчивость г. Аристова видна хоть изъ слѣдующаго случая. Онъ ставилъ для славянскихъ гостей живыя картины изъ русской исторіи. Требовалось найти кого либо для изображенія Петра. Идя по пассажу, Аристовъ видитъ высокаго нѣмца, оказавшагося хозяиномъ нотнаго магазина.—Вы бы желали быть Петромъ Великимъ? — спрашиваетъ г. Аристовъ.—О, конечно,—отвѣчаетъ нѣмецъ.—Ну, такъ не угодно ли со мною на извозчика.—И увозитъ нѣмца прямо на репетицію въ Маріинскій театръ, гдѣ на спектаклѣ означенный господинъ, слегка загримированный, отлично фигурировалъ въ попойкѣ, слѣдовавшей за Полтавскимъ боемъ.

Къ половинѣ 70-хъ годовъ оперетка на Александринской сценѣ исчезла, и тамъ воцарилась г-жа Савина, пріѣхавшая изъ Саратова, а съ нею репертуаромъ овладѣлъ г. Крыловъ.

Мнѣ какъ разъ пришлось держать выпускные

экзамены, когда пріѣхала знаменитая тогда по ансаблю московская труппа Малаго театра: Шумскій, Садовскій, Васильева, Ѳедотова. Успѣхъ они имѣли, особенно Садовскій, чрезвычайный, и мнѣ, посѣщая ежедневно спектакли, приходилось въ ложахъ, въ антрактахъ, долбить записки палеонтологіи и горной механики. Такого дружнаго исполненія русскихъ пьесъ я потомъ уже не видалъ, хотя въ талантахъ на нашей сценѣ недостатка не было и дѣйствительные таланты, Давыдовъ, Варламовъ и др., быстро оцѣнивались. Я думаю даже, что наша труппа всегда была выше ея репертуара.

Если у публики были свои любимцы, то у печати свои предметы для постоянныхъ нападокъ. Душкинъ, Пронскій и Бурдинъ особенно подвергались злымъ и подчасъ несправедливымъ насмѣшкамъ. Послѣдній едва не былъ причиною моей преждевременной смерти.

Въ 1884 г., по дорогѣ во Флоренцію, я ѣхалъ съ нимъ въ одномъ купе. Въ Местре, около Венеціи, я вышелъ на перонъ и мнѣ казалось, что курьерскій поѣздъ маневрируетъ, между тѣмъ онъ двинулся съ мѣста на всѣхъ парахъ. Изъ купе высунулась фигура Бурдина, закричавшаго: «Садитесь живѣе!» Я вскочилъ на подножку, шедшую вдоль всего вагона, но начальникъ станціи схватилъ меня сзади и сказалъ: «Завтра утромъ!» Чтобы

не свалиться подъ поѣздъ, я вырвался, но, не имѣя возможности удержать равновѣсія, упалъ на подножку и лежа охватилъ ее руками; поѣздъ помчался въ Падую, шляпа моя свалилась.

Придя немного въ себя, я всталъ и началъ перебираться по площадкѣ, отыскивая свое купе; была полночь. Въ одномъ купе, казавшемся моимъ, я сталъ кулакомъ барабанить въ стекло, прося, чтобы отворили изнутри: извнѣ я самъ открылъ задвижку. Въ купе, оказалось, спали двѣ дамы; видя меня безъ шапки, съ всклокоченными волосами, онѣ сначала страшно испугались и начали кричать, но затѣмъ, успокоившись, отперли. Я былъ такъ взволнованъ, что долго не могъ говорить и объяснить въ чемъ дѣло.

Въ Падуѣ меня ждали новыя злоключенія. Начальникъ станціи Местре телеграфировалъ о непослушаніи пассажира, и меня встрѣтилъ начальникъ падуанской станціи съ двумя карабинерами. Узнать меня было не трудно, такъ какъ я вышелъ изъ дамскаго купе безъ шапки. Когда я показалъ свой паспортъ и объяснилъ, что виновенъ не я, а что глупый начальникъ станціи, таща меня за фалды на ходу поѣзда, едва не былъ причиною моей смерти, то меня отпустили. Мало того, черезъ недѣлю во Флоренціи я получилъ свою шляпу, разысканную гдѣ-то на полотнѣ дороги.

Къ сожалѣнію, наше высшее общество не интересовалось русскимъ театромъ: итальянская опера до ея закрытія была главнымъ его развлеченіемъ. Я тоже оставался поклонникомъ этой оперы, какъ и вообще всего итальянскаго. Роль Италіи еще недостаточно оцѣнена у насъ. Итальянцы не только создали русскій стиль въ архитектурѣ, не только завели у насъ русскую оперу и балетъ, но и выучили насъ дѣлать водку.

Изъ итальянцевъ болѣе всего цѣнились теноры. Я говорилъ о Тамберликѣ; съ Маріо носились, когда уже у него не было и признаковъ голоса, а изъ-за неприглашенія Мазини собственно и погибла у насъ казенная итальянская опера.

Лучшею характеристикою, что теноры сознаютъ это свое привилегированное положеніе, можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Въ Монте-Карло одному изъ извѣстныхъ Петербургу теноровъ показали хорошенькую «amuseuse», прибавивъ, что знакомство съ нею кусается.—Не безпокойтесь,—замѣтилъ онъ. И уже на другой день гулялъ вмѣстѣ.—«Кто васъ представилъ»,—спросили его.—Я самъ, и моя первая фраза была: «Madame vous savez oune tenor ne paye zamais!»

Изъ пѣвицъ и пѣвцовъ многія заграничныя знаменитости, какъ Штольцъ, Сассъ, Краусъ, Капуль, какъ ранѣе Пенко, у насъ никакого успѣха не имѣли;

Патти, Нильсонъ дѣлали колоссальные сборы, но ихъ не любили. Обожала публика Бозіо, похороны ея были событіемъ. Въ послѣднее время очень любили г-жу Дюранъ. Поляки поддерживали свою Зембрихъ. Большой успѣхъ имѣла также г-жа Ферни Джермано, отличавшаяся остроуміемъ, веселымъ характеромъ и прекраснымъ апетитомъ. Я сомнѣваюсь только, умѣла ли она писать (между итальянскими артистами это случается); насчетъ ариѳметики она тоже была слаба; когда ей было лѣтъ 45, она насчитывала себѣ только 27, и когда я сталъ какъ-то вычислять, то вышло, что она дебютировала въ оперѣ четырехъ лѣтъ. «Да, дѣйствительно, я была совсѣмъ маленькая», сказала она совершенно хладнокровно и показала такъ, примѣрно, на полъ-аршина отъ земли.

По обязанностямъ критика, я довольно близко присмотрѣлся къ житью-бытью французскихъ артистовъ. Французы, какъ и русскіе за границею, лишены всякаго чувства солидарности, поэтому Михайловскій театръ постоянно напоминалъ гнѣздо осъ. Непонятно даже, изъ-за чего тамъ ссорятся и интригуютъ. Для мужчинъ еще ангажементъ въ Россію обезпечиваетъ существованіе на нѣсколько лѣтъ, къ тому же изъ экономіи актеры заводятъ связи въ театрѣ же; эти связи для актрисъ считаются не стѣснительными и ни къ чему ихъ не обязываютъ.

возможность пользоваться четырехъ-мѣсячнымъ отпускомъ съ содержаніемъ также привлекаетъ актеровъ. Но для женщинъ, по необходимости имѣть по новому туалету въ каждомъ актѣ, жалованье, даже высокое, не представляетъ соблазна. Обыкновенно артистки, отправляющіяся въ Россію, дѣлаютъ большіе долги у модистокъ и затѣмъ все почти жалованье идетъ на погашеніе этого долга. Если артистка остается въ Петербургѣ менѣе трехъ лѣтъ — она разорена. Конечно, при ангажементѣ француженокъ увѣряютъ, что число boyards riches en fourures безконечно, но артистки быстро убѣждаются, что бояре — одна легенда. Извѣстно, что титулъ le dernier des boyards носитъ въ Петербургѣ одинъ весьма почтенныхъ лѣтъ биржевой нотаріусъ.

Уже при каждомъ распредѣленіи ролей въ пьесахъ происходятъ ссоры. Всѣ желаютъ имѣть роли ради «разовыхъ», и каждый увѣряетъ, что ему досталась une panne. Еще болѣе интригъ для полученія хорошей пьесы въ свой бенефисъ pour avoir des bonis-bonis. Дисциплина, однако, на французской сценѣ желѣзная, все ведется строго и акуратно. Надобно отдать справедливость французскимъ актерамъ, они чрезвычайно добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, учатъ быстро роли и никогда не опаздываютъ на репетиціи.

Образцомъ добросовѣстнѣйшаго отношенія къ своей службѣ могли служить Вормсъ, Дюпюи, Вольнисъ, Делапортъ, имѣвшая пренесносную маменьку, Паска, Лего, Мари-Лоръ.

Были, конечно, и артистки, смотрѣвшія на сцену совсѣмъ съ другой точки. Въ 50-хъ годахъ прославились по этой части Эстеръ де-Бонгаръ, Сюзанна Лажье, Алисъ Терикъ, а въ мое время довольно глупая и капризная Деверіа (изъ-за драки ея отца съ ухаживающимъ за нею Бертономъ мы лишились лучшаго jeune premier), Летесье, Мокуръ—милая и безкорыстная, вопреки своей репутаціи, Анжель, Эме Марсіаль; обѣ послѣднія имѣли язычокъ, какъ бритва. Летесье была также остроумна и зла.

Артистки вліяютъ подъ-часъ на судьбы театра. Я говорилъ выше о Бланшъ. Мила замѣнила «въ случаѣ» у Гедеонова Андреянову. Такую же роль при баронѣ Кистерѣ играла Пти, которой настоящее имя было не Дика, а Жозефина. Она, какъ и ея мать, была ранѣе любовницею маршала Маньяна, одного изъ главныхъ пособниковъ Наполеона III, почему Дика Пти была ярою бонапартисткою, тогда какъ Мари-Лоръ, дочь профессора литературы Бертрана де Сенъ-Реми, — столь же ярою легитимисткою.

Артисты русской оперы, вслѣдствіе ихъ немно-

гочисленности (я не говорю о хорѣ и оркестрѣ) и разнородности происхожденія и воспитанія, имѣютъ наименѣе общихъ между собою чертъ и труднѣе всего могутъ быть охарактеризованы какими-либо признаками.

Я видѣлъ всѣ перипетіи русской оперы, какъ она, несмотря на талантъ Петрова, была совсѣмъ оставлена, какъ оживала благодаря участію Сѣтова, Леоновой и Никольскаго, какъ расцвѣла отъ успѣховъ Лавровской и отчасти агитаціи музыкальной прессы, особенно Сѣрова и Кюи, и какъ, наконецъ, при участіи Фигнера, пріобрѣла совершенно выдающееся среди другихъ казенныхъ спектаклей положеніе, почему попадать въ оперу можно или не щадя боковъ и стоя на площади въ снѣгу по шести и десяти часовъ, или представляя въ разныя кассы и конторы просьбы и документы, чуть ли не свидѣтельство о прививкѣ оспы. Есть, впрочемъ, еще два способа: дорогой, но общедоступный—обращаться къ барышникамъ, и дешевый, но трудно доступный—имѣть знакомыхъ среди театральныхъ заправилъ.

Мнѣ въ 1875—76 гг. пришлось стоять довольно близко къ русской оперѣ, когда тамъ два сезона пѣла моя сестра; тогда и входъ за кулисы былъ довольно свободный. Наша опера отличается отъ другихъ полнымъ отсутствіемъ «амуровъ»; въ арти-

стическомъ отношеніи дисциплина здѣсь строгая и опера имѣетъ въ г. Направникѣ руководителя изъ ряда вонъ. Онъ дирижируетъ, страдая ревматизмомъ, нѣсколько сонно и флегматично и сочиняетъ неважныя оперы, но шефъ оркестра онъ удивительный и держитъ вожжи крѣпко, не руководствуясь никакимъ фаворитизмомъ, хотя не мало было субъектовъ за кулисами, подававшихъ ему даже калоши.

Время, мною описанное, относится къ періоду, когда Платонова уже постарѣла и репертуаръ держался на Меньшиковой. Были артисты и артистки мало отесанные, но были вполнѣ джентльмены: г-жа Абаринова, гг. Корсовъ и Энде (фонъ-Дервизъ). Послѣдняго я зналъ ранѣе гусаромъ и потомъ акцизнымъ чиновникомъ. Въ это же время, хотя и недолго, пѣла несчастная Кадмина, слегка описанная не съ натуры въ «Татьянѣ Рѣпиной». Кадмина пѣла плохо, горломъ, но играла недурно; она была красиво сложена, имѣла чудные черные глаза, но огромныя грубыя руки. Добродушная, она носила, однако, слѣды первоначальнаго плохого воспитанія въ московской школѣ и каждыя двѣ фразы она заправляла крѣпкими словечками. Мнѣ случилось близко познакомиться съ объектомъ ея самоубійства, и я присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ, которые въ этой смерти видѣли не романъ, а какую-то случайную вспышку истерическаго тем-

перамента, такъ часто встрѣчающагося въ театральной средѣ. Нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что безъ «истерики» не можетъ и быть никакого драматическаго таланта. Пожалуй оно и правда.

Мнѣ пришлось быть на первомъ представленіи всѣхъ русскихъ оперъ, данныхъ почти за сорокъ лѣтъ. По большой части успѣхъ ихъ былъ сомнительный. Большой успѣхъ въ первое представленіе имѣли «Рогнѣда» — Сѣрова, «Демонъ» — Рубинштейна, «Евгеній Онѣгинъ» — Чайковскаго. Были и ужасные провалы: «Запорожецъ за Дунаемъ» — Артемовскаго, «Амалатъ Бекъ» — Афанасьева, «Тарасъ Бульба» — Кюнера, «Сарданапалъ» — Фаминцына, «Донъ-Жуанъ» — Фитингофъ-Шеля. Понятно, отчего дирекція избѣгаетъ сомнительныхъ русскихъ оперъ. Кто знаетъ, сколько нужно огромнаго труда и затратъ на постановку каждой оперы, тотъ пойметъ, какъ неразсудительно затрачивать этотъ трудъ, а равно и деньги для произведеній, обреченныхъ быть снятыми съ афиши послѣ второго или третьяго представленія. Публика къ тому же безжалостна, и ей дѣла нѣтъ до заслугъ автора-неудачника на поприщѣ русскаго искусства вообще.

Въ русской оперѣ я былъ, конечно, свидѣтелемъ разныхъ происшествій, между прочимъ спектакля, гдѣ Кравцовъ пѣлъ въ «Отелло». Ходили слухи,

что онъ беретъ ut-dies (тогда на тамберликовскомъ ut-dies всѣ были помѣшаны). Кравцовъ оказался пѣвцомъ съ маленькимъ голоскомъ, въ придачу по дорогѣ простудившимся. Булохова-Дездемона также пѣла ужасно. Публика, биткомъ наполнявшая Маріинскій театръ, требовала прекращенія спектакля, особенно бушевали студенты, громогласно вызывая Сабурова. Подъ конецъ всѣ уже орали: «Пса бураго!»

Другой, также любопытный, случай былъ въ «Фра-Діаволо». Лаврова-Спекки, раздѣваясь во 2-мъ актѣ, положила свою юбку на свѣчку и юбка загорѣлась. Спрятавшіеся разбойники, гг. Саріоти и Гумбинъ, выскочили, чтобы потушить огонь, но смѣхъ публики продолжался недолго. Крики «пожаръ!» разогнали публику, къ счастью, немногочисленную. Я видѣлъ при этомъ, какъ люди теряютъ совершенно голову при словѣ «пожаръ». Были дамы, которыя стояли, какъ вкопаныя и кричали: «горимъ», а какой-то господинъ, очевидно мужъ, спустилъ за руки свою жену изъ бель-этажа въ кресла, хотя проще было выйти въ коридоръ. Суматоха, впрочемъ, быстро прекратилась.

Тяжелое впечатлѣніе оставило представленіе, да еще первое, оперы «Корделія», когда, совершенно такъ же, какъ въ Парижѣ Ванъ-Зандтъ въ «Barbiére», молодая и талантливая пѣвица Бичурина

напилась до безчувствія, за что и была уволена отъ службы. Непонятно, какъ было допущено продолженіе спектакля. Артистка ходила по сценѣ блѣдная, какъ смерть, и пѣла все, что ей въ голову приходило. Картина была удручающая.

Фигнера я помню скромнымъ, какъ молодая дѣвушка, молодымъ мичманомъ, служившимъ въ Добровольномъ флотѣ. Онъ пѣлъ романсики и мечталъ на счетъ великаго князя Константина Николаевича поѣхать въ Италію учиться, такъ какъ у петербургскихъ профессоровъ успѣха онъ не дѣлалъ. Я весьма усердно убѣждалъ его бросить это намѣреніе, предсказывая, что ничего не выйдетъ. Онъ не послушался и, какъ оказывается, отлично сдѣлалъ, потому что изъ морского офицера вышелъ замѣчательный артистъ. Откуда мораль: слушать чужіе совѣты весьма умѣренно. Болѣе всего помогъ Фигнеру учитель хоровъ въ Ла-Скала; профессора и въ Миланѣ немного принесли ему пользы.

Помню, что на первомъ или на второмъ своемъ дебютѣ отъ волненія Фигнеръ упалъ въ обморокъ. Убѣжденъ, что это на 50% содѣйствовало его первоначальному успѣху въ публикѣ. Если онъ это сдѣлалъ притворно, то поступилъ какъ великій мимъ. Успѣхъ его съ тѣхъ поръ все росъ и лучше всего опредѣляется цѣнами въ оперѣ, которыя имѣются обыкновенныя, возвышенныя и фигнеровскія,

какъ въ московскихъ трактирахъ имѣются полупорціи (это для обыкновенныхъ человѣческихъ силъ), порціи и полуторыпорціи. «Послѣднія для духовенства-съ», какъ объяснилъ мнѣ одинъ половой.

Съ консерваторіей, по связи ея съ русской музыкой, мнѣ пришлось познакомиться довольно близко въ періодъ управленія ея покойнымъ Азанчевскимъ. Это былъ добрый человѣкъ, но болѣзненный и заведеніемъ управлялъ въ дѣйствительности инспекторъ г. Климченко. Тогда она скромно помѣщалась въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, занимая часть бывшей безмѣрной квартиры министра народнаго просвѣщенія. Ближе я зналъ классы пѣнія, которые привлекали со всѣхъ сторонъ дѣвицъ изъ Россіи; еврейскій элементъ тогда еще только начиналъ проникать въ консерваторію, но множество вдовъ и барышенъ изъ дворянскихъ семей устремились туда, чтобы попасть на сцену. Многіе изъ тогдашнихъ воспитанниковъ дебютировали потомъ съ успѣхомъ на казенной и частной оперной сценѣ: моя сестра, Фриде, Голенищева-Кутузова, Карѣева, Ваффе, Яшиковская, Лысенкова, Тимченко; изъ мужчинъ: Лоди, Матчинскій, Аленниковъ, Самусь, Брагинъ.

Большинство пѣвцовъ училось у Эверарди, итальянское имя котораго скрывало бельгійца Evrard'a. Онъ былъ въ свое время отличнымъ пѣвцомъ на-

шей итальянской сцены, а затѣмъ дѣльнѣйшимъ профессоромъ. Зимою приходилъ онъ утромъ въ чечунчовомъ пиджакѣ и уходилъ вечеромъ мокрый, какъ утка. Помогалъ ему на урокахъ извѣстный теперь г. Корделасъ. Уроки пѣнія въ консерваторіи не могутъ, однако, принести много пользы для изучающихъ серьезное пѣніе. Профессоръ поневолѣ занимается съ какимъ-либо однимъ ученикомъ или ученицею болѣе талантливыми, остальные обязаны слушать и замѣчать. Понятно, при такой системѣ только тѣ ученики и выучиваются пѣть, которые, кромѣ посѣщенія консерваторскихъ классовъ, берутъ еще приватные уроки, гдѣ профессоръ занимается исключительно ими. Но вообще въ полтора, два года опернаго артиста приготовить нельзя. Итальянцы пріобрѣтали гибкость голоса годами упорнаго труда.

Въ заведеніи, гдѣ сосредоточено столько молодыхъ и миловидныхъ женщинъ, живущихъ къ тому же на свободѣ, и гдѣ царитъ артистическое вдохновеніе, любовь, понятно, играетъ большую роль. Любовь и музыка вѣдь такъ тѣсно связаны между собою. Я помню прекомичную сцену, какъ одна почтенная артистка, мужъ которой былъ преподавателемъ, ревновала его, повидимому, не безъ причины. Какъ-то встрѣтилъ я ее всю взволнованную; она увѣряла, что теперь уже окончательно убѣди-

лась въ коварствѣ своего благовѣрнаго. «Il donne à sa belle des rendez-vous à l'hôtel des Séraphins», кричала она.

Я недоумѣвалъ, что это въ Петербургѣ за «Отель Серафимовъ»? Оказалось, что рѣчь шла о Серапинской гостиницѣ!

II.

Балетъ я видѣлъ въ первый разъ въ Одессѣ, когда Андреянова пріѣзжала съ московскою труппою во время Крымской войны. Какъ сейчасъ помню сцены изъ «Пахиты» и «Своенравной Жены». Андреянова, довольно старая, имѣла мало успѣха, но въ хорошенькихъ корифеекъ повлюблялись всѣ офицеры одесскаго гарнизона, а за ними и мы, гимназисты. Покойный Амосовъ написалъ даже о балетѣ въ Одессѣ цѣлый рядъ остроумныхъ стиховъ.

Въ Петербургѣ мнѣ нравилась своею граціею, также немолодая, Розатти и мы защищали ее на верхахъ; къ борьбѣ между Муравьевой и Петипа, раздиравшей тогда балетомановъ, я относился равнодушно. Я посѣщалъ балетъ довольно неисправно хотя писалъ о немъ отчеты въ газетахъ. Смѣшно вспомнить, что писать тогда о балетѣ считалось чуть не неприличнымъ. «Молва» просила меня написать о новомъ балетѣ, но статьи не напечатала (она появилась въ другой газетѣ).—«Помилуйте,—

восклицалъ Ватсонъ,— вы упоминаете о Прудонѣ. Положимъ, онъ написалъ «Pornocratie», но русской публикѣ этого не слѣдуетъ знать».

Какъ-то въ фойе Маріинскаго театра подошла ко мнѣ молодая брюнетка и смѣло спросила: «Какъ это вы смѣли написать, что я, выйдя изъ школы, пошла назадъ и не учусь?»—«Виноватъ,—сказалъ я,—больше не буду».—«То-то, узнайте раньше, что такое танцы и какъ они трудны». Это была одна изъ блестящихъ впослѣдствіи нашихъ балеринъ, г-жа Никитина, которая слишкомъ рано покинула сцену.

Я купилъ книгу Блазиса и безсмертныя «Lettres» Новерра и на пароходѣ во время кругосвѣтнаго путешествія прочелъ ихъ и убѣдился, что «балетъ вещь, а прочее все гиль». Подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго я написалъ въ еженедѣльномъ «Новомъ Времени» рядъ писемъ о балетѣ, напечатанныхъ въ 1880 г. отдѣльною книгою. Книга эта не имѣла особаго успѣха, но за то много повредила мнѣ въ жизни, хотя и вышла безъ моей подписи. Когда меня хотѣли обойти по службѣ, то всегда говорили: «Помилуйте, даже о балетѣ книги пишетъ». Всѣ мои противники въ своихъ полемическихъ статьяхъ обыкновенно кололи мнѣ глаза тою же книгою.

Я утѣшился тѣмъ, что абонировался въ балетѣ,

чтобы познакомиться не только ближе съ хореграфическимъ искусствомъ, но и съ своеобразными нравами балетнаго мірка. Записался, словомъ, въ число балетомановъ, кружокъ которыхъ за сто лѣтъ можетъ насчитать не мало громкихъ именъ даже между портными. Изъ балетомановъ два молодыхъ гвардейца переодѣвались полотерами, чтобы проникнуть въ балетный классъ театральнаго училища! Это не помѣшало имъ быть потомъ министрами. Вообще у насъ всегда было не мало фанатиковъ балета. Въ послѣднее тридцатилѣтіе прославились Ушаковъ, Гриневъ и Похвисневъ. Я слышалъ слѣдующій разсказъ Ушакова:

— Что, батюшки, ваши новыя танцовщицы,—вотъ Фанни Эльслеръ! Бывало, когда въ «Тщетной предосторожности» въ началѣ 1-го акта только кормъ начнетъ курицамъ раздавать, уже весь театръ рыдаетъ!

Похвисневъ, до глубокой старости извѣстный подъ именемъ Аркаши, также обожалъ балетъ и дурно сдѣланный пируетъ могъ лишить его апетита на три дня. Это былъ добрѣйшій человѣкъ и снисходительнѣйшій въ мірѣ критикъ.

Но обоихъ превосходилъ Гриневъ, носившій за кулисами имя Аполлона. По крайней мѣрѣ это имя было его собственное, а то одно высокопоставленное лицо, нынѣ умершее, дружески звали тамъ

Филаткою. Въ то время, когда Похвисневъ, бывшій камеръ-пажъ и преображенецъ, отличался изящными манерами, Гриневъ былъ типомъ удалого кавалериста добраго стараго времени. Ко всему онъ относился горячо, голосъ имѣлъ громкій, а ладоши какія-то особыя, какъ будто самимъ Богомъ устроенныя для аплодисментовъ.—«Зина, молодецъ! Нюта, жарь!—кричалъ онъ при видѣ какой-нибудь корифейки. — А Х. каковъ, подлецъ? Киверъ, киверъ держитъ двумя руками!»

Въ то время, когда Похвисневъ не говорилъ иначе, какъ прибавляя mon cher, Боже сохрани было прерывать Гринева въ его восторгахъ; какой-то господинъ ему шикнулъ изъ второго ряда.

— Вотъ какъ я тебя тресну въ рожу, такъ ты будешь у меня шикать, — сказалъ онъ преспокойно, повернувшись къ шикальщику и продолжалъ кричать.

Разсказы Гринева были необычайные: то онъ кого-то перевозилъ на мулахъ черезъ Кордильеры, то вдругъ описывалъ, что какая-то пріятельница его, актриса въ Парижа, только что встанетъ, «волосы это рыжіе, до пять, и прямо съ кровати бухъ въ мраморную ванну и поплыла, и поплыла!»

— Позвольте,—прервали его,—вѣдь квартиры въ Парижѣ маленькія, гдѣ же тамъ плавать, да еще въ ваннѣ?

— Не вѣрите! Ну вотъ хоть образъ снять. Да, кстати, и Аркаша это видѣлъ.

— Mon cher, я что-то этого не помню...

А у Гринева уже на готовѣ другой анекдотъ. Это былъ обязательный человѣкъ, защищавшій интересы балета и его труппы. Онъ очень не любилъ, когда находили, что въ балетѣ публики мало.

— Этого вамъ мало, а двадцать лѣтъ назадъ по вторникамъ только для меня да для графа Шувалова балеты и давались!—объяснялъ онъ.

У танцовщицъ, какъ извѣстно, много начальства, но едва ли не вліятельнѣйшее лицо за кулисами былъ долгое время капельдинеръ Николай. Этотъ все и всѣхъ зналъ, особенно кого слѣдовало отвозить домой съ оборотомъ или безъ оборота. Ибо танцовщицы, не имѣющія покровителей, танцуютъ не только «у воды», но и домой отвозятся, когда ихъ подруги уже благополучно доѣхали и зеленыя кареты сдѣлали «оборотъ». Къ Николаю обращались и съ болѣе деликатными справками. Я былъ свидѣтелемъ такого разговора:

— Думаю ухаживать за Черномазовой, у ней, братецъ, баллонъ.

— Баллонъ-то баллонъ, да что вамъ, Николай Андреевичъ, въ баллонѣ? Да и папенька ихъ у насъ въ нотной конторѣ писцомъ служили, птица не важная!

— Ну, а о Бѣлобрысовой ты что думаешь?

— Ну, это дѣвушка признательная.

Всѣ эти «празнательныя дѣвушки», за рѣдкимъ исключеніемъ, очень скромны, ходятъ пѣшкомъ и не выдаются нарядами. Всѣ вообще русскія танцовщицы отличаются семейными наклонностями, очень любятъ свое искусство и своихъ родственниковъ, буде таковыхъ имѣютъ, и вообще настоящія pots au feu. Главное ихъ отличіе въ походкѣ. Онѣ держатся прямо, плечи внизъ, ноги выворотно и движенія ихъ граціозны. Другое отличіе танцовщицъ въ языкѣ, который представляетъ жаргонъ театральнаго училища. Жаргонъ, благодаря тому, что оно закрытое училище, крѣпко усваивается его воспитанницами и мало-по-малу распространяется на другіе театры, даже провинціальные. Если вамъ встрѣтится дѣвица, которая будетъ безпрестанно употреблять въ разговорѣ слово «сжальтесь», сообщитъ вамъ, что будетъ васъ «язвить», потому что подруга ея въ васъ «стрѣляетъ», и что вообще вы «отвратъ» и «тошный», то это навѣрное танцовщица. Въ послѣднее время, съ приливомъ приходящихъ въ училище, этотъ спеціальный языкъ, впрочемъ, утрачивается.

У русскихъ танцовщицъ имѣются и другія отличительныя качества — до старости зовутъ онѣ другъ друга уменьшительными именами. Несмотря

на соперничество, жизнерадостное настроеніе—слѣдствіе постоянныхъ упражненій тѣла—лишаетъ ихъ зависти. Затѣмъ одинаковое воспитаніе и пенсія черезъ двадцать лѣтъ даетъ танцовщицамъ корпоративный духъ; онѣ считаютъ себя, какъ старые солдаты, казенною вещью и убѣждены, что никогда казна ихъ не оставитъ безъ поддержки. Эта связь со своимъ театромъ напоминаетъ Римъ. Танцовщицы и замужъ выходятъ обыкновенно за танцовщиковъ. Если же случаются рѣдкія исключенія, то тогда танцовщицы выходятъ за свѣтлѣйшихъ князей или за околодочныхъ надзирателей.

Танцовщицы также весьма преданы своему искусству. Одинъ мой знакомый докторъ передъ послѣднею постановкою «Конька Горбунка», выслушивая стараго почтеннаго балетнаго артиста, спросилъ, отчего это онъ такъ взволнованъ.

— Помилуйте,—отвѣчалъ онъ трагическимъ тономъ,—на Маріинскомъ театрѣ на сценѣ нѣтъ мѣста помѣстить кита: его хотятъ замѣнить осетромъ!

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я посѣщалъ иногда домъ дирекціи въ Театральной улицѣ, называемой театралами «Улицей любви». Въ то время еще господствовали патріархальные порядки. Дирекція давала маленькіе оклады, но за то отводила танцовщицамъ казенныя квартиры у себя въ домѣ, а молодымъ и бѣднымъ отпускала даже пищу изъ

Театральнаго училища. Старыя стѣны этихъ квартиръ, никогда не ремонтировавшихся, напоминали стѣны хижинъ изъ «Теолинды» или «Метеоры». Но въ этихъ хижинахъ было весело и гостепріимно и тамъ собиралась не только молодежь, но и старые адмиралы и генералъ-адъютанты.

За одною изъ граціознѣйшихъ танцовщицъ, жившей въ домѣ дирекціи, одновременно стали ухаживать два богача. Одного изъ нихъ, воспитаннаго въ Парижѣ, сибарита, удручало хожденіе по грязнымъ лѣстницамъ дома дирекціи. На бѣду еще собака декоратора, какая-то дворняшка, бросалась постоянно на него. Онъ послалъ камердинера купить эту собаку и утопить. Французъ-декораторъ, не будь дуракъ, узнавъ имя покупателя, сказалъ, что «qu'il n'a qu'un seul trèsor au monde—c'est son chien».— «Приказано купить, чего бы ни стоило», повторялъ лакей. Французъ со слезами отдалъ дворнягу за двѣсти пятьдесятъ рублей!

Несмотря на любовь къ танцамъ, высокое подчасъ покровительство и балетомановъ, фонды балета постоянно то вздымаются, то опускаются. Конкуренція оперы и отсутствіе звѣздъ служили главною причиною пустоты въ балетѣ. Въ «Театральномъ Альманахѣ» на 1830 годъ жаловались, что въ 1829 году балетъ привлекалъ мало зрителей за отсутствіемъ первоклассныхъ талантовъ и вслѣд-

ствіе того, что шесть лѣтъ репертуаръ остановился на точкѣ замерзанія. «Нѣтъ терпѣнія, — писалъ Булгаринъ, — смотрѣть 102 представленіе «Рауля де-Креки». Буквально то же повторилось въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и затѣмъ въ началѣ восьмидесятыхъ.

Балетъ спасла тогда отъ паденія Цукки.

Г-жа Ферни Джермано мнѣ ее очень расхвалила, я посмотрѣлъ на Цукки въ Италіи и написалъ горячій отзывъ въ «Новомъ Времени», описывая Миланъ. Этотъ отзывъ попался г. Лентовскому и въ результатѣ явился ангажементъ «божественной» въ «Кинь-Грусть», повлекшій, въ виду ея успѣха, къ приглашенію на казенную сцену.

Дебютъ Цукки былъ, какъ извѣстно, весьма удаченъ, но настоящею любимицею публики она стала послѣ исполненія балета «Брамы». Это былъ дѣйствительно рѣдкій успѣхъ. Каждый жестъ артистки вызывалъ ревъ публики. «C'est du genie, c'est sublime!» — раздавалось со всѣхъ сторонъ. — Браво Монплезиръ!—послышался вдругъ голосъ Похвиснева, почти плакавшаго отъ восторга. А Монплезиръ, авторъ «Брамы», умеръ лѣтъ за тридцать до этого событія.—Я началъ свою карьеру, когда отличалась Фанни Эльслеръ, — говорилъ директоръ Театральнаго училища, покойный Фроловъ, поднявъ глубокомысленно палецъ кверху: теперь я видѣлъ

Цукки и могу спокойно умереть! Это былъ рѣдкій образецъ стараго эстетика.—Duprez m'a dit... Theophile Gautier m'a raconté un jour, такъ и сыпалось изъ его устъ. Онъ двадцать лѣтъ изучалъ живопись заграницею, но рисовалъ такъ, что я одну его картину принялъ за кавалерійскую атаку, а это былъ букетъ сирени, чѣмъ премного огорчилъ этого благороднѣйшаго человѣка. Правда, квартира его въ хоромахъ дирекціи была темновата.

Фроловъ до конца оставался ярымъ поклонникомъ Цукки; она вообще имѣла особый талантъ находить повсюду друзей. Одинъ изъ ея усерднѣйшихъ почитателей въ Петербургѣ былъ знаменитый минералогъ, бывшій директоръ Горнаго института, академикъ Кокшаровъ. Сидя около меня въ горномъ совѣтѣ, онъ постоянно сочинялъ экспромты, въ родѣ слѣдующихъ:

Чтобы избавиться отъ скуки
Совѣтскихъ преній, мой совѣтъ:
Отправиться скорѣй въ балетъ —
Тамъ восхитительная Цукки!

«Восхитительная» и «божественная» далеко не была, однако, таковою при ближайшемъ разсмотрѣніи, грызла ногти и чесала свои всклоченные космы волосъ прямо пятерней. Въ концѣ іюня она ходила въ «Кинь-Грусти» въ оборванной бѣличьей шубѣ.

— Я обожаю вашу сельскую жизнь, — сказала она мнѣ.

— Да гдѣ же вы ее видѣли?

— Въ Новой Деревнѣ!

Страшно скупая, Цукки, жила на дачѣ скромно и, не имѣя даже мыла, мыла руки выжатыми лимонами. Когда я подарилъ ей кусокъ мыла, она ниткою разрѣзала его на три части и сказала: «одинъ мнѣ, другой—брату Витторіо, третій—сестрѣ Констанціи». Прогрессъ пошелъ еще далѣе и черезъ нѣсколько дней она взяла у меня коробочку зубного порошка, отсыпала немного въ бумажку, свернула и спрятала въ карманъ.

Въ «Кинь-Грусти» въ своемъ большомъ ридикюлѣ—безъ котораго нельзя себѣ вообразить танцовщицу—она носила бутылку, увѣряя, что это элексиръ, который ей дала «Мама» для укрѣпленія нервовъ. Я както понюхалъ элексиръ: оказалась можжевеловая водка.

Однажды я засталъ ее передъ бутылкою въ слезахъ. Я спросилъ, что это такое? Рыдая, она мнѣ сказала, что потеряла маму, бывшую директрисою d'un asilio. Когда это? Да семь лѣтъ назадъ,—отвѣчала балерина un peu émue.

Когда Цукки ѣхала на свой первый дебютъ, она, «какъ друга», спросила меня, что ей лучше взять

съ собою на сцену: мадеру или коньякъ?—Возьмите и то и другое,—посовѣтовалъ я ей.

Анекдотовъ по этой части можно бы поразсказать массу. Любимое занятіе ея было, попивая красное вино, спорить, размахивая руками. Умна она была чрезвычайно и обо всемъ судила здраво. Цукки была малограмотна и ничего въ жизни не читала, но у нея было врожденное эстетическое чутье. Играя какъ-то въ Аркадіи и не имѣя костюма, она взяла какую-то простыню, обвязала ее вокругъ таліи веревкою и изъ зала показалась великолѣпно задрапированною. Также врожденная у ней была грація во всѣхъ движеніяхъ, а энергіи хоть отбавляй. «Кто хочетъ—можетъ»,—было ея любимою поговоркою.

Она твердо вѣрила въ свою звѣзду и, весьма суевѣрная, собирала всѣ куски желѣза, которые ей только попадались на улицѣ. Ридикюль ея былъ наполненъ подобною дрянью.

Когда мы ѣхали съ ней на дебютъ въ Красное Село, рѣшившій ея ангажементъ на казенную сцену, она вдругъ выскочила изъ дрожекъ, бросилась къ проѣзжавшему возу съ сѣномъ, вырвала огромный клокъ и спрятала въ мѣшокъ.—«Это мнѣ навѣрно принесетъ счастіе»,—сказала она и не ошиблась. Когда ее пригласили въ дирекцію въ первый разъ подписать контрактъ, она уже собиралась подмахнуть бумагу, какъ вдругъ бросила перо и сказала: «въ пятницу—ни за что!» Пришлось ждать слѣдующаго дня.

Сравнительно съ Цукки другія знаменитыя итальянки были менѣе оригинальны, но каждая, конечно, имѣла что-нибудь свое. У Бріанцы была «мама» неглупая и нѣкогда очень красивая женщина, но трудно было встрѣтить въ жизни такого «крампона». Дочь свою она не оставляла ни на минуту, едва ли даже не ходила съ нею въ такія мѣста, куда всѣ ходятъ въ одиночествѣ. Нѣчто подобное можно было видѣть только на отношеніяхъ Симона Макса къ его женѣ Симонъ Жераръ, но подозрительная ревность послѣдняго, продолжавшаяся восемнадцать лѣтъ, не спасла его, впрочемъ, въ концѣ-концовъ отъ роговъ и развода.

Бріанца отличалась веселымъ и живымъ умомъ, она не только отлично танцовала, но и пѣла очень недурно. Къ своей мамѣ она относилась очень любовно. Въ этомъ случаѣ можно только позавидовать крѣпости семейныхъ отношеній, существующихъ въ Италіи: это прямое наслѣдіе Рима и его суровыхъ постановленій.

Дель-Эра имѣла двухъ сестеръ, но въ Петербургъ въ первый пріѣздъ ее сопровождалъ агентъ ея покровителя въ Берлинѣ, Блейхредера. Имѣя рекомендаціи ко всѣмъ банкамъ, она жила неза-

висимо и пренебрегала подарками. Означенный Блейхредеровскій агентъ, нынѣ умершій, былъ для меня причиною крупной потери денегъ. Сопровождая всюду Дель-Эру, онъ невольно сталъ балетоманомъ и даже абонировался въ креслахъ сзади меня. Скучая въ балетѣ, онъ мечталъ во время пируэтовъ и фуеттэ о банкирской конторѣ, гдѣ служилъ, заговаривалъ о биржѣ, интересуясь не столько подъемомъ ногъ, сколько подъемомъ акцій, вздуваемыхъ Гольденбергомъ и Комп. Какъ-то лукавый попуталъ меня въ одинъ изъ антрактовъ поручить агенту продать разныя бумаги, а деньги оставить въ конторѣ.

«Чего вы зѣваете, сообщилъ онъ въ слѣдующее представленіе, сдѣлаемъ что-нибудь вмѣстѣ».—Дѣлайте какъ хотите, сказалъ я. Прошло три мѣсяца. Въ Афганистанѣ произошли какія-то замѣшательства и курско-кіевскія акціи почему-то повалились, хотя ни Курскъ, ни Кіевъ не въ Афганистанѣ. Я ѣхалъ по Невскому, вижу у конторы толпа. Навѣрное крахъ, подумалъ я, вспомнивъ, что одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ также видѣлъ толпу у одной конторы и тоже на Невскомъ, гдѣ плакались и мои деньги. Вхожу, мой агентъ, смущенный, говоритъ, что платежи прекращены, но будетъ-де конкурсъ. Знаю я эти конкурсы. Какъ-то я являлся на конкурсъ представителемъ отъ казны

и не только кредиторы, и въ томъ числѣ казна, не получили ни копѣйки, но еще насъ заставили купить шубу несостоятельному должнику подъ предлогомъ, что онъ замерзнетъ иначе зимою!

Въ конкурсѣ предсѣдательствовалъ знаменитый адвокатъ, конечно, изъ евреевъ; онъ мнѣ пояснилъ, что залоги украдены, но жаловаться нечего, потому что закона объ on call'яхъ еще не издано.—Да это денной грабежъ, замѣтилъ я. Гдѣ жъ слыхано, чтобы потерпѣвшій не могъ искать суда? — Но если вы знаете дѣло лучше насъ, юристовъ, величественно замѣтилъ адвокатъ, то можете на насъ жаловаться.

Прошло еще мѣсяцевъ шесть. Какъ-то пріѣзжаетъ ко мнѣ мой дель-эровскій агентъ и любезно сообщаетъ, что вмѣсто моего капитала конкурсъ присудилъ мнѣ 92 руб. съ копѣйками, но онъ привезъ мнѣ круглую сумму 100 рублей.

Я взялъ радужную бумажку, первая мысль моя была, не побить ли жида, но, вспомнивъ, что виною всему хореграфія, я, повертѣвъ бумажку, кончилъ тѣмъ, что пригласилъ его завтракать и угостилъ у Кюба на тѣ 8 рублей, которые онъ мнѣ такъ великодушно хотѣлъ пожертвовать.

Описанный крахъ произошелъ, уже когда танцовала Корнальба. Любопытно, что она его какъ бы предсказала. Около меня долго былъ абонированъ

въ балетѣ испанскій посланникъ Кампосаградо. Онъ былъ въ отпуску и его кресломъ пользовался временно исполнявшій должность секретаря посольства Каверо. Когда Корнальба увидала послѣдняго, она сказала мнѣ:

— Ну, быть вамъ въ бѣдѣ: Каверо во всей Италіи знаменитъ, какъ jettatore. Посмотрите на его желтые демоническіе глаза. Одно средство, когда онъ будетъ около васъ, сожмите кулакъ и выставьте рогами второй и пятый пальцы, и такъ и сидите.

Я не послушался и дѣйствительно, кромѣ большой потери денегъ, я имѣлъ за это время кучу непріятностей и поссорился даже съ Корнальбой. «Есть другъ Гораціо» и т. д.

При внѣшней наивности, Бессоне отличалась тонкимъ лукавствомъ. Пріѣхавъ въ октябрѣ въ легкой накидкѣ, она просила одного моего знакомаго купить ей шубу. Онъ повезъ балерину къ Лелянову и приказалъ показать бѣличью шубку.

— Это будетъ для моей мамы,—сказала она,—а мнѣ покажите соболью и хорошую.

Въ результатѣ скупой балетоманъ заплатилъ за двѣ шубы. Но такъ какъ въ Италіи шубъ не знаютъ, то обѣ шубы были съѣдены молью уже весною, о чемъ въ Лондонѣ балерина, вообще плаксивая, заявляла мнѣ со слезами.

Мать Бессоне была добрая женщина и отличная кухарка*). Бессоне очень любила поѣсть, особенно ризото, почему скоро растолстѣла и вынуждена была покинуть сцену и поселиться въ Тріестѣ.

Зоцо пріѣзжала со старою сестрою. Она была оригинальная женщина, умная и очень веселая, даже писала недурно. Очень бѣдная, она одѣвалась внѣ сцены чрезвычайно скромно и носила безконечное число фуфаекъ. Вообще всѣ итальянскія артистки обожаютъ фуфайки и горячія ванны.

Корнальба была замужемъ за мимомъ Росси, слегка сумасшедшимъ, и къ намъ пріѣхала послѣ развода. Въ Парижѣ на театрѣ Odéon она очень нравилась. Она имѣла прелестные бѣлокурые волосы, была плоска какъ доска; но что-то чрезвычайно нѣжное и женственное въ ея манерахъ и выраженіи глазъ должно было привлекать къ ней мужчинъ. Она также брала каждый день горячую ванну, но это не уменьшало ея силъ. Непостижимо просто, гдѣ заключался источникъ силы въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ. Къ танцамъ Корнальба

*) У итальянскихъ балеринъ папъ почему-то не полагается, рѣдкое исключеніе въ этомъ случаѣ нынѣшняя парижская балерина Замбели. Зато мамъ такое изобиліе, что одинъ импрессаріо въ отчаяніи вывѣсилъ за кулисами объявленіе, гласившее, что танцовщицамъ воспрещается имѣть болѣе одной матери!

имѣла необыкновенныя врожденныя способности и могла, не репетируя и не упражняясь по недѣлямъ, танцовать съ такою же легкостью, какъ если бы училась каждый день. Ноги ея были красивы. Она говорила свободно по-французски, какъ, впрочемъ, всѣ миланскія балерины, и сознавала, что на свою бѣду имѣетъ un coeur trop sensible. И съ виду она казалась очень нервною и должна была имѣть темпераментъ.

И Альджизи не могла, конечно, обойтись безъ мамы, которая курила толстѣйшія сигары, пила коньякъ и никогда не говорила ни слова. Сама Альджизи была совершенное дитя, доброе и наивное. Она вышла замужъ за доктора и скоро покинула сцену.

Леньяни, какъ бы для разнообразія, пріѣхала безъ «мамы», но съ теткой «дзіею», вдовою одного венгерца, старшаго машиниста вѣнской оперы. По характеру Леньяни bon entant, жизнерадостна и обожаетъ свое искусство.

Изъ остальныхъ балеринъ—dei minoris—Росси и Черри отличались красотою и глупостью, Белла и Мальяни были умнѣе, но первая cultivait la dive bouteille, а вторая была очень некрасива собою. Хорошенькая Ривольта пріобрѣла въ Парижѣ бойкость d'une tendresse. Флиндтъ была очень худа. Она, а равно Джури, страшно потѣли, когда танцовали.

О невинности итальянскія танцовщицы имѣютъ своеобразныя понятія. Одинъ мой знакомый ухаживалъ за двумя танцовщицами сестрами. Ему болѣе нравилась младшая.

— Я вижу, вамъ нравится моя сестра Джиджа,— сказала старшая изъ нихъ, Христина. —Если хотите, она можетъ устроить съ вами combinazione: у ней еще остаются свободными вторникъ и пятница, остальные дни у нея всѣ заняты; но такъ какъ она дѣвушка «невинная», то она сама вамъ этого не рѣшается сказать.

Въ общемъ же у каждой итальянской танцовщицы могутъ быть многія combinazione, но relazione должны быть однѣ. Разница та же, что у французскихъ актрисъ и кокотокъ между amis и michés.

Едва ли не эту Христину описалъ покойный Гюи де-Мопасанъ въ «Soeurs Rondoli». По крайней мѣрѣ она, какъ и героиня повѣсти, разсказывала, что у ней въ запасѣ есть третья сестра, Сезарина, во Флоренціи.

О степени образованія мамашъ итальянскихъ танцовщицъ можно судить по слѣдующему подлинноту анекдоту. Лѣтомъ 1885 года было небольшое наводненіе въ Петербургѣ, залившее острова. Видя это, маменька итальянской балерины Ричьо, танцовавшей въ Кинь-Грусти, разсказывала на дру-

гой день, какъ По выступило изъ береговъ. Она никогда не выѣзжала изъ Турина, лежащаго на По, и думала, что всѣ города въ свѣтѣ лежатъ на рѣкѣ По. Я ее поправилъ, сказавъ, что здѣсь не Pô, а Néva.

— Ахъ, да, Nilo, Nilo, я и забыла, — сказала она, хорошенько не разслышавъ.

Разставаясь съ балетомъ, считаю полезнымъ разсѣять одинъ изъ предразсудковъ публики. Видя, какъ крѣпко стоятъ балерины на носкѣ, многіе думаютъ, что пальцы и ноги танцовщицъ отличаются отъ тѣхъ же органовъ у другихъ смертныхъ, что ноги у нихъ копытомъ или со стальнымъ крючкомъ, какъ пояснялъ лейкинскій купецъ. Въ дѣйствительности стояніе на пальцахъ — привычка, усвоимаемая съ ранняго дѣтства; танцы ноги не уродуютъ, и вся предосторожность танцовщицъ состоитъ въ томъ, чтобы не слишкомъ сильно обрѣзывать ногти. Трое балетомановъ, заказавшихъ отлить слѣпокъ съ ножки Цукки изъ серебра, не должны были поэтому разочароваться.

Петербургъ всегда любилъ музыку и хотя еще въ началѣ 50-хъ годовъ «Ванька-Танька» былъ моднымъ романсомъ, но кружокъ любителей и нѣмецкая колонія поддерживали увлеченіе къ хорошей музыкѣ. Концерты до половины 70-хъ годовъ бывали, однако, только въ посту, изъ-за ревнивой

монополіи дирекціи; даже концерты Русскаго Музыкальнаго Общества возникли какъ бы контрабандою, пользуясь высокимъ покровительствомъ.

Между безчисленными концертами живо мнѣ врѣзались въ память концерты въ Дворянскомъ собраніи Рихарда Вагнера. Его тогда еще мало знали и только статьи Сѣрова указывали для русской публики его надлежащее мѣсто въ музыкѣ. Нитцше, близко знавшій Вагнера и одно время преклонявшійся передъ нимъ, подозрѣваетъ, что онъ былъ еврей, несмотря на свое юдофобство. Въ наружности Вагнера, однако, ничего семитскаго не было. Вагнеръ дирижировалъ, стоя задомъ къ публикѣ и наизусть. Тогда послѣднее было новостью.

Съ тѣхъ поръ перебывало не мало дирижеровъ. Едва ли не самымъ талантливымъ былъ Гансъ фонъ-Бюловъ. Все подъ его руководствомъ получало другой смыслъ, все равно, что въ исполненіи Рубинштейна. Бюловъ казался слегка помѣшаннымъ. Онъ отличался чрезвычайною настойчивостью и независимостью характера. На одной изъ репетицій Бюловъ нашелъ ошибку противъ контрапункта въ одной изъ партитуръ Глинки. Президентъ Музыкальнаго Общества, покойный великій князь Константинъ Николаевичъ, изъ уваженія къ памяти великаго русскаго композитора, просилъ Бюлова ничего не мѣнять.

— Слушаюсь, сказалъ сухо Бюловъ, тутъ будетъ диссонансъ по верховному повелѣнію г. президента, прибавилъ онъ, обращаясь къ оркестру.

Если зимою музыка отпускалась въ началѣ 60-хъ годовъ въ умѣренныхъ количествахъ (тогда и на циркъ, въ моментъ закрытія казеннаго цирка, существовалъ запретъ), то лѣтняя публика упивалась Іоганномъ Штраусомъ. Популярность его была не менѣе, чѣмъ зимою Тамберлика, и такъ какъ за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ за границу ѣздили мало, то Павловскъ былъ набитъ весьма фешенебельною публикой. Это обожаніе привело, однако, къ дурнымъ послѣдствіямъ, Штраусъ сталъ манкировать своими обязанностями, руководя оркестромъ только въ части музыкальныхъ вечеровъ.

Въ одинъ злополучный вечеръ я былъ свидѣтелемъ слѣдующей картины. Публика вызывала Штрауса, а онъ, помахавъ палочкой и потанцовавъ на мѣстѣ подъ звуки собственныхъ вальсовъ въ одномъ отдѣленіи, уѣхалъ въ Петербургъ. Штраусъ, понятно, не выходилъ на вызовы, а вмѣсто него являлись надоѣвшіе почему-то въ это лѣто публикѣ какіе-то беарнскіе пѣвцы. Публика, неистово возбужденная собственными криками, бросилась на сцену, прогнала палками и зонтиками злополучныхъ беарнцевъ и изломала инструменты оркестра. Затѣмъ огромная толпа повалила къ дачѣ, гдѣ жилъ Штра-

усъ. Быстро была принесена лѣстница къ балкону, какой-то господинъ въ формѣ влѣзъ по ней въ квартиру дамскаго кумира и выбрасывалъ оттуда вещи и мебель, которыя публика, приличная по туалету, тутъ рвала и ломала. Вотъ онѣ табунныя свойства русскаго человѣка! Только на разсвѣтѣ развезла Царскосельская дорога разбушевавшуюся публику. Иные весьма почтенные съ виду люди возвращались съ помятыми шляпами и въ настроеніи, точно спасли Римъ. Штраусъ немедленно уѣхалъ заграницу и вернулся только черезъ нѣсколько лѣтъ, постарѣвшій и подурнѣвшій, но нажившій огромное состояніе. Царскосельская же дорога безъ него разорилась, а нѣсколько дамъ лишились разсудка.

Между гастролерами, съ которыми я, по званію критика, былъ знакомъ, наиболѣе неудачъ имѣли въ Петербургѣ Рейшанберъ и Февръ. На ихъ дебютѣ въ Озеркахъ буквально не было вовсе публики и съ Рейшанберъ сдѣлалась даже отъ злости истерика.

Росси поражалъ не только колоссальными размѣрами таланта, но и своей скупости. Свою труппу онъ кормилъ макаронами безъ масла, за что имѣлъ даже процессъ въ Одессѣ; самъ же онъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ. Послѣ каждаго спектакля онъ аккуратно съѣдалъ по два огромныхъ антрекота съ тарелку величиной и выпивалъ бутылку

бургонскаго вина. Онъ имѣлъ удивительные глаза, которые должны были производить сильное впечатлѣніе на женщинъ.

Элеонора Дузе была не только замѣчательнымъ талантомъ, нервная игра которой производила на меня сильное впечатлѣніе, но и весьма оригинальною женщиною. Это была въ полномъ смыслѣ слова пучокъ нервовъ и, какъ всѣ женщины истерическаго темперамента, она вѣчно была не въ духѣ и на что-нибудь жаловалась. Дамы ухаживали за Дузе еще болѣе, чѣмъ мужчины. Хотя она происходила вовсе не изъ cuisse du Jupiter, а выросла за кулисами, но была страшная позёрка. Въ разговорахъ она очень любила философскія темы, прочла Толстого и Достоевскаго, была непрочь поспорить о Шопенгауэрѣ и очень обижалась, когда я подсмѣивался надъ ея псевдоученостью.

Замѣчательно, что гастролеры, имѣвшіе огромный успѣхъ въ первое посѣщеніе, обыкновенно не привлекали во второй разъ публики. Это было съ Ристори, Росси, Кокленомъ, Саррою Бернаръ, Жюдикъ, Югальдъ и многими другими.

Бывали случаи необыкновеннаго увлеченія публики артистами второстепенными, напримѣръ Филиппо, создавшей Демидовъ садъ; Вильомъ также лѣтняя публика ужасно любила, особенно въ первое время. Первый бенефисъ ея, наканунѣ отъѣзда,

былъ рѣдкимъ по симпатическому отношенію публики. Артистка имѣла право расплакаться отъ восторга.

Кромѣ Рейшанберъ изъ извѣстныхъ артистовъ въ смыслѣ плохихъ сборовъ надобно отмѣтить Сальвини, Паулюса. Симонъ-Жераръ представляетъ рѣдкій примѣръ артистки, которая на дебютѣ особаго успѣха не имѣла, а затѣмъ стала любимицею публики. Замѣчательно, что эта умная и веселая артистка нравилась почему-то тайнымъ совѣтникамъ. Многіе изъ нихъ не пропустили ни одного ея представленія.

Лѣтніе театры, гдѣ отличались вышеозначенныя артистки, составляютъ особый міръ. Входъ за кулисы тамъ свободнѣе и между публикою и артистами устанавливается быстро умилительное единеніе. Нравы за кулисами лѣтнихъ спектаклей, особенно русской оперетки, райскіе. Одинъ почтенный антрепренеръ разсказывалъ мнѣ, что и онъ, несмотря на свою опытность, былъ пораженъ однажды:

— Приглашаю тенора, пріѣзжаетъ, представилъ его всей труппѣ. Знакомится. Меня куда-то зовутъ, я отлучился на 10 минутъ; думаю, зайду-ка къ примадоннѣ поговорить о завтрашнемъ спектаклѣ. Отворяю, не постучавъ, двери, а теноръ мой уже тамъ. Батюшка, что я такое увидѣлъ!

Не теряютъ времени и не одни тенора. Въ то

время, когда антрепренеры разорялись, многія артистки уѣзжали très en roubles и нагруженныя всякими ископаемыми.

Если антрепренеры еще кое-какъ существовали, то болѣе ради щедротъ разныхъ благодѣтелей. Однимъ изъ таковыхъ болѣе 10 лѣтъ былъ покойный богачъ-золотопромышленникъ Базилевскій. Онъ кстати и жилъ круглый годъ на дачѣ, подъ рукою у антрепренеровъ. Сезонъ начинался тѣмъ, что антрепренеры перехватывали кое-что у Базилевскаго, затѣмъ онъ выкупалъ заложенные инструменты артистовъ, далѣе шли легкія ссуды тенорамъ, подарки балеринамъ и пѣвицамъ, бенефисы всѣхъ служащихъ при театрѣ до кассировъ и сторожей включительно, перехватки рецензентовъ; въ заключеніе являлся вновь антрепренеръ и заявлялъ, что если не получитъ еще нѣкоторой суммы для разсчета съ труппою, то самъ застрѣлится, а семейство свое утопитъ въ Большой или Малой (смотря по мѣстоположенію театра) Невкѣ.

— Я не бѣденъ, говорилъ Базилевскій, какъ нибудь выдержу.

И для гастролеровъ щедрость Базилевскаго не знала границъ. Когда наступало время бенефиса, Базилевскій говорилъ:

— Ну, тамъ соберите что-нибудь, а я доложу остальныя.

Обыкновенно набирали рублей пять или десять, а онъ докладывалъ для покупки подарка тысячу или полторы. Были молодцы, которые, видя эти «докладыванія», преспокойно вычеркивали себя.

— Зачѣмъ, говорили они, наши три рубля, когда необходимая сумма, чтобы почтить талантъ, и безъ того собрана.

Онъ былъ доступенъ слегка лести, чѣмъ безъ церемоніи пользовались.

— Вѣдь вы у насъ, Ѳедоръ Ивановичъ, меценатъ.

— Да, да, я меценатъ, меценатъ, добродушно повторялъ онъ, сохраняя, однако, для памяти въ конторкѣ векселя, по которымъ, говорятъ, жестокіе наслѣдники повзыскали преисправно съ тароватыхъ на чужой счетъ покровителей талантовъ.

Не брезгали, впрочемъ, занимать у него и люди, къ театру и искусствамъ никакого отношенія не имѣвшіе и даже занимавшіе видное положеніе въ обществѣ. Занимали и ученые. Базилевскій любилъ поощрять изобрѣтателей и, издавъ переводъ Спинозы, считалъ себя философомъ. «Я и ее сдѣлалъ спинозисткой», говорилъ онъ объ одной танцовщицѣ...

Въ Москвѣ также имѣются свои меценаты. Балету долго покровительствовалъ знаменитый водочный заводчикъ Смирновъ у Чугуннаго моста и

смерть этого богача непремѣнно отзовется на хореографическомъ искусствѣ въ Первопрестольной.

Еще на школьной скамейкѣ я мечталъ быть театральнымъ критикомъ; блаженнѣе этого состоянія я ничего не могъ себѣ представить. Понятно, что и критики въ моихъ глазахъ казались людьми избранными. Моя мечта осуществилась въ 1871 г. А. С. Суворину надоѣло писать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о французскомъ театрѣ и балетѣ и покойный Коршъ просилъ меня заняться этимъ дѣломъ. Занявшись французскимъ театромъ, пришлось писать и объ опереткѣ, тогда весьма модной. Во время издательства Баймакова я писалъ и о русскомъ театрѣ; французскою же сценою и балетомъ я занимался болѣе двадцати пяти лѣтъ, посвящая иногда время и другимъ театральнымъ вопросамъ.

За это время обязанности рецензента не казались мнѣ такими пріятными, какими представлялись въ юности. Обязанность давать обо всемъ отчетъ, да еще немедленно, довольно скучная, тяжелѣе же всего отношенія къ артистамъ. Если держаться отъ нихъ далеко, не узнаешь сцены; познакомишься поближе, немедленно попадаешь въ міръ самолюбій, интригъ, рекламы. Каждый, конечно, говоритъ, что ему на отзывы наплевать, но

довольно строчки, чтобы тотъ же яко бы равнодушный къ отзывамъ печати человѣкъ рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія. О женщинахъ и говорить нечего. Самомнѣнію ихъ нѣтъ границъ. Надобно, правда, имѣть въ виду, что отзывы печати великое дѣло для артиста и могутъ иногда лишить его куска хлѣба.

Лично, впрочемъ, я пожаловаться на артистовъ не могу, самыя разнообразныя сцены и артисты всякихъ національностей оставили въ личныхъ сношеніяхъ и по отношенію къ критической дѣятельности скорѣе пріятное воспоминаніе. Правда, я держался принципа M. Poirier, т. е. j'ai protegé l'art, mais pas les artistes.

Первоначальное высокое юношеское мнѣніе мое о критикахъ также посбавилось. Я засталъ еще допотопные типы рецензентовъ, въ родѣ Вильде, Рапопорта, которые десятки лѣтъ сидѣли въ театрѣ и всетаки ничего въ немъ не разумѣли, пріучившись къ тому же писать еще въ то время, когда для театральной критики существовала спеціальная цензура дирекціи театровъ и третьяго отдѣленія. На смѣну этой критики явилась въ Петербургѣ новая разухабисто-залихватская, пробиравшая все и всѣхъ. Въ Москвѣ въ это время критика продолжала священнодѣйствовать и писать

трактаты о выѣденномъ яйцѣ. Я, впрочемъ, встрѣчалъ не мало и серьезныхъ цѣнителей: Суворинъ, Аверкіевъ, Плещеевъ, Крыловъ, Вейнбергъ не уступали ни въ чемъ лучшимъ заграничнымъ критикамъ и были безпристрастны, тогда какъ въ Парижѣ критика рѣшительно на откупу у антрепренеровъ.

Впрочемъ, и у насъ частныя сцены мало-по-малу пріобрѣли болѣе снисходительную критику, нежели сцены казенныя.

Завелись даже столь интересные «экземпляры» между этими критиками, что ихъ пришлось укрощать полицейскими мѣрами. Не защищая означенныхъ господъ, не могу не замѣтить, что всегда какъ-то легче критиковать существо безличное, какъ казна, нежели частнаго человѣка, который, быть можетъ, затратилъ въ антрепризу послѣдніе гроши. Въ этомъ отношеніи покойный Сѣтовъ былъ мастеромъ своего дѣла. Стоитъ, бывало, близъ входа въ свой театръ въ позѣ короля Лира: сѣдые волосы развѣваются, плащъ наброшенъ въ родѣ хламиды,—стоитъ и горько плачетъ. Какъ тутъ было осмѣивать такого человѣка. Онъ, впрочемъ, былъ очень толковый антрепренеръ и горячо любилъ сцену. Гинцбургъ, надъ которымъ столько смѣялись, былъ, по моимъ наблюденіямъ, болѣе джентельменъ, чѣмъ тѣ, которые постоянно прибѣгали къ его услугамъ.

Между театральными критиками особо стоятъ музыкальные. Они сравнительно болѣе свѣдущи, чѣмъ драматическіе, потому что о музыкѣ нельзя писать какъ Богъ на душу положитъ, руководствуясь только потребностью «жрать», но необходимы нѣкоторыя техническія познанія. Замѣчательно, что когда всѣ почти живописцы отличаются веселымъ нравомъ, музыканты отличаются сварливостью. То же наблюдается и при порчѣ органовъ зрѣнія и слуха: слѣпые обыкновенно веселы, глухіе и даже глуховатые всегда унылы и мрачны. Жизнерадостныхъ музыкальныхъ критиковъ не бывало. Самый добродушный, котораго я зналъ, былъ Ѳеофилъ Толстой (Ростиславъ), за то и доставалось ему отъ другихъ критиковъ. Противникъ его Сѣровъ отличался неуживчивостью характера и разными странностями.

Одно время, когда Сѣровъ жилъ на Офицерской улицѣ, я его посѣщалъ. Застаю разъ его въ отчаяніи. «Вотъ,—говоритъ онъ,—цѣлый часъ подлецъ-итальянецъ вертитъ свою шарманку и я не могу сочинить ни строчки» (онъ писалъ тогда «Вражью Силу»). — «Да дайте ему двугривенный, онъ сейчасъ уйдетъ». Знаменитый маэстро самъ до этого не могъ додуматься.

Вспыльчивость Сѣрова лучше всего сказалась на скандалѣ, учиненномъ на концертѣ Лазарева. Сѣровъ, хотя и почтовый чиновникъ, былъ даже арестованъ при полиціи, такъ какъ публика, подъ вліяніемъ его филиппикъ, вынула изъ шторъ желѣзныя палки, чтобы колотить «абиссинскаго маэстро».

Лазарева я видѣлъ потомъ въ величайшей бѣдности въ редакціи «Новаго Времени». Онъ носился съ идеей, что Абиссинія должна быть союзницей Россіи. Тогда надъ этимъ смѣялись и смотрѣли на него, какъ на помѣшаннаго, а въ сущности онъ оказался политически прозорливѣе многихъ такъ-называемыхъ умныхъ людей.

Въ заключеніе долженъ замѣтить, что публика— и это будетъ resumé моей продолжительной дѣятельности въ роли театральнаго критика — куда хуже и рецензентовъ, и артистовъ. Уровень пониманія ея ужасно низокъ. Сарсе увѣряетъ, что такой же точно уровень и у парижской публики. Всѣмъ руководитъ мода и затѣмъ какое-то безотчетное влеченіе къ тому или другому артисту,— вліяніе печати не играетъ даже особой роли.

Полагаю, что не театръ создастъ у насъ развитую публику и разовьетъ народъ, а наоборотъ, хорошій театръ вполнѣ національный сдѣлается признакомъ совершеннолѣтія русскаго народа, этого

тысячелѣтняго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ младенца. Но если нашъ театръ и наша сцена еще далеки отъ совершенства, то все-таки нельзя ихъ не любить. «Искусство—справедливо сказалъ Островскій—безсильно только надъ душами изжившими; но надъ ними и все безсильно. Свѣжую душу театръ захватываетъ властною рукою».

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ.

Такъ какъ я едва ли дождусь и послѣ смерти біографа, то, въ виду моего сорокалѣтняго юбилея, беру на себя обязанности собственнаго жизнеописателя *).

Многіе наивно думаютъ, что люди дѣлаются писателями, актерами, художниками. Въ дѣйствительности люди родятся съ извѣстными предрасположеніями; воспитаніе хотя имѣетъ извѣстное вліяніе, но «призваніе» проявляется по большей части внезапно, рано или поздно, смотря по обстоятельствамъ, но большею частью въ молодости.

Я началъ писать очень рано. Это неудивительно. Во-первыхъ, la fatalité — судьба: въ дневникѣ отца въ день моего рожденія 8-го апрѣля отмѣчено между прочимъ: «Сегодня получилъ отъ какого-то г. Ку-

*) Юбилей праздновался въ январѣ 1901 г. въ С.-Петербургѣ большимъ обѣдомъ.

лиша изъ Кіева очень лестное письмо и книгу его сочиненія — добрый знакъ для новорожденнаго: будетъ вѣроятно ученый человѣкъ». Во-вторыхъ, отецъ былъ писателемъ, и я съ дѣтства вращался такъ сказать въ литературной атмосферѣ, слышалъ постоянно разговоры и споры о книгахъ и статьяхъ и видѣлъ множество ученыхъ и писателей, которые, посѣщая Одессу, считали долгомъ побывать у «Геродота Новороссійскаго края», какъ назвала отца академія. Еще до поступленія въ гимназію,— а поступилъ я девяти лѣтъ,— мы съ братомъ Александромъ издавали писанный журналъ «Хаджибейскій Вѣстникъ». Когда я учился въ гимназіи при Ришельевскомъ лицеѣ, то снова съ товарищами издавалъ рукописный ежемѣсячный журналъ «Меркурій». У меня сохранился одинъ нумеръ этого журнала, гдѣ моему перу принадлежитъ повѣсть «Отрывки изъ путешествія А. И. Брускова» съ видимою попыткою подражать похожденіямъ Чичикова. Гоголя, Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Марлинскаго и др. русскихъ писателей я уже прочелъ тогда, проводя большую часть дня въ библіотекѣ моего отца, гдѣ имѣлись полныя собранія русскихъ авторовъ. Исторію Карамзина я зналъ чуть не наизусть. Прочелъ даже оба тома славянофильскаго «Московскаго Сборника». И. С. Аксаковъ ополченцомъ бывалъ часто въ нашемъ домѣ.

Сохранилась у меня тетрадь на сѣрой бумагѣ подъ заглавіемъ «Записки», гдѣ я въ 1854 г. описалъ первые два года своего пребыванія въ гимназіи. Рукопись начинается такъ:

Нѣсколько разъ собирался я писать свои записки (это въ 11-то лѣтъ), но на умъ лѣзла всякая чушь и я не находилъ въ ней (?!) толку, наконецъ собрался и пишу.

Затѣмъ идетъ описаніе экзамена для поступленія въ гимназію, самаго поступленія, преслѣдованія болѣе сильныхъ товарищей, «ихъ диктаторства», борьбы «партій» и описаніе безчисленныхъ дракъ. Протесты были безсильны.

Храбрость—говорится въ одномъ мѣстѣ—окончилась тѣмъ, что я почувствовалъ сильную боль въ зубахъ, порядочный клокъ моихъ волосъ остался въ рукахъ побѣдителя и подъ глазами вдругъ сдѣлались два фонаря, которые, вмѣсто того, чтобы помогать мнѣ смотрѣть, совершенно мѣшали зрѣнію.

Успѣхи мои въ наукахъ были порядочны, только нѣмецкій языкъ не давался.

Учитель мой, какъ истый нѣмецъ, спросилъ: мою ли я шею? Я отвѣчалъ, что очень часто; онъ похвалилъ и поставилъ пять. Потомъ спросилъ: имѣю ли я носовой платокъ? Я отвѣчалъ, что забылъ. Онъ мнѣ поставилъ нуль. Странно, подумалъ я, какой это способъ, чтобы учить нѣмецкій языкъ посредствомъ шеи и носа, кажется они не имѣютъ ничего общаго; но я разсудилъ,—что это вѣроятно новый способъ. Со мною поступилъ одинъ грекъ, Гунаропуло. Учитель нѣмецкаго языка сдѣлалъ и ему тѣ же вопросы. Тотъ показалъ вмѣсто платка кусокъ бумаги, за что и получилъ нѣсколько нулей впередъ.

Въ этомъ тонѣ всѣ записки. При переходѣ въ слѣдующій классъ отмѣчено: «я выше цѣлымъ классомъ, но главное для меня, что я имѣю право бить нѣсколько человѣкъ перваго класса». Курьезно еще слѣдующее описаніе, относящееся къ 1852 г.

Однажды мнѣ сказали, что черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ товарищъ министра Норовъ. У насъ стали дѣлать разныя приготовленія, красить стѣны, мыть полы; нашъ учитель нѣмецкаго языка ужасно этому недоволенъ, потому что онъ въ классѣ только-что начнетъ философствовать, какъ печникъ или штукатуръ затянетъ что-то длинное, чему и конца нѣтъ и изъ чего нельзя ничего понять.

Наконецъ пріѣхалъ товарищъ министра и ** декабря назначенъ былъ намъ смотръ. Цѣлое утро я одѣвался и помадился, но когда пришелъ въ залъ, оказалось, что ремня у панталонъ не было, а подтяжки я не носилъ. Попечитель (Бугайскій) произнесъ мое имя; въ эту минуту пуговица у панталонъ лопнула, у меня замерло сердце и я, придерживая руками панталоны, кой-какъ прошелъ мимо Норова. Только попечитель сказалъ: «штанишки потеряешь», а мой другъ Жаба далъ мнѣ оплеуху, да какую славную!

Черезъ нѣсколько дней Норовъ былъ у насъ въ классѣ и я читалъ ему по-славянски изъ букваря «Отче нашъ»; онъ меня похвалилъ; я поднялъ голову и увидѣлъ, что учителя нѣтъ. Онъ куда-то дѣвался. Но когда товарищъ министра ушелъ, учитель опять явился. Оказалось, что онъ былъ за печкой. Странно, я едва могъ туда влѣзать, а онъ втрое больше меня и туда забрался незамѣтно.

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что въ 1854 году:

Экзамены у насъ были отложены до августа мѣсяца,

ибо непріятель пришелъ и бомбардировалъ Одессу. Я въ душѣ молился о спасеніи города и погибели гимназіи. Но все окончилось благополучно и у насъ вакаціи будутъ продолжаться 4 мѣсяца,—цифра удивительная, дотолѣ неслыханная въ гимназіи.

Кстати прибавлю, что во время Крымской войны я рисовалъ на войну карикатуры, и ихъ сохранилось немало. Рисунки сдѣланы скверно, но подписи и сейчасъ бы можно напечатать.

Въ іюлѣ 1856 г. я, по ходатайству графа А. Г. Строганова, былъ принятъ на казенный счетъ въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ и поѣхалъ въ Петербургъ по бѣлорусскому тракту. Отецъ мой на прощаньи въ таможнѣ (тогда еще было портофранко) положилъ мнѣ въ карманъ горсть родной земли и ограничился слѣдующимъ краткимъ наставленіемъ «Тебѣ 13 лѣтъ, поэтому тебя учить нечего; помни только, что въ Петербургѣ не нужно ѣсть неспѣлыхъ фруктовъ, потому что тамъ холера, и дурно отзываться о правительствѣ, потому что тамъ 3-е отдѣленіе». По пріѣздѣ я послалъ родителямъ описаніе своего десятидневнаго путешествія, которое сохранилось. Вотъ нѣсколько отрывковъ, рисующихъ тогдашній способъ передвиженія.

25-го іюля выѣхалъ я изъ Одессы; былъ сильный дождь, который шелъ до вечера и ужасно меня мучилъ, ибо верхъ въ кибиткѣ протекалъ и лошади безпрестанно падали. Одинъ ямщикъ малороссъ, поднимая упавшую

лошадь, снялъ шапку, почесался и сказалъ: «Тому дождю такъ треба, якъ мени топырь музыки». Такимъ образомъ мы ѣхали до 10 час. веч., пока не пріѣхали на какуюто новую станцію, за 72 версты отъ Одессы, и расположились ночевать. Зная, какіе варвары водятся въ станціонной мебели, мы приказали себѣ принести сѣна въ кибитку и легли. Ямщики, видно, изъ особенной къ намъ любви, принесли сѣно, кажется, съ своихъ постелей. Едва мы легли и полежали съ 5 минутъ, какъ вдругъ повскакивали и начали смотрѣть, не горитъ ли кибитка, ибо насъ что-то страшно жгло. Мы засвѣтили фонарь и увидѣли страшныя опустошенія: милліоны какихъ-то гуновъ въ черныхъ латахъ разъѣзжали по насъ, какъ дома, и, несмотря ни на какія наши усилія, такъ насъ ловко отдѣлали, что мы и на другой день почесывались и чуть-свѣтъ удрали со станціи по направленію къ Ананьеву, гдѣ наша кибитка перевернулась. Къ счастью, проходили солдаты и насъ подняли.

Къ вечеру я долженъ былъ распрощаться съ новороссійскими степями, что меня сначала обрадовало, но затѣмъ лѣса, какъ степняку, такъ надоѣли. что всякое пустое мѣсто я встрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Часовъ въ 8 вечера 28 іюня мы пріѣхали въ Балту, гдѣ остановились у какихъ-то m-lles Машевскихъ и пробыли до 12 часовъ слѣдующаго дня: здѣсь я отлично спалъ и завтракалъ съ прекрасными хозяйками въ саду при пѣніи жаворонковъ. Къ вечеру пошелъ опять дождь и мы почти до 11 часовъ вечера ѣхали по лѣсу. Это была моя первая поѣздка въ лѣсу ночью и, правду сказать, она мнѣ очень понравилась: хвойныя деревья при лунѣ похожи на сахарныя головы, а тѣни отъ нихъ такія

длинныя, что и конца нѣтъ. Наконецъ мы пріѣхали въ Жабокричку, гдѣ порядочно переночевали, и поѣхали дальше въ Тульчинъ, гдѣ ждали почти цѣлый часъ лошадей, несмотря на мою казенную подорожную, и вѣроятно еще болѣе прождали бы, еслибы моя спутница, прекраснѣйшая нѣмка, соединившись съ тремя еще какими-то проѣзжими мегерами, не напала на станціоннаго смотрителя, такъ что онъ, несмотря на подкрѣпленіе одного почтоваго чиновника, проигралъ сраженіе и пошелъ заткнувши уши приказывать запрягать лошадей. Мы уѣхали, ночевали въ Жорнищѣ... 29 іюня былъ жидовскій праздникъ «босины» и всѣ жиды ходили по улицамъ въ однихъ чулкахъ. Невдалекѣ отъ Жорница мы потеряли чеку и опять перевернулись. Это было въ прекрасномъ дубовомъ лѣсу. Я приказалъ ямщику лѣзть на дерево и вырубить новую, но онъ отказывался, говоря, что сегодня воскресенье и грѣхъ работать. Видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, я принялся ему объяснять, что говоритъ о трудѣ Священное Писаніе, и видно нужда сдѣлала меня краснорѣчивымъ, ибо онъ меня понялъ и сдѣлалъ то, что я приказалъ. Къ вечеру мы пріѣхали въ Бердичевъ, столицу жидовъ. Въ немъ только я пошелъ посмотрѣть на монастырь и на монаха, издающихъ «Бердичевскій календарь», и поскорѣе удралъ изъ этого отвратительнаго города, котораго всѣ улицы очень похожи на Жидовскую улицу въ Одессѣ. Уже почти ночью мы пріѣхали въ Рійскую кормчу, станцію въ Волынской губерніи, находившуюся въ густомъ лѣсу, наполненномъ волками, которые даже днемъ бродятъ шаговъ за 1000 отъ станціи и гоняютъ почтовыхъ лошадей. Впрочемъ мы волковъ не видѣли, но слышали вой. Собакъ на станціи, по словамъ смотрителя, штукъ 70: онѣ намъ не давали ночью покоя; въ нашей комнатѣ лежало три собаки, которыхъ мы никакъ не могли выгнать, и онѣ цѣлую ночь выли.

Рано утромъ я всталъ и отправился въ Житоміръ, родину моего отца, куда и въѣхалъ часовъ въ 11 утра прямо на станцію.

Отдохнувъ немного и выпивъ кофе, я надѣлъ мундиръ и пошелъ искать почтмейстера, мнѣ знакомаго; онъ послалъ эстафету, или, какъ выражаются тутъ ямщики, пиштахету по всему тракту до слѣдующей губерніи о заготовленіи мнѣ лошадей. Еще, кажется, никогда въ жизни я такъ славно не ѣздилъ: едва мы подъѣзжали къ станціи, какъ уже лошади выводились, смотрители давали ямщикамъ разныя приказанія, чтобъ везли насъ получше, и т. п. Въ этотъ день отъ 8 час. утра до 11 часовъ вечера мы сдѣлали 190 верстъ и ночевали въ Овручѣ. На утро явился къ намъ жидъ съ хлѣбами, которыхъ мы у него купили два; онъ такъ этому обрадовался, что сказалъ: «За то, что я черезъ васъ получилъ столько денегъ, сколько мнѣ нужно на обѣдъ, стоющій мнѣ 3 коп. сер., я для васъ все сдѣлаю», и точно не совралъ. Мы дали ему деньги размѣнять, онъ исполнилъ это съ поспѣшностію и кромѣ того принесъ намъ множество фруктовъ: я выбралъ себѣ десятокъ самыхъ лучшихъ грушъ и далъ ему 5 коп. сер., сынъ же моей спутницы купилъ 2 десятка не выбирая и заплатилъ 20 коп. сер.; за это жидъ сказалъ моей спутницѣ, что у ея сына такое доброе сердце, котораго онъ еще не видѣлъ, а что я тоже славный человѣкъ, но у меня «сердце твердое какъ камень». Въ Овручѣ я желалъ видѣть купальни Ольги, но, у кого ни спрашивалъ, никто не зналъ. Этотъ день мы ѣхали очень тихо, по 5 верстъ въ часъ, пески страшные, такъ что лошади идутъ шагомъ и едва вытаскиваютъ ноги.

Минская губернія въ Полѣсьи показалась мнѣ бѣднѣйшею изъ всѣхъ губерній, которыя я только видѣлъ: пшеницы не было, скота мало.

Рожь растетъ на 1/2 вершка одинъ колосъ отъ другого, гречиха самая высокая 3 и 4 вершка отъ земли, лѣса безпрерывные, которые выжигаютъ или они сами загораются. Возъ дровъ стоитъ два злота, а сажень дубовыхъ и сосновыхъ 50 к. или 75 к., а иногда 90 к. и 1 р. самыхъ лучшихъ. Мостовъ множество на всякой станціи. Болота огромныя, въ одномъ изъ нихъ мы едва не завязли. Бѣлоруссы народъ страшно унылый, некрасивый, носятъ волосы длинные, ѣздятъ тихо въ маленькихъ повозочкахъ, сидя на козлахъ мурлычатъ какія-то пѣсни страшно заунывныя, словомъ, все скучно и скверно. Въ губерніи мнѣ понравилось только одно мѣсто: это—Березина, чрезъ которую мы переправлялись въ 12 часовъ ночи въ полную луну и небольшой туманъ. На рѣкѣ много островковъ, и видъ былъ восхитительный: недоставало только Айвазовскаго, чтобы срисовать его. Мы ѣхали цѣлую ночь и морозъ былъ порядочный, такъ что вездѣ топили. На 1,000 верстѣ отъ Одессы въ Минской губ. я прокричалъ во все горло «ура», радуясь, что такъ много проѣхалъ; на слѣдующее утро часу въ первомъ мы въѣхали въ давно желанный Рогачевъ.

Такая честь Рогачеву была тогда оттого, что отсюда уже шла дорога по шоссе съ благоустроенными станціями.

Подъѣзжая къ Рогачеву, мы замѣтили какой-то дворецъ. Вдругъ ямщикъ остановился передъ нимъ. «Чего ты?»—спросили мы его. «Здѣсь станція,—сказалъ онъ.—«Станція!» И лица наши вытянулись отъ изумленія. Мы терли себѣ виски мятою, одеколономъ, и никакъ не могли придти въ себя, воображая, что мы во снѣ или въ горячкѣ. И точно, послѣ полуразвалившихся жидовскихъ станцій, мы вошли въ домъ, въ которомъ 7 или 8 комнатъ. Въ иныхъ станціяхъ и по 12, оклеенныхъ превосходными обоями, съ прекрасными паркетами. Можно найти обѣдъ съ бифштексами и прочими разностями. Совсѣмъ не приготовленные увидѣть подобное зрѣлище, мы ходили по комнатамъ припрыгивая, боясь все испортить и испачкать.

Ѣзда по шоссе мнѣ сначала не понравилась—сильно трясетъ, хотя нѣтъ толчковъ, которые мы испытали, ѣхавъ по высохшей грязи; какое-то маленькое дрожаніе меня слегка разстроило, но послѣ я привыкъ и все пошло хорошо. Могилевская губернія гораздо плодороднѣе Минской: рожь и овесъ очень хороши, гречиха и просо порядочныя; мы видѣли довольно и пшеницы, но она была еще совершенно зеленою. Георгинъ на станціяхъ и даже у мужиковъ множество, растутъ они безъ всякихъ подпорокъ и обкапываній. Къ сѣверу въ лѣсахъ много медвѣдей; передъ нашимъ пріѣздомъ была облава, на которой убили 26 волковъ и 1 медвѣдя. Когда на него нападали, онъ схватилъ одного поселянина и до тѣхъ поръ его душилъ, пока тотъ не упалъ бездыханный. Онъ содралъ у мужика со всего затылка и шеи кожу; впрочемъ была надежда на выздоровленіе. Видъ на Могилевъ очень хорошъ. Орша же очень скучный городъ. Стоя среди его, я мечталъ о 1812-мъ годѣ, но праздничный видъ города скоро разстроилъ мои мечты. Жидовки здѣсь совершенно особенно повязываютъ голову въ родѣ тюрбана. Витебская губ. очень похожа на Могилевскую, только въ сѣверной части народъ уже болѣе русскій. Витебскъ очень некрасивъ; улицы кривыя, дурно мощеныя... Въ Псковской губерніи начинаютъ рѣдѣть лѣса, появляется множество озеръ, которымъ и конца нѣтъ; хорошій видъ въ пыльный день, а въ дождь—пренекрасивый. Пріѣхавъ въ Опочку, я желалъ видѣть древній острогъ или крѣпость; не зная, что ея давно и слѣдовъ нѣтъ, я просилъ одного ямщика, чтобъ онъ мнѣ показалъ, гдѣ она находится. На это онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Трактиръ-съ или заведеніе-съ есть-съ, а крѣпости нѣтъ никакой», такъ я и остался съ носомъ.

Окончанія этого описанія не сохранилось; оно очевидно содержало описаніе проѣзда по Петербургской губерніи и въѣзда на почтовыхъ въ Петербургъ, такъ какъ въ то время желѣзная дорога была только до Гатчины и ею для сообщенія съ Западной Россіей не пользовались. По бѣлорусскому же тракту я ѣхалъ потому, что въ это время шли приготовленія къ коронаціи Александра II и на Москву и думать было нельзя найти лошадей на станціяхъ. Я зналъ Петербургъ по рисункамъ настолько, что всѣ зданія сразу узнавалъ, какъ десять лѣтъ спустя такъ же легко оріентировался, пріѣхавъ въ Парижъ. Я въѣхалъ въ Петербургъ послѣ знаменитаго пожара въ Измайловскомъ полку, и цѣлыя улицы этой глухой тогда части города представляли обгорѣлыя руины.

Въ Горный институтъ я попалъ въ эпоху величайшаго оживленія умовъ въ русскомъ обществѣ. Это конечно отзывалось и на учебныхъ заведеніяхъ. Мы не только волновались слухами о предстоящихъ реформахъ, не только съ жаромъ читали «Современникъ», «Морской Сборникъ» и другіе модные тогда органы, а также всѣ запрещенныя заграничныя и петербургскія изданія, но и завели свою рукописную литературу. П. Л. Михайловъ,

братъ извѣстнаго поэта и политическаго дѣятеля *), основалъ въ 1859 г. журналъ «Гласность», причемъ отъ каждаго класса были выбраны особые редакторы. Я былъ избранъ отъ IV приготовительнаго, ниже котораго не допускалось сотрудниковъ. Въ подражаніе «Колоколу» былъ заведенъ обличительный отдѣлъ: «Правда ли?» Либеральное начальство поощряло эти литературные опыты.

Слѣдующій рукописный журналъ назывался «Прогресомъ». Это уже было время студенческаго броженія, отражавшагося и въ нашей корпусной жизни. Поэтому направленіе журнала было болѣе радикальное и полемическое, о чемъ можно было судить и по заглавію статей: «Ротный командиръ и

---

*) Исторія Михайловыхъ, отецъ которыхъ былъ чиновникомъ Илецкаго соляного правленія, поистинѣ трагическая. Старшій, поэтъ, умеръ въ каторжныхъ работахъ. Второй, талантливѣйшій горный инженеръ, начальникъ монетнаго отдѣленія горнаго департамента, неизвѣстно почему зарѣзался послѣ женитьбы. Третій братъ, горный инженеръ въ Нерчинскомъ округѣ, былъ подъ судомъ за то, что старшаго брата держалъ въ денщикахъ; за это слѣдовала ссылка, но при всѣхъ натяжкахъ горнаго совѣта, замѣнившаго горный аудиторіатъ, и при снисхожденіи Рейтера, его приговорили къ исключенію изъ службы. Младшій братъ Петръ, о которомъ выше идетъ рѣчь, тоже горный инженеръ, на моихъ глазахъ, узнавъ, что его братъ зарѣзался, громко расхохотался и сѣлъ на полъ. Мы его подняли; онъ сразу, оказалось, сошелъ съ ума и скоро умеръ въ домѣ сумасшедшихъ, оставивъ молодую вдову.

пироги съ рѣпою» (по поводу бунта кадетъ изъ-за этихъ пироговъ), «Слѣдуетъ ли бить свое начальство» (по поводу того, что одинъ кадетъ, нынѣ довольно извѣстный провинціальный адвокатъ и журналистъ, началъ душить дежурнаго офицера), и т. д. Сотрудники въ жару полемики скоро перессорились и раздѣлились на партіи умѣренныхъ и крайнихъ. Начальство, понятно, уже косо смотрѣло на подобные литературные опыты и, чтобы отвлечь отъ политики, поощряло въ насъ артистическія наклонности: возило часто въ театръ, разрѣшило устроить свой оркестръ, хотя таковой былъ уже изъ кантонистовъ, помогало устройству домашнихъ спектаклей, танцевъ, фейерверковъ.

Выше («Театральныя воспоминанія») я уже описывалъ, какъ корпусное начальство поощряло мою охоту къ чтенію и отвело особый шкапъ для помѣщенія моей библіотеки. Онъ быстро наполнился французскими книгами, пріобрѣтавшимися на толкучкѣ, тогда очень богатой книгами, а также въ магазинѣ Дюфура (нынѣ Цинзерлинга). Книги, купленныя въ институтѣ, до сихъ поръ сохранились у меня, часть ихъ была переплетена въ переплетной моего корпуснаго товарища Н. К. Михайловскаго, можетъ быть даже руками самого знаменитаго философа.

Политическая экономія и женскій вопросъ наи-

болѣе занимали меня. Случайное чтеніе книги Сюдра «Histoire du communisme» сдѣлало изъ меня экономиста. Въ то время, когда юноши читаютъ «Les amours de Faublas», я проглотилъ уже десятки скучнѣйшихъ экономическихъ и соціалистическихъ книгъ. Ш. Фурье я и до сихъ поръ считаю геніемъ. Я впрочемъ не пренебрегалъ и литературой. Чтеніе «Индіаны» Жоржъ-Зандъ сдѣлало меня ярымъ въ то время защитникомъ правъ женщинъ. Съ жадностью я перечиталъ всѣ ея многочисленные романы. На школьной скамьѣ сдѣлался я великимъ почитателемъ и Вольтера, важнѣйшія сочиненія котораго, вмѣстѣ съ другими антирелигіозными сочиненіями XVIII столѣтія, я перечиталъ у будущаго прокурора московской синодальной конторы. Особенно мнѣ понравились «Les ruines» Вольнея. Изъ книгъ по женской эмансипаціи я увлекся «La femme affranchie» г-жи д'Эрикуръ; но тогда же я впрочемъ ознакомился и съ ея противникомъ и противникомъ «порнократіи» вообще — Прудономъ. Книги буквально я глоталъ, но это не мѣшало мнѣ учиться горнымъ и другимъ необходимымъ для инженера наукамъ, быть театраломъ, изучить спеціально шахматную игру и даже чернокнижіе.

Особое впечатлѣніе на меня произвели «Scènes de la vie de Bohème», только что умершаго Мюрже.

Онѣ понравились и товарищамъ; нѣкоторые бросили корпусъ, чтобы жить на манеръ парижской «богемы». На квартирахъ ихъ, гдѣ было болѣе крѣпкихъ напитковъ, чѣмъ мебели, мы образовали даже какое-то общество вольныхъ стрѣлковъ. Чернявскій, авторъ «Гражданскаго брака» игралъ, роль Шонара, а Мими — была одна чахоточная швейцарская гувернантка.

Рукописная литература при такомъ порядкѣ конечно не удовлетворяла уже, и мы старались проникнуть въ періодическую печать, но тогда это было очень трудно: печатныхъ органовъ было мало, а редакціи представлялись очень замкнутыми кружками. Большинство ихъ перешло въ руки семинаристовъ, преимущественно изъ Педагогическаго института, выращенныхъ Введенскимъ. Но какъ-то одному кадету, покойному нынче Штильке, удалось напечатать статью о шоколадѣ или какао, не помню, въ журналѣ «Разсвѣтъ». Это было своего рода откровеніемъ.

По слѣдамъ Штильке пошелъ Н. К. Михайловскій и напечаталъ въ ноябрѣ 1860 г. разборъ вышедшей тогда Гончаровской Бѣловодовой, а за нимъ и я въ январѣ 1861 г. отправился со статьею о герцогинѣ Беррійской. Первую мысль о ея написаніи мнѣ дали статьи Чернышевскаго о Іюльской

монархіи въ «Современникѣ», въ свою очередь навѣянныя «Histoire de dix ans» Луи Блана.

Никакое вдохновеніе меня не озаряло, а какъ-то просто я сѣлъ на деревянную табуретку передъ конторкой, стоявшей въ корпусѣ около каждой кровати и неизмѣнно покрытой потертой клеенкою, которою мы иногда колотили другъ друга, обмакнулъ казенное перо въ казенную чернильницу и сталъ строчить. Строчить на скверной казенной бумагѣ, загибая съ лѣвой стороны поля и дѣлая кляксы — привычки, оставшіяся у меня и по сей день. Я не зналъ тогда, что для набора нужно писать на одной сторонѣ листа.

Въ превосходной книгѣ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи» г-жи Лихачевой обстоятельно описана роль, какую игралъ «Разсвѣтъ», основанный въ 1859 г., для проповѣди женской эмансипаціи. «Разсвѣтъ» издавался Кремпинымъ, артилерійскимъ офицеромъ, вынужденнымъ изъ-за какой-то исторіи кадетъ покинуть Артилерійское училище, гдѣ онъ былъ дежурнымъ офицеромъ. Средства Кремпина были небольшія; онъ былъ зятемъ Беркова, «адмирала», т. е. начальника созданной еще Петромъ петербургской купеческой верфи, на которой ничего давно не строилось, кромѣ яликовъ для перевозовъ черезъ Неву, содержавшихся «водянымъ богомъ» Тайвани.

Въ «Разсвѣтѣ» отчасти начали свою карьеру, отчасти принимали дѣятельное участіе Писаревъ, Мих. Семевскій, Хмыровъ, Іоак. Шишкинъ, Водовозовъ, Карновичъ, Стоюнинъ, Саранчевъ и другіе молодые талантливые писатели, главное же направленіе давала belle soeur Кремпина, писавшая статьи о женскомъ воспитаніи. Журналъ покровительствовался Н. А. Вышнеградскимъ, создателемъ въ Россіи женскихъ гимназій.

Кремпинъ жилъ въ небольшомъ, нынѣ несуществующемъ домикѣ на Малой Дворянской улицѣ. Онъ принялъ меня любезно, обѣщалъ просмотрѣть рукопись и просилъ зайти въ слѣдующее воскресенье. Съ нѣкоторымъ страхомъ явился я за отвѣтомъ, и мнѣ было сообщено, что рукопись не только одобрена, но и послана въ типографію или къ цензору, хорошенько не помню; въ тѣ времена типографіи ничего безъ цензурной помѣтки не принимали. Первая статья моя подписана не была, такъ какъ представляла только передѣлку біографіи Ипполита Кастиля, но вторая — «Герцогиня Беррійская и графъ Шамборъ» появилась уже за моею подписью. О восхищеніи, съ которымъ въ первый разъ увидѣлъ я эту подпись въ печати, и говорить нечего. Его испыталъ каждый начинающій писатель. Восторгъ далеко не раздѣляли мои родные, и отецъ мой, испытавшій невыгоды ученолитературной карьеры, написалъ мнѣ изъ Одессы строгое письмо, предсказывая, что я «кончу жизнь секретаремъ женскаго благотворительнаго общества!»

Съ этого момента я сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Разсвѣта». Моя библіотека не давала часто необходимаго матеріала, и я ходилъ по праздникамъ въ Публичную библіотеку, гдѣ дежурные чиновники весьма любезно подыскивали мнѣ потребныя книги. Но времени пропадало много не столько за собираніемъ справокъ, сколько за полученіемъ гонорара. Хотя мнѣ платили за печатный листъ весьма почтенныхъ размѣровъ 15 рублей, но и эти деньги получить было не легко. Приходилось за ними прогуливаться по десяти разъ. Денежныя дѣла редакціи шли плохо. Немного помогло ей соучастіе тогда артилериста, а потомъ земца Фирсова. Въ тѣ времена гонораръ вообще платился туго, одинъ Краевскій былъ хотя страшно скупъ, но акуратенъ, остальные редакторы считали и выдавали гонораръ лично, т. е. очень трудно было получить что-либо. В. Ѳ. Коршъ первый завелъ такой порядокъ, что контора выплачивала гонораръ вслѣдъ за появленіемъ статей по размѣткѣ изъ редакціи безъ особаго приказа.

Тогда и за границею акуратно платили только знаменитостямъ и постояннымъ членамъ редакцій.

Извѣстно, что даже въ «Revue des deux Mondes» существовало правило: первую статью молодыхъ авторовъ брать не иначе какъ безплатно, а вторую... никогда не печатать. Такимъ путемъ Бюлозъ и нажилъ крупное состоянія.

Но и двѣ-три сотни рублей въ годъ, что я зарабатывалъ кадетомъ, казались мнѣ огромною суммою и давали возможность увеличивать библіотеку и ходить почти каждый день въ театръ. Я даже купилъ себѣ, вмѣсто казенныхъ выростковыхъ собственные опойковые сапоги въ магазинѣ Целибѣева, но они сейчасъ же лопнули, — событіе, которое не повліяло однако на измѣненіе моихъ взглядовъ на необходимость покровительства русской промышленности.

Нѣкоторыя статьи мои въ «Разсвѣтѣ» обратили на себя вниманіе, а двѣ статьи о «Екатеринѣ Медичи», гдѣ я парадоксально на основаніи католическихъ историковъ защищалъ ее отъ участія въ Варѳоломеевской ночи, вызвали даже обстоятельное возраженіе въ ученомъ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», не подозрѣвавшемъ, что онъ полемизируетъ со школьникомъ *).

*) Съ изумленіемъ въ вышедшемъ въ прошломъ году въ Парижѣ капитальномъ трудѣ Wladimir Karenine o Жоржъ-Зандъ я нашелъ возраженія противъ одного мѣста моей статьи о великой писательницѣ, напечатанной въ «Разсвѣтѣ» еще въ 1862 году.

Часть статей моихъ въ «Разсвѣтѣ» вышла потомъ и отдѣльною книжкою подъ названіемъ: «Женщины-писательницы XIX столѣтія», но на бѣду цензоромъ книги оказался покойный префессоръ С. И. Лебедевъ, бывшій моимъ учителемъ русскаго языка въ Горномъ институтѣ, гдѣ мы, по обычаю давать начальству и преподавателямъ клички, звали его «бѣглымъ дьячкомъ Сидоркою». Онъ такъ поотечески отцензуровалъ мою книгу, что изъ нея исчезла добрая треть и осталось нѣчто весьма жидкое, да еще въ придачу онъ распекъ меня за несообразный образъ мыслей, хотя я уже былъ офицеромъ.

Въ 1862 году вышелъ романъ Флобера «Salammbô»; хотя онъ имѣлъ гораздо менѣе успѣха, чѣмъ предшествующій романъ того же автора «Madame Bovary», но о немъ въ Петербургѣ говорили, и я состряпалъ статейку, которую, не помню по чьему совѣту, отнесъ къ жившей тогда въ домѣ Демидова, на углу Невскаго и Малой Садовой, редакторшѣ-издательницѣ «Моднаго Магазина» Софьѣ Григорьевнѣ Мей, вдовѣ извѣстнаго поэта.

Оставшись вдовой послѣ своего умершаго отъ алкоголизма мужа, г-жа Мей, вмѣстѣ съ сестрою,

начали тогда издавать журналъ для женщинъ, гдѣ, кромѣ модныхъ картинокъ и выкроекъ, давалось серьезное чтеніе. Талантливые литераторы Всев. Крестовскій, Ѳ. Бергъ дѣятельно помогали ей.

Каждую субботу у нея собирался bureau d'esprit — литературный кружокъ, душою котораго былъ талантливый профессоръ военной академіи Рехневскій, впослѣдствіи женившійся на хозяйкѣ. Здѣсь, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ, бывали Писемскій, Некрасовъ, натуралистъ Сѣверцовъ и др. извѣстности, на которыхъ я въ своемъ скромномъ кадетскомъ мундирѣ взиралъ съ благоговѣніемъ. Надо отдать справедливость милому такту хозяйки: она всѣхъ, и старыхъ и малыхъ, принимала съ одинаковою любезностью за своимъ чайнымъ столомъ, гдѣ горячо обсуждались текущія политическія новости.

Въ это время, когда ежедневная періодическая печать была въ весьма жалкомъ положеніи, бойкостью полемики обратила на себя вниманіе газета «Современное Слово». Ее издавали покойные нынѣ Писаревскій и Леонтьевъ, при дѣятельномъ участіи Ватсона. Полковникъ Писаревскій, носившій кличку «общепонятнаго физика и механика» по двумъ популярнымъ книгамъ, имѣвшимъ успѣхъ, былъ только что уволенъ за либерализмъ отъ завѣдыванія редакціей «Русскаго Инвалида», который онъ изъ сухой оффиціальной газеты обратилъ въ

радикальный органъ. Незадолго до этого и Чернышевскій состоялъ, хотя и недолго, редакторомъ «Военнаго Сборника». Писаревскаго впослѣдствіи опять приняли на службу инспекторомъ телеграфовъ, и онъ умеръ директоромъ Электро-техническаго института. В. Н. Леонтьевъ, такой же ярый либералъ, какъ его талантливый братъ Константинъ, былъ ярый консерваторъ, извѣстенъ по дальнѣйшему участію въ редакціяхъ «Голоса», «Искры» и бѣгству за границу. Ватсонъ, съ которымъ впослѣдствіи я близко познакомился въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» при изданіи Корша, былъ только что уволенъ по подозрѣнію въ либерализмѣ отъ должности учителя исторіи въ какомъ-то московскомъ кадетскомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе статьями въ «Современникѣ», гдѣ русская публика впервые познакомилась съ Лассалемъ.

Въ «Современномъ Словѣ», скоро цензурою закрытомъ, я писалъ статьи о горномъ промыслѣ. Статьи эти возмутили своимъ содержаніемъ покойнаго Полетику, который началъ со мною горячо полемизировать въ «Сѣверной Пчелѣ». Впослѣдствіи онъ сдѣлался моимъ пріятелемъ и по части воззрѣній на русскую экономію моимъ учителемъ *).

---

*) По поводу горной литературы не могу не отмѣтить слѣ-

Леонтьевъ говорилъ мнѣ комплименты, Писаревскій все вздыхалъ и подымалъ горѣ руки, но оба платили гонораръ еще хуже и неакуратнѣе, чѣмъ Кремпинъ.

Желая мнѣ помочь, Кремпинъ предложилъ мнѣ принять участіе въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», издававшемся тогда за отказомъ Краевскаго подъ редакціей Лаврова, для чего свезъ и представилъ послѣднему. Здѣсь я познакомился съ Энгельгардтомъ, тогда блестящимъ и веселымъ артилерійскимъ офицеромъ, преподававшимъ химію. Петръ Лаврычъ жилъ на Кирочной и былъ артилерійскимъ полковникомъ и профессоромъ высшей математики въ Артилерійской академіи. Въ публикѣ онъ былъ извѣстенъ болѣе по своимъ философскимъ статьямъ, гдѣ проводилъ ученіе Фейербаха, т. е. лѣвыхъ гегеліанцевъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, живой, очень

дующаго курьезнаго явленія. Въ 1865 г., когда я еще былъ поручикомъ, редакція оффиціальнаго и ученаго «Горнаго Журнала» снабдила одну мою статью примѣчаніемъ, гдѣ между прочимъ говорилось: «Даровитый сотрудникъ нашъ, который ужъ такъ много и такъ мѣтко указывалъ на новыя мѣстности и новые пути для развитія горнаго дѣла». Теперь же, 35 лѣтъ спустя и послѣ того что я даже управлялъ горною частью, я не могу написать о горномъ дѣлѣ десяти строкъ, чтобы послѣдній газетный писака въ безвѣстномъ провинціальномъ листкѣ не упрекнулъ меня въ полномъ невѣжествѣ.

разсѣянный, обширнѣйшаго энциклопедическаго образованія, всѣмъ интересовавшійся и кипятившійся. Мою зависть возбуждала его превосходная библіотека и масса лежавшихъ на столахъ самыхъ новѣйшихъ сочиненій. Лавровъ принялъ меня очень радушно и поручилъ въ словарѣ писать біографіи знаменитыхъ женщинъ, но изданіе скоро прекратилось...

Таковы итоги моей кадетской или, вѣрнѣе, «дѣтской» литературы.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

О памятникахъ знаменитымъ русскимъ людямъ.

Письмо нѣкоего М. Я. въ «Новомъ Времени» (въ 1896 г.) о необходимости подписки на сооруженіе въ Нижнемъ-Новгородѣ приличнаго памятника Минину и Пожарскому, невольно наводитъ на общій вопросъ о крайней скудости у насъ монументовъ и о жалкомъ видѣ большинства сооруженныхъ до сихъ поръ. Даже иностранцы, напримѣръ маркизъ де-Кюстинъ въ своей замѣчательной книгѣ «La Russie en 1839», обратили вниманіе на это поразительное равнодушіе русскаго общества къ своимъ лучшимъ представителямъ. Историки наши, разбирая старинные документы, не могли не замѣтить, что современники какъ-то умышленно уклонялись запечатлѣть свои имена для потомства и на величайшей важности документахъ подписывались уменьшительными именами или прозвищами, такъ

что теперь трудно иногда и догадаться, о комъ именно идетъ рѣчь. «Нигдѣ историческая память о лицахъ, дѣятеляхъ въ жизни общественной и государственной не была такъ слаба, какъ въ нашей древности», говоритъ по этому поводу покойный А. Н. Поповъ.

Въ результатѣ русская исторія мало колоритна, знаютъ ее очень немногіе даже анекдотически, а народъ помнитъ только духовныхъ подвижниковъ; даже такіе дѣятели, какъ Петръ Великій или Суворовъ, ему почти неизвѣстны, даже по имени.

Конечно, существуетъ мнѣніе, что знаменитыхъ людей у насъ пропорціонально менѣе, чѣмъ у другихъ народностей. Карамзинъ, этотъ по преимуществу почитаемый у насъ патріотическимъ писателемъ, находилъ, напримѣръ, что дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ немного. «Больше лицъ, нежели головъ, а душъ еще менѣе». И что, будто бы, такъ было всегда и дивиться этому нечего. Но если и справедливо, что ариѳметически мы можемъ гордиться меньшимъ числомъ славныхъ людей, то это тѣмъ болѣе резонъ для того, чтобы чтить тѣхъ сравнительно немногихъ, которыхъ мы имѣемъ.

Постановка монументовъ, т. е. увѣковѣченіе знаменитыхъ людей камнемъ и бронзою, издавна считались однимъ изъ лучшихъ средствъ для укрѣпленія въ памяти народной тѣхъ именъ, которыя

должны быть дороги и представляютъ какъ бы вѣхи національной исторіи. У насъ эта постановка началась не ранѣе второй половины XVIII столѣтія почти исключительно на казенный счетъ, при полномъ равнодушіи общества. Достаточно, напримѣръ, вспомнить судьбу подписки на памятникъ Гоголю, который хотѣли замѣнить техническою школою въ Миргородѣ, хотя, казалось бы, что̀ общаго между безсмертнымъ авторомъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» и искусствомъ дѣлать стеариновыя свѣчи или аналиновыя краски? Но сколько еще знаменитыхъ людей земли русской, о постановкѣ монументовъ которымъ еще не думали.

У насъ, напримѣръ, нѣтъ приличнаго памятника Ивану III, а этого государя гораздо болѣе, чѣмъ Петра Великаго, можно считать основателемъ современнаго Россійскаго государства. Его политическими принципами до сихъ поръ управляется Россія. Конечно, московскій Кремль можетъ служить великолѣпнымъ памятникомъ Ивану III, но многіе ли знаютъ, что этому великому государю мы обязаны означеннымъ сооруженіемъ.

Еще менѣе оцѣненъ у насъ по достоинству другой великій государь московскаго періода — Алексѣй Михайловичъ, царствованіе котораго, по дипломатическому искусству, съ которымъ велись внѣшнія сношенія, по чисто народному духу по-

литики и по результатамъ, сопровождавшимся великолѣпными земельными пріобрѣтеніями, принадлежитъ къ наиболѣе блестящимъ и плодотворнымъ въ русской исторіи.

Алексѣю Михайловичу давно пора соорудить великолѣпный памятникъ въ Москвѣ. Замѣчательно, что гораздо ранѣе сооруженъ памятникъ Хмельницкому, дѣятельность котораго (во многомъ подозрительная) въ томъ, что имѣетъ хорошаго, только частица славы Алексѣевой. Рядомъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ слѣдовало бы поставить памятникъ и бывшему другу его—патріарху Никону. Хотя дѣятельность послѣдняго по церковной реформѣ можетъ быть и осуждаема, но, во всякомъ случаѣ, это одинъ изъ весьма крупныхъ характеровъ, та «душа», объ отсутствіи которыхъ въ Россіи скорбѣлъ Карамзинъ. Этой-то «души» не хватало у другого знаменитаго реформатора русской церкви и выразителя Петровскаго абсолютизма—Ѳеофана Прокоповича.

Не выходя изъ духовной сферы, нельзя не пожелать видѣть памятникъ митрополиту Филиппу Колычеву, одному изъ немногихъ возставшихъ въ защиту справедливости, правды и человѣческаго достоинства въ моментъ величайшаго, совершенно почти непостижимаго униженія русскаго общества, и заплатившаго за это жизнью.

Маркизъ де-Кюстинъ въ книгѣ, о которой я говорилъ выше, высказываетъ убѣжденіе, что когда-нибудь будетъ сооруженъ памятникъ княгинѣ Трубецкой, отправившейся добровольно сопровождать мужа въ каторжныя работы послѣ бунта 14-го декабря. Какъ извѣстно, княгиня Трубецкая была не одна жена, сопровождавшая декабристовъ въ ссылку: примѣру ея послѣдовала княгиня Волконская и др. Этимъ удивительнымъ женщинамъ давно слѣдуетъ поставить достойный памятникъ, какъ призывъ къ исполненію долга, равнодушіе къ которому въ нашемъ обществѣ приводило въ отчаяніе еще Пушкина.

Я назвалъ нѣсколько крупныхъ именъ, но для лицъ, знакомыхъ съ русской исторіей и литературой, не трудно дополнить списокъ и указать еще, по крайней мѣрѣ, два и болѣе десятка людей, которые не почтены еще монументами. Конечно, рѣчь можетъ идти только о дѣятеляхъ крупныхъ, и въ этомъ отношеніи хотя не опасна, но нѣсколько забавна та тщеславная поспѣшность, съ которою, напримѣръ, французы и итальянцы окрещиваютъ теперь улицы именами такихъ знаменитостей, которыхъ никто не будетъ помнить завтра, и ставятъ этимъ псевдо-знаменитостямъ монументы. Усердіе дошло уже до того, что поставленъ памятникъ дядѣ по женской линіи бывшаго президента республики Феликса Фора, человѣку никому во Франціи неизвѣстному.

Таланты (а съ ними и мѣста и синекуры) передавались, правда, по нисходящей женской линіи въ нашей Академіи наукъ, но передачу по восходящей женской линіи еще никто не видалъ.

Заканчивая это письмо, я считаю необходимымъ прибавить еще слѣдующее. Приглашеніе къ пожертвованіямъ никогда не имѣетъ силы, если ограничивается одними словами,—всегда слѣдуетъ подавать первому примѣръ. Поэтому, если послѣдуетъ разрѣшеніе на постановку памятника кн. Трубецкой, подвигъ которой тѣмъ въ настоящій моментъ alliance franco-russe цѣннѣе, что она была наполовину француженкою, то я немедленно вношу, въ качествѣ перваго вкладчика, въ комитетъ, который возьмется за это дѣло, двѣсти рублей *).

---

*) Само собою никто денегъ на монументъ княгинямъ не далъ, но А. С. Суворинъ относительно моей статьи сдѣлалъ слѣдующее возраженіе:

«Раздѣляя вполнѣ взгляды К. А. Скальковскаго о значеніи памятниковъ, мы не совсѣмъ согласны относительно памятниковъ княгинямъ Трубецкой и Волконской. Прекрасный памятникъ имъ воздвигъ уже Некрасовъ въ извѣстной своей поэмѣ, и мы того мнѣнія, что если ставить памятники женамъ, которыя пошли за мужьями-преступниками въ Сибирь, то такихъ памятниковъ потребуется очень много, такъ какъ во всѣхъ сословіяхъ встрѣчались и встрѣчаются такія предан-

Манія юбилеевъ.

Манія праздновать юбилеи все у насъ усиливается, и Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ празднуетъ юбилей Цицерона, родившагося двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Этакъ мы скоро дойдемъ, пожалуй, и до еще болѣе древнихъ юбилеевъ: департаментъ земледѣлія можетъ праздновать, напримѣръ, юбилей Авеля, перваго овцевода, военное вѣдомство—Каина, перваго воина, морское — Ноя; кстати, къ тому же, русское судостроеніе, по крайней мѣрѣ, торговое, никакихъ успѣховъ сравнительно съ сооруженіемъ ковчега не сдѣлало.

Цицерона, по имени, по нѣсколькимъ строкамъ

ныя или любящія женщины. Независимо отъ этого, ставить памятники за простое исполненіе долга мужчиной или женщиной, не значитъ ли это ужъ слишкомъ низко ставить нашу общественную нравственность? Не придется ли тогда ставить памятники дѣтямъ, уважающихъ своихъ родителей; родителямъ, любящимъ своихъ дѣтей; женамъ, не измѣняющимъ своимъ мужьямъ, и мужьямъ, не измѣняющимъ своимъ женамъ? А ужъ Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ непремѣнно надо будетъ поставить памятникъ».

Болѣе остроумно, чѣмъ убѣдительно. Кстати замѣчу, что прекрасная поэма Некрасова заимствована изъ таковой же поэмы Альфреда де Виньи, котораго подвигъ нашихъ княгинь поразилъ повидимому болѣе, чѣмъ издателя «Новаго Времени».

его риторической прозы, почитаемой образцовою, у насъ знаютъ всѣ сколько-нибудь учившіеся, но, конечно, для огромнаго большинства, и для настоящихъ и для бывшихъ гимназистовъ Цицеронъ остается пустымъ звукомъ, воспоминаніемъ о нѣсколькихъ часахъ школьной скуки.

Дѣйствительно, праздновать юбилей Цицерона должны адвокаты и тѣ государственные люди изъ адвокатовъ, которые заполонили теперь западно-европейскіе парламенты.

У насъ таланты этого сорта адвокатовъ остаются безъ примѣненія, почему государственную дѣятельность Цицерона, разнообразную, но въ общемъ мало похвальную, мы оставляемъ безъ вниманія и остановимся только на чисто-адвокатской.

И въ древности, какъ и теперь, были адвокаты толпы—завистливые, крикливые, грязные, и адвокаты буржуазіи, капиталистовъ, крупныхъ собственниковъ — изящные, ловкіе и со столь же гибкою совѣстью. Цицеронъ принадлежитъ къ числу послѣднихъ адвокатовъ. Вся сила его была въ языкѣ, и недаромъ уже мертвому Цицерону Антоній проткнулъ языкъ иголкой.

Совѣтамъ Цицерона и теперь свято слѣдуютъ современные «прелюбодѣи мысли». «Риторика, говорилъ этотъ ученикъ Демосѳена, имѣетъ цѣлью увѣрить, что ораторъ правъ». «Нѣтъ надобности

бояться иногда и пріукрасить истину, будетъ ли основаніе разсужденія вѣрно или ложно». «Ораторское искусство не можетъ существовать безъ нѣкотораго нахальства». Принципы, по мнѣнію Цицерона, не нужны, «потому что дѣло оратора говорить пространно обо всемъ и съ одинаковою силою за и противъ». Наоборотъ, умная декламація очень нужна, «дабы думали, что ораторъ убѣжденъ въ томъ, что говоритъ»...

Читая сочиненія этого создателя латинской прозы, «просто приходишь въ ужасъ, говоритъ одинъ историкъ, отъ сознанія, какой силы можетъ достигнуть человѣкъ, лишенный идей, шаткій, безъ принциповъ и безъ опредѣленныхъ задачъ, если только природа одарила его замѣчательнымъ даромъ слова». Мирабо, Гамбетта и многіе другіе совершенно подтверждаютъ эту характеристику Цицерона.

Неудивительно, что когда Августъ, бывшій соперникъ Цицерона, сдѣлался императоромъ, то однимъ изъ первыхъ указовъ его было сокращеніе длины адвокатскихъ рѣчей, ограниченіе ихъ исключительно интересами подсудимыхъ и воспрещеніе вступаться въ общую политику. Этотъ указъ не худо бы и теперь включить въ кодексы.

Кромѣ адвокатовъ, юбилей Цицерона должны еще праздновать жиды. Онъ предвидѣлъ ихъ великую будущность, мало того, ихъ чрезвычайная

наглость уже въ древнемъ Римѣ такъ поразила великаго оратора, что онъ удивлялся, какъ можно ей сопротивляться! Что̀ бы сказалъ Цицеронъ, почитавъ современныя еврейскія газеты или послушавъ еврейскихъ артистовъ, финансистовъ и депутатовъ?

Кстати прибавить, что, собираясь праздновать юбилей Цицерона, у насъ не знаютъ даже какъ произносить правильно его имя. Профессоръ Модестовъ увѣряетъ, что нужно произносить Кикеро. Малозвучно и похоже на Кикимору.

Манія торжественныхъ встрѣчъ.

Рѣдко наше городское самоуправленіе расписывалось въ своей полной несостоятельности, какъ съ потѣшнымъ проектомъ чествовать пріѣздъ въ Петербургъ Шпильгагена. Г. Михельсонъ, очевидно, большой шутникъ и своимъ заявленіемъ о торжественной встрѣчѣ Шпильгагена, горячо поддержанный Семевскимъ, онъ желалъ вѣроятно сдѣлать родъ переклички гласнымъ, достойнымъ совсѣмъ другого названія; на повѣрку вышло, что всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи (интересно бы знать ихъ имена) попались въ эту ловушку и подобно панургову стаду пожелали быть причисленными къ новому лику «блаженныхъ».

Дѣйствительно, очень любопытно бы узнать, какіе мотивы, кромѣ рекомендацій г. Михельсона— компетентность котораго въ литературѣ имѣетъ силы не болѣе чѣмъ мнѣніе бабы, продающей апельсины въ Гостиномъ дворѣ — могли побудить нашу Думу къ комическому чествованію Шпильгагена отъ имени города.

Шпильгагенъ не лишенный таланта романистъ съ претензіями на радикализмъ, довольно впрочемъ блѣдными. Это нѣчто въ родѣ нѣмецкаго Боборыкина, пожалуй подаровитѣе, но нисколько не съ большимъ значеніемъ въ европейской литературѣ и уже безъ малѣйшаго значенія въ исторіи культуры. Во Франціи и Англіи можно и изъ живущихъ указать десятокъ писателей гораздо болѣе талантливыхъ и имѣющихъ гораздо болѣе значенія. Достаточно припомнить хоть Виктора Гюго— главу романтической школы, имѣвшей такое огромное значеніе для русской литературы 20 и 30-хъ годовъ, или на Эмиля Зола — главу современнаго натурализма.

Какъ же должна будетъ принимать ихъ петербургская дума, если бы эти господа вздумали удостоить Петербургъ своимъ посѣщеніемъ, послѣ тѣхъ церемоній, съ которыми она встрѣтитъ ординарнаго нѣмецкаго романиста. Городскому головѣ оставалось бы только по японскому обычаю ползти на

брюхѣ по дебаркадеру Варшавской желѣзной дороги.

Насъ, да и вѣроятно не однихъ насъ, а всѣхъ здравомыслящихъ людей, возмущаетъ не то еще, что почести будутъ адресованы некстати, но то, что въ Петербургъ въ послѣдніе годы пріѣзжали люди гораздо болѣе, съ русской точки зрѣнія, заслуженные и петербургская дума не подумала сдѣлать что-либо для ихъ пріема.

Возьмемъ, напримѣръ, хоть Норденшельда. Это и ученый знаменитый, и уроженецъ нашей Финляндіи, и человѣкъ, открывшій для Сибири морской путь, и смѣлый путешественникъ, совершившій *подвигъ*, котораго триста лѣтъ напрасно добивались мореплаватели—обогнуть сѣверный берегъ Сибири. И что-жъ? Онъ два раза былъ въ Петербургѣ и не нашлось ни одного Михельсона или Михайлова, чтобы указать думѣ на необходимость почтить такого выдающагося дѣятеля.

Въ данномъ случаѣ вожаки думскаго большинства хотѣли что-то заявить своимъ нелѣпымъ постановленіемъ, кого-то вразумить или кого-то уязвить—ибо трудно думать, что наши домовладѣльцы и трактирщики, составляющіе суть думскаго представительства, вдругъ прониклись такимъ уваженіемъ къ нѣмецкой литературѣ; но этотъ кукишъ думскаго радикализма останется холостымъ выстрѣ-

ломъ. Господинъ же Михельсонъ не стяжаетъ себѣ славу одной изъ Problematische Natur нашего самоуправленія, такъ какъ цѣна сему дѣятелю давно извѣстна.

Манія протестовъ.

Одинъ изъ членовъ англійскаго клуба въ Екатеринославѣ поднялъ недавно вопросъ о томъ, достойно ли и прилично ли въ настоящее время, принимая во вниманіе образъ дѣйствій Англіи въ Трансваалѣ, именоваться клубу «англійскимъ»? Общее собраніе, на которомъ участвовало болѣе ста человѣкъ, весьма сочувственно отнеслось къ поднятому вопросу и, находя, что именоваться «англійскимъ» весьма зазорно (sic), постановило просить старшинъ клуба на будущее время въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ учрежденіями и лицами избѣгать слова «англійскій»...

Читаешь и руками разводишь! Что какому-нибудь единичному члену могла прійти подобная нелѣпость въ голову, весьма возможно, но непостижимо, какъ эту нелѣпость поддержали сто человѣкъ и не въ какомъ-нибудь жалкомъ захолустьѣ, а въ городѣ, гдѣ полтораста тысячъ жителей, богатое дворянство, высшее учебное заведеніе, много инженеровъ, техниковъ и т. д.

Начнемъ съ того, что многіе наши клубы называются англійскими или англійскими собраніями вовсе не въ честь Англіи или англичанъ, а потому, что первые клубы были учреждены въ Англіи и подъ словами «англійское собраніе» подразумѣвалось извѣстное понятіе.

Затѣмъ, если бы означенныя названія были установлены не какъ слова нарицательныя, а дѣйствительно въ честь англійской націи, то не понятно, почему Трансваальская война, которая не болѣе какъ эпизодъ въ длинной исторіи англійскаго народа и не одобряется значительною его частью, можетъ служить предлогомъ къ перемѣнѣ названія клубовъ.

Мало ли какіе народы вели несправедливыя или неудачныя войны. Съ нашей точки зрѣнія участіе Англіи въ Крымской войнѣ было еще несправедливѣе, чѣмъ желаніе господствовать въ Южной Африкѣ, но едва ли кому въ голову приходила т. гда дикая мысль мѣнять названіе клубовъ.

Для насъ Англія, разъ ея имя произносится съ почетомъ, вовсе не страна Чемберлэновъ, Родсовъ или Китченеровъ, а страна, которая шла и идетъ во главѣ европейской цивилизаціи; страна, родившая Шекспира, Ньютона, Бэкона, Байрона, не теряетъ своего значенія отъ той или другой колоніальной войны. За послѣднія сто лѣтъ англійскій

народъ, давшій Джемса Уатта, Стефенсона, Фарадея, Дарвина и Герберта Спенсера, имѣетъ право на первое мѣсто въ кругу цивилизованныхъ людей и на общее уваженіе, и конечно не екатеринославскимъ чудакамъ весьма зазорно «принадлежать къ такой» компаніи.

О казнокрадствѣ и взяткахъ.

Въ статьѣ «По поводу инженернаго процеса» въ «Новомъ Времени» высказана мысль, что казнокрадство и взяточничество зависятъ у насъ будто отъ существованія особыхъ инженерныхъ корпорацій и спеціальныхъ учебныхъ заведеній для инженеровъ. Стоитъ-де набирать техниковъ со всѣхъ сторонъ, не обращая вниманія на ихъ спеціальность, и устраивать какіе-то политехническіе институты, которыхъ ученики могли бы «сразу служить во всѣхъ вѣдомствахъ», и «попранные казенные интересы» воспрянутъ.

Позволяю себѣ, какъ инженеръ, хотя и принадлежавшій къ корпораціи,—что считаю для себя за величайшую честь, но казенныхъ интересовъ не поправшій, высказать нѣсколько мыслей по поднятому газетою весьма важному вопросу.

Прежде всего, такихъ политехническихъ институтовъ, откуда могли бы выходить техники всякаго

рода, не существуетъ. Было чистѣйшею нелѣпостью приготовлять одновременно, напримѣръ, моряковъ и горныхъ инженеровъ. Существующія политехническія школы готовятъ или технологовъ, или служатъ, какъ во Франціи, только ступенью для высшихъ спеціальныхъ заведеній; безъ послѣднихъ не обходится ни одно государство. Я не спорю, что хорошій спеціалистъ можетъ выйти изъ какой угодно школы, но онъ равнымъ образомъ можетъ явиться и вовсе безъ школы. Юлій Цезарь ни въ какой военной академіи не учился, Сократъ и Ксенофонтъ не имѣли атестатовъ даже прогимназіи, но ихъ нельзя, кажется, считать дураками, хотя по нынѣшнему направленію они умерли бы въ низшихъ чинахъ; Ксенофонтъ не былъ бы даже допущенъ на службу по акцизному вѣдомству, хотя написалъ знаменитую книгу объ экономіи.

Затѣмъ, казнокрадство и лихоимство не составляютъ отличительныхъ свойствъ ни корпорацій, ни спеціальныхъ училищъ, ни даже русскаго общества вообще. Таможенные и интендантскіе чиновники никакихъ корпорацій не образуютъ, таможенныхъ и интендантскихъ академій и институтовъ не существуетъ, между тѣмъ съ древнѣйшихъ временъ взиманіе таможенныхъ сборовъ и заготовки военныхъ припасовъ служили источниками безчисленныхъ злоупотребленій. Уже изъ египетскихъ па-

пирусовъ можно набрать по этой части болѣе поучительнаго, чѣмъ изъ процеса г. Авринскаго.

Воруютъ и берутъ взятки, къ стыду человѣчества, повсемѣстно. Уже на что Англія страна свободы и гласности; но въ сочиненіи де Франкевиля о желѣзныхъ дорогахъ приведены изумительныя, даже для нашихъ концесіонеровъ, примѣры того, какъ въ англійскомъ парламентѣ ни одна желѣзная дорога, ни одинъ водопроводъ, ни одно газовое общество не утверждается безъ того, чтобы прямо или косвенно не нужно было заплатить огромныхъ денегъ; проведеніе дѣла поглощаетъ иногда треть капитала. Во Франціи, гдѣ администрація и суды сравнительно довольно честны, панамскія и др. дѣла показали, что около половины депутатовъ въ парламентѣ берутъ взятки. Та же исторія въ Америкѣ; мнѣ положительно утверждали въ 1876 и 1880 гг. дѣловые люди, что подрядчики обыкновенно даютъ тамъ чиновникамъ 40% и что это называется «дисконтомъ». О воровствѣ депутатовъ въ Италіи, Венгріи, Португаліи, Греціи и др. странахъ и говорить нечего. Въ Греціи и Италіи, какъ показали процесы, нѣкоторые депутаты и гласные думы получали жалованье даже отъ шаекъ разбойниковъ, съ тѣмъ чтобы поддерживать ихъ «интересы» передъ судами и полиціей.

При чемъ во всѣхъ этихъ возмутительныхъ дѣ-

лахъ корпораціи, мундиры и спеціальныя школы? Я по опыту своей долголѣтней службы думаю, что, наоборотъ, общія училища и корпоративныя связи служатъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, устанавливая извѣстный надзоръ другъ за другомъ, уваженіе къ своему ремеслу и извѣстный шаблонъ порядочности. Потому-то Наполеонъ I, величайшій знатокъ людей и государственный умъ, и учредилъ инженерные корпуса.

Конечно и корпоративность представляетъ свои неудобства, но къ казнокрадству она никакого прямого отношенія не имѣетъ. Если говорятъ, что наши путейцы дурны, хотя я убѣжденъ, что они не хуже никакихъ другихъ въ свѣтѣ, то надобно доказать еще, что они стали хуже съ 1829 года когда былъ образованъ военный корпусъ путей сообщенія, взамѣнъ офицеровъ водяной комуникаціи, а доказать этого нельзя.

Я не хочу, однако, сказать, что все такъ хорошо, что остается лишь закрыть глаза и оставаться въ блаженномъ состояніи самодовольствія. Злоупотребленія, несомнѣнно, есть, и крупныя, но бороться съ ними надобно не перемѣною выпушекъ на мундирахъ и передачею школъ изъ одного вѣдомства въ другое,— для этого требуется средства подѣйствительнѣе. Надобно, во-первыхъ, не плодить, а ограничивать объемъ казеннаго хозяйства, надобно,

оставивъ чиновничью зависть, сознать, что въ нашъ вѣкъ вознагражденія инженеровъ должно быть несравненно выше, чѣмъ другихъ служащихъ. Никто не находитъ страннымъ платить пѣвцу двадцать тысячъ; почему же талантливый инженеръ, отъ котораго зависятъ милліонные убытки или барыши, долженъ вознаграждаться грошами. Такое вознагражденіе имѣло бы смыслъ, если бы государство подымало значеніе этого инженера, какъ человѣка, а оно, наоборотъ, заранѣе смотритъ на него какъ на плута и сочиняетъ цѣлую систему сложныхъ контролей. Контроль и формалистика одни изъ главныхъ источниковъ у насъ всѣхъ злоупотребленій; дѣло начинается съ обхода вздорныхъ преградъ и кончается воровствомъ. По нашимъ порядкамъ, лучше даже нанести казнѣ милліонъ ущерба нераспорядительностью, чѣмъ истратить сто рублей, нарушивъ извѣстныя мелочныя формальности. Первое никогда не взыскивается, а второе преслѣдуется съ ожесточеніемъ, подчасъ комическимъ.

Для успѣха дѣла надобно давать людямъ извѣстную свободу дѣйствій и пріучить пользоваться ею и затѣмъ относиться къ нимъ съ довѣріемъ. Конечно это не сдѣлается сразу, довѣріе не должно переходить въ слабость и безнаказанность и прежде всего на мѣста понадобится назначать по достоинству,

а не по протекціи. Во всякомъ случаѣ, только такая система обѣщаетъ что-либо. Она, впрочемъ, не касается однихъ инженеровъ,—наши порядки вообще не создаютъ «людей». Недаромъ одинъ изъ умнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ русскихъ людей, графъ Муравьевъ-Амурскій, писалъ разочарованный: «Въ Россіи нѣтъ человѣковъ, тамъ есть только генералы, полковники, капитаны и проч., и проч.».

О научной гордости.

Въ иллюстрированномъ приложеніи «Новаго Времени» г. Чеховъ, со словъ варшавскаго профессора В. П. Амалицкаго, производившаго раскопки близъ Котласа Вологодской губерніи допотопныхъ земноводныхъ, выражая опасеніе, какъ бы нѣмцы не похитили наши научныя богатства, увѣряетъ, что это тѣмъ легче, что ученыя раскопки въ Россіи можетъ производить всякій, кто только захочетъ.

«Къ сожалѣнію, — прибавилъ профессоръ, — у насъ, къ несчастію, нѣтъ закона, ограждающаго допотопныя сокровища. Всякій, кому угодно, бери лопату и копай сколько хочешь, но только съ разрѣшенія владѣльца земли... Въ Соколкахъ я поспѣшилъ заарендовать у крестьянъ землю и васъ тамъ къ раскопкамъ не допустятъ. А рядомъ на свободной землѣ копать и даже мнѣ мѣшать можете. Намъ слѣдовало бы и настоятельно слѣдовало бы издать охранительный законъ по этой части, пока

еще наши богатства не расхищены... Вотъ напишите-ка объ этомъ, доброе дѣло сдѣлаете»...

Гг. Амалицкій и Чеховъ весьма заблуждаются и никакого созданія новаго закона о новомъ *воспрещеніи* (ужасно у насъ любятъ воспрещать!) не требуется. По статьѣ 193-й Горнаго устава, соотвѣтствующей статьѣ 424-й Гражданскихъ законовъ, на частной землѣ не можетъ быть и рѣчи о раскопкахъ безъ дозволенія владѣльцевъ, и все найденное (даже клады) составляетъ его собственность. На земляхъ казенныхъ, свободныхъ, по статьѣ 272-й Горнаго устава, безъ особаго разрѣшенія дозволяется только поверхностное обозрѣніе мѣстности и собираніе образчиковъ породъ, никакія же раскопки не допускаются.

Значитъ, съ формальной стороны все уже ограждено. Но затѣмъ съ научной стороны, спрашивается, какая бѣда оттого, что какія-либо окаменѣлости достанутся въ руки нѣмцевъ или англичанъ? Вся *бѣда* будетъ въ томъ, что они будутъ скорѣе описаны и изучены. Наша Академія не успѣла разобрать матеріаловъ колекцій, собранныхъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія! То же и въ другихъ ученыхъ учрежденіяхъ. Вина не ихъ, а въ недостаткѣ денежныхъ средствъ и знающихъ людей. Такъ зачѣмъ же мы будемъ мѣшать другимъ народамъ изучать нашу страну.

Я понимаю, что документы и вещи по русской исторіи и археологіи желательно въ научныхъ же интересахъ сохранять по возможности въ Россіи, но гдѣ будутъ лежать кости допотопныхъ лягушекъ и ящеровъ — въ Москвѣ или Лиссабонѣ — для нашего «національнаго» самолюбія безразлично.

* * *

Слова эти вызвали возраженія г. Розанова, написавшаго въ защиту г. Амалицкаго цѣлый фельетонъ о недостаткѣ у насъ научной гордости. Въ отвѣтъ я написалъ:

Никогда я конечно не думалъ отрицать пользы имѣть музеи по возможности богатые и полные. Если бы Россія была вдвое богаче нынѣшняго, то ее можно бы было только поздравить. Это азбучная истина. Я находилъ лишь комическими опасенія, что какія-то ископаемыя будутъ увезены за границу и тамъ описаны иностранцами ранѣе, чѣмъ русскими учеными.

Свое равнодушіе я выводилъ изъ того, что наши научныя силы слишкомъ слабы относительно массы имѣющагося въ Россіи для разработки научнаго матеріала. Я указалъ между прочимъ на колекціи Академіи наукъ. Г. Розановъ принялъ это за указаніе на палеонтологическую ея колекцію, но современное состояніе послѣдней мнѣ не извѣстно; я разумѣлъ общеизвѣстный фактъ, что Академія не успѣла разобрать всѣхъ «портфелей Миллера», т. е.

драгоцѣннѣйшей колекціи матеріаловъ по русской исторіи, собранной еще въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Г. Розановъ полагаетъ, что 30,000 рублей въ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшили бы вопросъ о нашихъ научныхъ сокровищахъ. Въ дѣйствительности вопросъ не такъ простъ. Для храненія и разработки нашихъ научныхъ богатствъ нужны милліоны единовременныхъ затратъ, сотни тысячъ ежегодныхъ и сотни спеціалистовъ, горячо любящихъ свое дѣло. Деньги-то еще можетъ быть нашлись бы, но упомянутыхъ спеціалистовъ почти нѣтъ и ихъ вовсе не легко создать. Это не то, что нафабриковать при помощи чиновъ и льготъ по воинской повинности опредѣленное число юристовъ или техниковъ. Потому-то въ каждомъ отдѣльномъ краѣ Россіи число спеціальныхъ его изслѣдователей можно сосчитать по пальцамъ и они появляются со значительными промежутками времени.

На конкретномъ примѣрѣ я укажу, какъ трудна у насъ научная разработка матеріаловъ. Горное вѣдомство имѣетъ громадные, хорошо сохранившіеся архивы, представляющіе не только исторію техники, но и исторію русской колонизаціи, рабочаго вопроса и отчасти финансовъ. Не говоря о громадныхъ архивахъ на Уралѣ и въ другихъ мѣ-

стахъ, архивъ горнаго департамента состоитъ изъ 400,000 слишкомъ дѣлъ перваго разряда, т. е. назначенныхъ по закону для вѣчнаго храненія, въ томъ числѣ болѣе 80,000 большихъ томовъ дѣлъ бергъ-коллегіи. По числу книгъ эта библіотека равна почти трети Императорской Публичной библіотеки. Уже хранить такую массу документовъ требовалось бы большое зданіе, а для изученія и систематизированія ихъ надобны десятки лицъ. На дѣлѣ архивъ хранится въ разныхъ помѣщеніяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, частью въ подвалахъ или въ зданіяхъ, гдѣ бумаги рискуютъ сгорѣть, а весь штатъ архива состоитъ изъ двухъ лицъ и нѣсколькихъ писцовъ. Во что обошлось бы приведеніе его одного въ надлежащій видъ,—а такихъ архивовъ у насъ немало и всѣ они заслуживаютъ несомнѣнно вниманія.

Занимаясь въ молодости въ горномъ архивѣ, я конечно чувствовалъ къ нему нѣкоторое расположеніе, и когда имѣлъ власть въ горномъ вѣдомствѣ, то старался что-нибудь сдѣлать, но, увы, убѣдился, что это не такъ-то легко. Я не говорю объ ассигнованіяхъ на постройку зданій для архива или о штатѣ архиваріусовъ; объ этомъ и помыслить было нельзя для скромнаго горнаго вѣдомства. Еще въ 1876 г. оно само имѣло такое помѣщеніе, что я хотя занималъ должность VI класса, но не имѣлъ

даже своего стола; для него буквально не находилось мѣста, и я писалъ бумаги гдѣ попало, присѣвъ къ чужимъ столамъ. Съ тѣхъ поръ дѣлъ въ департаментѣ удвоилось, а помѣщеніе увеличилось на двѣ или на три комнаты.

Я хотѣлъ добиться улучшенія архива другимъ путемъ—привлеченіемъ научныхъ силъ, чтобы отобрать постепенно что есть въ архивѣ особенно цѣннаго, но убѣдился, что и этимъ путемъ толку не добьешься. И ранѣе разныя лица просили сами или приглашались къ занятіямъ въ архивъ, но кромѣ кражи автографовъ извѣстныхъ лицъ ничего изъ этого не выходило. На этотъ счетъ безцеремонность у насъ невѣроятная. Одинъ господинъ, сопровождавшій одно высокое лицо въ проѣздѣ въ 60-хъ годахъ черезъ Уралъ, вытребовалъ въ Екатеринбургѣ на домъ драгоцѣннѣйшія дѣла, касавшіяся Пугачевщины, увезъ ихъ съ собою, ни на какіе запросы не отвѣчалъ, въ заключеніе умеръ и дѣла пропали. Такъ если воруются связки дѣлъ не пьяными сторожами, а учеными, то что же говорить о покражѣ отдѣльныхъ документовъ. Поэтому-то наши заправскіе архивные чиновники, назначаемые изъ устарѣлыхъ исправныхъ чиновниковъ, такъ косо относятся ко всякимъ «научнымъ разработкамъ» архивовъ.

По случаю обѣщанія преміи въ 6,000 р. и по

случаю столѣтія Горнаго института, въ горномъ архивѣ работалъ одно время Хмыровъ, но результатовъ этой работы не было, такъ какъ оставшаяся послѣ его смерти рукопись по исторіи горнаго дѣла въ древней Россіи, изданная мною съ дополненіями, составлена по печатнымъ, а не по архивнымъ источникамъ. Безрезультатными остались и труды Б. В. Струве, собиравшаго въ архивѣ матеріалы для большой біографіи гр. Муравьева-Амурскаго.

Стараясь привлечь новыя силы, я и мой предмѣстникъ Н. А. Кулибинъ обращались къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, между прочимъ и въ археологическій институтъ. Я спрашивалъ какъ-то совѣта у кн. М. С. Волконскаго, интересовавшагося историческими трудами, нельзя ли привлечь кого-либо изъ братьевъ Барсуковыхъ, необыкновенному трудолюбію которыхъ я всегда удивлялся, но князь мнѣ объяснилъ, что этимъ талантливымъ труженикамъ нѣтъ расчета покидать Москву и что въ Петербургѣ не легко создать имъ соотвѣтствующее положеніе. Въ концѣ-концовъ былъ привлеченъ одинъ молодой ученый и ему назначено содержаніе; его послѣдующіе труды показали въ немъ талантливаго человѣка, но въ горномъ архивѣ, вслѣдствіе ли тяжелой обстановки для труда или чего другого, черезъ два года онъ составилъ лишь опись Высочайшихъ указовъ за семь лѣтъ про-

шлаго столѣтія, а ихъ столько, что послѣ того сорокъ томовъ именныхъ указовъ по одной только касоляной конторѣ я передалъ въ государственный архивъ на храненіе, такъ какъ эти указы касаются личныхъ расходовъ государей. Можно себѣ представить, сколько десятковъ лѣтъ тянулась бы работа моего молодого ученаго. Онъ и самъ отказался и уѣхалъ временно на Югъ. Послѣ него опять возобновилась работа по исправленію описей архива, оказавшихся весьма несоотвѣтствующими содержанію дѣлъ, но и эта капитальная работа требуетъ многихъ рукъ и очень свѣдущихъ людей, почему при малыхъ средствахъ исполнена быть не можетъ.

Наши университеты, какъ я убѣдился вновь, живя за границею, Богъ знаетъ за какими мало интересными задачами командируютъ своихъ ученыхъ въ разные концы Европы, между тѣмъ въ Россіи столько непочатаго дѣла. Въ богатомъ горномъ архивѣ за тридцать лѣтъ моей службы былъ одинъ единственный случай появленія университетскаго ученаго. Кіевскій университетъ командировалъ г. Удинцева для изученія посессіоннаго права, вопроса важнаго, но для Кіева и его района казалось бы никакого интереса не представлявшаго. Г. Удинцеву я открылъ не только архивы, но и всѣ дѣла департамента; къ сожалѣнію,

онъ хотя и работалъ нѣкоторое время, но не исчерпалъ и сотой части богатыхъ матеріаловъ, касающихся посессіоннаго вопроса, написалъ же свою книгу — диссертацію — по заранѣе предвзятымъ идеямъ, такъ что работа его, хотя и любопытная, для юристовъ практическаго значенія не имѣетъ.

Приведенный примѣръ показываетъ, что намъ нечего плакать о недостаткѣ научныхъ матеріаловъ: ими мы скорѣе затоплены, и жалѣть, что тотъ или другой матеріалъ, будь это остовъ ящера, или архивный документъ, попадетъ въ руки иностранцевъ или въ иностранное хранилище. Плакать нужно скорѣе о полномъ равнодушіи къ научнымъ трудамъ со стороны нашей ученой молодежи. Напрасно г. Розановъ думаетъ, что «вопросъ не въ недостаткѣ знающихъ людей» и что стоитъ только «дать средства», чтобы найти сколько угодно русскихъ ученыхъ.

Въ защиту русскаго дворянства.

А. С. Суворинъ въ одномъ изъ своихъ маленькихъ писемъ говоритъ:

Читаю, читаю о дворянствѣ и думаю: да было ли дворянство сельско-хозяйственнымъ сословіемъ? Исторія представляетъ намъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей изъ дворянства на всѣхъ поприщахъ. Но имена знаменитыхъ сельскихъ хозяевъ, такія имена, которыя бы

двинули сельскую культуру, которыя бы сдѣлали для сельскаго хозяйства, ну, хоть десятую долю того, что дворянство сдѣлало для литературы — гдѣ они? Я не знаю этихъ именъ и былъ бы доволенъ, еслибъ кто мнѣ ихъ указалъ.

Я ожидалъ, что на заданный вопросъ поспѣшатъ отвѣтить наши профессора сельскаго хозяйства или по крайней мѣрѣ специальный, какъ онъ себя считаетъ, органъ дворянства «Гражданинъ», но молчаніе ихъ вынуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ, хотя я вовсе не специалистъ по сельскому хозяйству и свѣдѣнія мои обусловливаются изученіемъ экономической исторіи Россіи вообще. При этомъ не могу не выразить сожалѣнія и удивленія, что у насъ, гдѣ печатается столько пустыхъ и ненужныхъ книгъ, до сихъ поръ нѣтъ еще исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи.

Прежде чѣмъ отвѣчать по существу, я напомню г. Суворину, что до 1762 г. наше дворянство поголовно несло обязательную военную службу. Оно было тогда главнымъ образомъ служилымъ сословіемъ и въ деревню ѣхали лишь калѣки или люди, потерявшіе силы, оставались же въ деревнѣ больные или лодыри, отлынивавшіе отъ какой угодно дѣятельности. При такихъ условіяхъ, конечно, трудно было ожидать отъ помѣстнаго дворянства, самыя права котораго на землю далеко не были прочны, какого-либо научнаго прогреса въ агрономіи.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и въ Западной Европѣ въ это время далеко было до совершенства. Въ самой Англіи, которую принято считать первою страною по отличному состоянію земледѣлія, до половины прошлаго столѣтія хозяйство велось трехпольное и скотоводство было въ пренебреженіи. На континентѣ это состояніе продолжалось до начала нынѣшняго столѣтія.

Первое сельскохозяйственное общество во Франціи основано въ 1761 г., въ Германіи въ 1762 г., въ Россіи подобное общество—Вольно-Экономическое, съ цѣлью улучшенія сельскаго хозяйства, было основано уже въ 1765 г., и съ тѣхъ поръ многіе помѣщики стали усердно заботиться о раціональной культурѣ, а также о развитіи побочныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Десятки обществъ сельскаго хозяйства, основанныя при крѣпостномъ еще трудѣ, показываютъ, что число лицъ, понимавшихъ пользу для сельскаго хозяйства отъ науки, считалось и тогда сотнями и тысячами.

Вообще, признавать крѣпостной трудъ рѣшительнымъ препятствіемъ агрономическому прогресу нѣтъ основанія. Безъ сомнѣнія, крѣпостное состояніе имѣло много дурныхъ сторонъ, но оно имѣло и хорошія. Оно прекратило бродяжничество, водворило болѣе прочные полицейскіе порядки, самое же главное, сто тысячъ помѣщичьихъ усадьбъ служили куль-

турными центрами (конечно, очень разнообразнаго достоинства), вокругъ которыхъ населеніе пріобрѣтало разнообразныя познанія. Если наше хозяйство было всетаки сравнительно отсталымъ, то причина тому заключалась не столько въ обязательномъ трудѣ, сколько въ недостаткѣ сбыта за отсутствіемъ путей сообщенія и отсутствія потребленія на мѣстѣ.

Раціональный сѣвооборотъ предполагаетъ культуру корнеплодныхъ, а ихъ сбытъ возможенъ только на мѣстѣ, почему въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ значительныхъ городскихъ центровъ, большихъ фабрикъ и заводовъ, многопольная система не представляетъ выгодъ. То же касается и до огородничества и садоводства. Климатическія условія съ своей стороны препятствуютъ въ средней и сѣверной Россіи успѣхамъ сельскохозяйственной культуры.

Во всякомъ случаѣ, вотъ нѣсколько требуемыхъ г. Суворинымъ именъ.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія В. А. Левшинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ помѣщиковъ того времени, началъ искусственное травосѣяніе. По его стопамъ шелъ А. П. Болотовъ. Но истиннымъ основателемъ полевого травосѣянія въ Россіи надобно считать Д. М. Полторацкаго, хозяйничавшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Калужской и Тульской губ. Другой не менѣе замѣчательный и самостоятельный дѣятель по травосѣянію былъ И. И. Самаринъ, помѣщикъ Ярославской губ. Благодаря трудамъ этихъ лицъ, въ посѣвахъ клевера русскіе хозяева опередили даже остзейскихъ помѣщиковъ. Въ большомъ видѣ первый ввелъ посѣвы люцерны — гр. Бобринскій въ Смѣлѣ, Кіевской губ., эспарцета—помѣщики Харьковской губ. Гордѣенко и Екатеринославской гр. Мусинъ-Пушкинъ, шпергеля—кн. Барятинскій и Гусятниковъ, костера—Поповъ въ Орловской губерніи.

Графъ В. Г. Орловъ, младшій братъ екатерининскихъ Орловыхъ, славился какъ отличный хозяинъ; въ его имѣніяхъ еще въ прошломъ столѣтіи крестьяне работали по уставнымъ грамотамъ, а имѣніе Отрада, Подольскаго уѣзда, до сихъ поръ замѣчательно своимъ порядкомъ.

Къ числу главныхъ пропагандистовъ плодопеременнаго хозяйства надобно отнести знаменитаго графа П. С. Мордвинова, Д. П. Шелехова, хозяйничавшаго въ 30-хъ годахъ въ своемъ имѣніи Фроловѣ, и зарайскаго помѣщика М. И. Титова. Помѣщики Адашевъ и Муравьевъ усовершенствовали способъ кошенія ржи. Князь В. И. Васильчиковъ по выходѣ въ отставку довелъ въ своемъ селѣ Трубетчикѣ, Тамбовской губ., хозяйство до такого блестящаго состоянія, что молодые агрономы ѣздили учиться тамъ черноземному хозяйству. Село Мохо-

вое въ Тульской губ. І. А. Шатилова десятки лѣтъ считается такимъ же образцовымъ для сѣверной безлѣсной мѣстности. Замѣчательно было также хозяйство съ рядомъ новыхъ опытовъ Долино-Ивановскаго въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губ.

В. Н. Ланскому одному изъ первыхъ принадлежитъ честь воздѣлыванія въ Россіи въ большомъ видѣ картофеля.

А. Н. Энгельгардтъ, Куломзинъ и Ермоловъ распространили употребленіе русскихъ фосфоритовъ. Первый изъ нихъ раціональными пріемами на самой скудной почвѣ Смоленской губ. получилъ урожаи высшіе, чѣмъ даетъ черноземъ.

Въ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства точно также дворяне шли всегда во главѣ прогреса. Заводскому коннозаводству начало положилъ князь Меншиковъ и графъ Кир. Разумовскій. Кто не знаетъ, что знаменитыя рысистыя лошади созданы графомъ А. Г. Орловымъ. Имена графа Ростопчина, Воейкова, Петровскаго, Мосолова, Охотникова и многихъ другихъ коннозаводчиковъ-дворянъ всѣмъ извѣстны.

Въ русскомъ тонкорунномъ овцеводствѣ иниціаторомъ еще при Петрѣ Великомъ былъ Кологривовъ; смоленскій помѣщикъ бар. Черкасовъ первый завелъ овецъ, отъ которыхъ можно было имѣть шерсть для гребенной пряжи. Тонкорунное овце-

водство впервые заведено гр. Румянцевымъ въ Гомелѣ; затѣмъ слѣдовали бар. Меллеръ-Закомельскій, Хлоповъ, кн. Кочубей, Гарденинъ (въ періодъ съ 1803 по 1809 гг.), кн. С. П. Гагаринъ, Сомовъ и мн. др.

Свеклосахарное дѣло создано у насъ Н. П. Шишковымъ и графомъ А. А. Бобринскимъ. Первый ввелъ горячую вымочку свекловицы, а послѣдній всю жизнь работалъ надъ улучшеніемъ земледѣльческихъ орудій, необходимыхъ при культурѣ свеклы. Его плугъ и сѣялка въ своемъ родѣ замѣчательныя орудія.

Князь Мещерскій первый въ 1795 г. ввелъ сыровареніе въ Россіи. Путята, помѣщикъ Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, вывелъ образцовое молочное стадо крупнаго рогатаго скота изъ обыкновенныхъ туземныхъ коровъ.

Скаржинскій на югѣ Россіи замѣчателенъ былъ не только какъ образцовый хозяинъ, но и по водворенію лѣсоводства въ степныхъ мѣстностяхъ.

В. П. Врасскій, помѣщикъ Новгородской губерніи, въ 1855 году первый ввелъ въ Россіи искусственное рыборазведеніе.

Винодѣліе болѣе всего обязано кн. Воронцовымъ, Бороздину, кн. Голицыной и Княжевичамъ въ Таврической губ. Хмелеводство возстановлено въ Россіи трудами Н. И. Желѣзнова, пчеловодство Бут-

лерова. По части садоводства замѣчательны труды Раевскаго, Богдановыхъ (въ Курской губ.) и др.; по культурѣ льна—А. Ф. Быченскаго (въ Полтавской губ.) и гр. Ростовцева (въ Ярославской губ.). Торфяное производство обязано своимъ развитіемъ дѣятельности, въ 30-хъ годахъ, тверского помѣщика А. И. Коренева.

Въ области земледѣльческой механики универсальный почвообработникъ Христофорова пріобрѣлъ громкую извѣстность въ Англіи и во Франціи. Графиня Строганова на свой собственный счетъ основала земледѣльческое училище, истративъ на него болѣе 1½ милл. рублей.

Вышеозначенный списокъ можно удвоить и утроить, если просмотрѣть «Труды Вольно-Экономическаго Общества» за сто лѣтъ или «Земледѣльческую Газету» за 50 лѣтъ. Такъ какъ я взялся уже быть адвокатомъ нашего дворянскаго сословія, то кстати сниму и еще одинъ упрекъ, постоянно ему дѣлаемый: именно, зачѣмъ оно полученныя ссуды подъ землю (а ранѣе подъ души) только малою частью употребляло на улучшеніе сельскаго хозяйства. По этому поводу могу замѣтить, что Россія и въ этомъ случаѣ ровно ничѣмъ не отличается отъ другихъ странъ. Даже въ Германіи въ настоящее время вычислено, что едва одна десятая полученныхъ изъ земельныхъ банковъ ссудъ употребляется для улуч-

шенія имѣній, остальная идетъ на другія надобности, главнымъ образомъ для семейныхъ раздѣловъ, затѣмъ для пріобрѣтенія городской собственности и для помѣщенія денегъ въ бумаги, болѣе прибыльныя, чѣмъ доходъ отъ земли.

*
* *

На вышеприведенную статью отозвался г. Стаховичъ. На его замѣчанія я отвѣчалъ:

Я не совсѣмъ понимаю цѣли поправки къ моему письму г. Стаховича. Онъ упрекаетъ меня, зачѣмъ я не упомянулъ о Петрѣ Великомъ, герцогѣ Биронѣ и В. Шишкинѣ, крѣпостномъ человѣкѣ графини Орловой-Чесменской. Да развѣ это русскіе дворяне? У меня въ письмѣ шла рѣчь объ услугахъ дворянства сельскому хозяйству, я и цитировалъ дворянскія имена. А затѣмъ всѣмъ извѣстно, что и правительство, и нѣмцы, и крестьяне также оказали большія услуги русскому сельскому хозяйству и что здѣсь также не трудно цитировать нѣсколько именъ, но это не входило въ мою задачу.

Удивляюсь, что г. Стаховичъ, хотя и коннозаводчикъ, не знаетъ о трудахъ по коннозаводству князя Меншикова, который былъ большимъ любителемъ лошадей и знатокомъ коннозаводства и неоднократно дарилъ Петру I прекрасныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, выращенныхъ на собственныхъ заводахъ. Но еще болѣе удивляюсь, что

г. Стаховичъ увѣряетъ, будто «начало правильному коневодству въ Россіи» положено Петромъ I, который «сталъ» заводить конные заводы».

Конные заводы существовали въ Россіи съ незапамятныхъ временъ. Уже въ XIV столѣтіи различаются въ лѣтописяхъ кони воинскіе, ролейные (рабочіе) и поводные (обозные). У московскихъ князей въ разныхъ имѣніяхъ были конскіе заводы, для которыхъ жители были обязаны дѣлать помѣщенія и давать пастбища. Со временъ Ивана III мѣры правительства по части улучшенія коневодства пріобрѣтаютъ болѣе систематическій характеръ: были устроены государственныя конюшни, пріобрѣтены насчетъ государевой казны лучшіе производители и раздавались монастырямъ и боярамъ для улучшенія ихъ конныхъ заводовъ. При Василіѣ Ивановичѣ въ 1511 г. былъ учрежденъ особый «конюшенный приказъ», на обязанности котораго лежало попеченіе объ улучшеніи отечественнаго коневодства. Это первообразъ того главнаго управленія Государственнаго Коннозаводства, членомъ совѣта коего, если не ошибаемся, состоитъ одинъ близкій родственникъ г. Стаховича.

При Иванѣ Грозномъ получили начало «конюшенныя слободы», гдѣ преимущественно разводились восточныя расы. Наконецъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ коннозаводство получило лучшую организацію, причемъ ежегодною выпискою большаго числа лошадей восточныхъ породъ заботились объ улучшеніи конскихъ заводовъ. Тогда же было обращено вниманіе и на поднятіе сѣвернаго коневодства, для чего *впервые* (а вовсе не при Петрѣ Великомъ, какъ полагаетъ г. Стаховичъ *) выписаны знаменитые уже въ то время жеребцы прибалтійскихъ клепперовъ, послужившіе родоначальниками извѣстныхъ вятокъ, обвинокъ и казанокъ.

Блага науки.

Non! La Science — la Science! —
Donnera—compte là-dessus.
Aux crétins de l'intelligence
Et redressera les bossuss.
François Coppée.

Государственные люди различныхъ странъ все болѣе и болѣе обращаютъ вниманія на возростающее количество умственнаго пролетаріата, являющагося послѣдствіемъ дурно организованной системы воспитанія и привилегій высшему образова-

*) Петръ I выписывалъ въ концѣ царствованія доппель-клепперовъ изъ Эстляндіи, но онъ повторялъ только предшествовавшіе опыты.

нію, основаннымъ, какъ справедливо замѣтилъ Гербертъ Спенсеръ, на предразсудкѣ, будто книжное образованіе—самое лучшее.

И у насъ, хотя образованіе, а тѣмъ болѣе воспитаніе только слегка коснулось массы народа, умственный пролетаріатъ даетъ себя чувствовать. Курьезное на этотъ счетъ слушалось, въ Одессѣ, въ окружномъ судѣ, дѣло о двухъ литераторахъ, которымъ, за недостаткомъ умственнаго труда, представлялась такая альтернатива: или таскать мѣшки въ гавани, или заниматься газетнымъ шантажемъ.

Главное послѣдствіе умственнаго пролетаріата—это неистовая погоня за мѣстами, въ особенности въ казенной и общественной службѣ. Эта погоня замѣчается повсюду.

Въ «Economiste Français» мы нашли нѣсколько фактовъ, которые могутъ служить отличной иллюстраціей къ безконечному спору доктринеровъ и народниковъ о томъ, насколько выигрываетъ или проигрываетъ масса отъ приложенія къ ней всякихъ чудесъ современной цивилизаціи и связаннаго съ послѣдней правоваго порядка, гдѣ будто бы все исключительно приспособляется къ интересамъ большинства и къ благу меньшей братіи.

Всѣ государства заботятся чрезвычайно о распространеніи образованія. Стремленіе самое, конечно, законное; но вотъ одна изъ сторонъ этого самаго

распространенія, разъ оно дѣлается съ закрытыми глазами, щедро, но кое-какъ.

Изъ статистики, изданной французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, видно, что въ концѣ 1889 г. въ одномъ департаментѣ Сены числилось кандидатовъ съ надлежащими дипломами на полученіе должностей учителей народныхъ школъ 8,932, а свободныхъ вакансій учительскихъ мѣстъ имѣлось 129. Къ чему, спрашивается, учились эти люди, если и во сто лѣтъ они не найдутъ приложенія своихъ познаній?

Та же исторія съ чиновниками. Французское министерство финансовъ объявило конкурсъ на 12 вакансій сверхштатныхъ чиновниковъ—commis stagiaires. Немедленно явилось къ экзамену 126 конкурентовъ, всѣ съ дипломами кандидатовъ, магистровъ и даже докторовъ, иные имѣли по два диплома, т. е. по двумъ факультетамъ—словесности и точныхъ наукъ. Экзамены для кандидатовъ письменные и устные очень трудны, ихъ навѣрное не выдержало бы большинство французскихъ законодателей. 12 счастливцевъ, попавшихъ въ комплектъ, имѣютъ въ виду блаженство состоять въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сверхштатными чиновниками съ жалованіемъ по 35 р. въ мѣсяцъ, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ получаютъ въ Парижѣ кучера и лакеи въ ресторанахъ.

Та же исторія въ другихъ странахъ. Въ Италіи, когда министръ почтъ и телеграфовъ объявилъ, что открываетъ конкурсъ на 60 мѣстъ почтальоновъ, то представилось 11,000 кандидатовъ, въ томъ числѣ 200 человѣкъ имѣли университетскіе дипломы! Въ Вѣнѣ врачи получаютъ уже по 6 коп. за визитъ у себя на дому и 12 коп. на дому у паціента, т. е. менѣе, чѣмъ должно платить въ Вѣнѣ посыльнымъ за простое порученіе.

Въ Германіи, въ Силезіи, въ городкѣ Гогенфридсбергенѣ открылось въ думѣ мѣсто съ жалованьемъ въ 750 марокъ въ годъ. Сейчасъ же явилось шестьдесятъ два кандидата. Въ числѣ просившихъ мѣсто лицъ были: бывшій инспекторъ минеральныхъ водъ, журналистъ, два разорившихся домовладѣльца, четыре агронома, три учителя, маіоръ и два лейтенанта, отставной мировой судья, почтовый чиновникъ, докторъ философіи, два писца, одинъ горный инженеръ, два жандарма, одинъ унтеръ-офицеръ, два кандидата правъ, около тридцати мелкихъ служащихъ и, наконецъ, одинъ балетный танцовщикъ! И все это изъ-за трехсотъ рублей въ годъ!

Парижская префектура опубликовала отчетъ о числѣ имѣющихся у нея по службѣ свободныхъ вакансій и числѣ записанныхъ на эти мѣста кандидатовъ. Оказывается, что на 12 мѣстъ помощниковъ столоначальниковъ имѣлось 3,126 кандидатовъ, на мѣсто четырехъ писцовъ 2,643 кандидата, на 20 мѣстъ смотрителей школъ 2,643 кандидата, на 8 мѣстъ завѣдывающихъ продажею табака 2,679 кандидатовъ, на 7 мѣстъ въ Mont de Pieté 1,272 кандидата, на 165 мѣстъ въ городской таможнѣ (octroi) 2,773 кандидата, и т. д., и т. д.

Число кандидатовъ въ учителя еще многочисленнѣе: на 42 мѣста учителей записалось уже 1,847 лицъ, на 54 мѣста учительницъ—7,139 кандидатокъ! Замѣчательно, однако, что на вакансію преподавателя ручного труда не имѣлось ни одного кандидата.

На избытокъ интеллигенціи жалуются даже въ скромной Даніи. И тамъ не всѣ студенты обѣдаютъ ежедневно и по окончаніи курса поступаютъ въ кельнеры въ ресторанахъ!

Въ арміи республики Гаити имѣется 6,500 дивизіонныхъ генераловъ, 7,000 офицеровъ и 6,500 солдатъ. Безсмысленная фабрикація «интеллигентовъ» угрожаетъ изъ всего европейскаго общества сдѣлать своего рода гаитскую армію.

Дѣйствительно, если цивилизація пойдетъ по прежнему пути, то мало-по-малу дойдутъ до того, что на одного дровосѣка будетъ сто профессоровъ безъ мѣста и занятіе ручнымъ трудомъ сдѣлается своего рода аристократіей. Впрочемъ, и теперь по-

вара и жокеи даже въ Петербургѣ цѣнятся гораздо выше, чѣмъ технологи или юристы.

Извѣстно, что на должности сидѣльцевъ въ винной монополіи, или по старой терминологіи цаловальниковъ, явилось и у насъ множество лицъ съ высшимъ образованіемъ, институтокъ и даже полковниковъ.

Блага юстиціи.

Идеалъ юстиціи—равенство для всѣхъ, быстрота и доступность. Хотя двадцать лѣтъ назадъ былъ изданъ во Франціи особый законъ, который для продажи имуществъ по требованію судебныхъ и административныхъ мѣстъ отмѣнилъ гербовыя и актовыя пошлины и уменьшилъ вознагражденіе судебныхъ приставовъ, но до сихъ поръ при подобной продажѣ имущества въ 100 рублей надобно заплатить 137 рублей разныхъ сборовъ и вознагражденій по таксѣ!

Слѣдующій примѣръ еще поучительнѣе, особенно для насъ, по случаю споровъ о необходимости возможныхъ «гарантій» въ судопроизводствѣ земскихъ начальниковъ.

Въ Алжирѣ три араба вмѣстѣ жали хлѣбъ, два складывали копны вмѣстѣ, третій отдѣльно. Этотъ послѣдній задолжалъ европейцу и тотъ по ошибкѣ

описалъ за долгъ копны двухъ другихъ арабовъ. Тѣ обратились къ европейскому мировому судьѣ. Черезъ четырнадцать мѣсяцевъ, по исполненіи всѣхъ необходимыхъ формальностей, арестъ былъ снятъ, причемъ два араба заплатили разныхъ судебныхъ расходовъ 570 франковъ, а виновный европеецъ 1,330 франковъ, итого 1,900 франковъ, т. е. 615 рублей, между тѣмъ цѣнность заарестованныхъ копенъ была около 300 рублей. Надобно прибавить еще, что европеецъ не былъ еще присужденъ къ уплатѣ проторей-убытковъ арабамъ, такъ какъ арестовалъ чужой хлѣбъ по недоразумѣнію.

Въ Алжирѣ дѣйствуютъ еще мусульманскіе суды и если бы въ дѣлѣ не былъ замѣшанъ европеецъ, то процесъ немудрымъ мусульманскимъ судомъ былъ бы рѣшенъ въ недѣлю и обошелся бы всего въ 27 фр. 50 сант., т. е. въ 10 рублей.

Но что сказала бы тогда доктрина и что подумалъ бы на томъ свѣтѣ Монтескье!

Что такое счастье?

Редакція «Петербургской Газеты» проситъ меня опредѣлить, что такое счастье? Для меня «счастье» состояло-бы въ томъ, чтобы не отвѣчать на такой мудреный вопросъ, о которомъ новое могъ-бы сказать развѣ великій философъ.

Величайшій изъ философовъ Эммануилъ Кантъ опредѣлилъ счастье такимъ образомъ: «идеалъ, который представляетъ полное и продолжительное удовлетвореніе всѣхъ потребностей нашей натуры, идеалъ, который мы преслѣдуемъ, но никогда не достигаемъ». Тонкія мысли о счастьѣ высказалъ Сенека.

Точнѣе опредѣлили его Шатобріанъ и Дидро. По мнѣнію перваго, раздѣляемому Пушкинымъ, счастье, — это привычка. Дидро не менѣе скептически, но болѣе цинично опредѣлилъ счастье человѣка исправнымъ дѣйствіемъ желудка по утрамъ. Пушкинъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ и изложилъ его извѣстными стихами, не попавшими, конечно, въ полное собраніе сочиненій.

Искусство быть счастливымъ лучше всѣхъ опредѣлилъ греческій философъ Эпиктетъ: «Не требуй,— говоритъ онъ, — чтобы событія шли согласно твоимъ желаніямъ, но соображай твои желанія согласно событіямъ, и ты будешь счастливъ». Это мораль, которою руководятся оппортунисты всѣхъ временъ и народовъ, и повсюду имъ принадлежатъ и власть, и деньги, о коихъ остроумно было замѣчено, что «если деньги не дѣлаютъ людей счастливыми, то очень содѣйствуютъ ихъ счастью»; при этомъ—замѣчу уже отъ себя,—все равно, какія деньги, кредитныя или металлическія, съ курсомъ фиксированнымъ или колеблющимся.

Мелочи.

Въ Юридическомъ обществѣ г. Спасовичъ доказывалъ, что жителямъ по сю сторону Урала (понимай русскимъ) ссылка въ Сибирь весьма здорова, это чуть не прогулка, но она ужасна для жителей Кавказа, Крыма, Царства Польскаго и другихъ теплыхъ странъ. Причисленіе поляковъ къ жителямъ жаркихъ странъ было бы комично, если бы задняя мысль г. Спасовича не была ясна. На это можно отвѣчать только, что хотя между поляками, а особенно интеллигентными, не мало «теплыхъ» ребятъ, но это не дѣлаетъ ихъ страну теплѣе доброй половины Россіи или, по географіи г. Спасовича, «страны по сю сторону Урала».

* * *

Я не понимаю, что нашла «курьезнаго» редакція «Новаго Времени» въ письмѣ какого-то нѣмца изъ Диршау о томъ, какъ слѣдуетъ писать фамилію нашего знаменитаго драматурга. По мнѣ это было до сихъ поръ единственное серьезное разсужденіе о предметѣ.

Частица *von* есть титулъ, обличающій дворянское происхожденіе, указаніе, какой рыцарской землей владѣлъ предокъ. Гдѣ же и когда титулы для лучшей національзаціи сливались съ фамиліей? Я

понимаю требованіе Пушкинымъ писанія: Фонвизинъ только какъ остроумную шутку. Но серьезно нельзя доказать пользу включенія титула. Извѣстная фамилія графовъ Адлербергов, шведскаго происхожденія, теперь, напримѣръ, совершенно обрусѣла. Неужели имѣло бы смыслъ писать впредь ее Графадлербергъ? А не то ли же самое является со включеніемъ частички фонъ къ имени Визина?

Что авторъ «Недоросля» былъ душою русскій человѣкъ, никто, конечно, не усомнится, но что онъ происходилъ изъ нѣмцевъ — скрыть нельзя, куда бы, взадъ, впередъ или слитно не переставлять его нѣмецкаго дворянскаго титула. Да, наконецъ, развѣ это первый примѣръ претворенія иностранца въ русскаго? Много ли ужъ такъ у насъ чисто русскихъ знаменитостей? Всѣ знаютъ, что въ жилахъ Пушкина текла негритянская кровь, Жуковскаго — турецкая, Аксаковыхъ — татарская, гр. Толстого течетъ нѣмецкая и т. д., и т. д. Да и все великорусское племя, создавшее Россію, не есть ли помѣсь славянъ съ финнами и отчасти тюркскими племенами?

Когда венгерскіе патріоты (больше изъ жидовъ) *переводятъ* свои фамиліи съ нѣмецкаго на мадьярскій (у насъ поступилъ такъ Востоковъ — Остенъ) или когда изъ преклоненія передъ западною культурою русскіе купцы въ Ригѣ свои фамиліи переводили на иностранныя (Гребенщиковъ въ Камеля и т. п.), или театральная дирекція переименовала балетмейстера Лѣсогорова въ Валберха, то это имѣетъ объясненіе, хотя нисколько не похвально. Но какой смыслъ, квасного патріотизма ради, коверкать нѣмецкое имя, до сихъ поръ существующее?

* * *

Образчикъ французовъ, описывавшихъ, что въ Россіи есть espèce d'un chien nommée sobaka, повидимому не умеръ. Въ «Nouvelle Revue», издаваемомъ г-жею Аданъ, бывшей въ Россіи, и отставнымъ профессоромъ г. Ціономъ, помѣщался романъ якобы изъ русской жизни: «Le landgrave de Turovopolye», подписанный г-жею Мари Ленже-Марле, урожденной Копъ. Вотъ отрывокъ изъ этого романа. Дѣло идетъ о томъ, какъ князь Одоевскій на четверкѣ (tschetvorka) поѣхалъ на балъ въ hôtel Bibikow, гдѣ собралось «une société choisie»:

«Дымъ папиросъ туманомъ заволакивалъ великолѣпныя люстры. Красивыя дамы въ шелковыхъ платьяхъ и въ кацавейкахъ, съ папиросами въ зубахъ, съ утомленнымъ видомъ покоились на маленькихъ креслахъ. Кавалеры въ придворныхъ и блестящихъ военныхъ мундирахъ безъ стѣсненія склонялись въ разговорахъ надъ очаровательными свѣтскими женщинами. Тутъ были видны велико-

лѣпные иностранные типы: татаръ, самоѣдовъ, черкесовъ, индійцевъ; они, какъ русскіе и поляки, одинаково подчинялись французскому этикету»...

Красавецъ-самоѣдъ въ придворномъ мундирѣ! Ай-да г-жа Ленже-Марле, урожденная Копъ.

*
* *

Г. Краевскій пріобрѣлъ лѣтъ на тридцать знаменитость переводомъ doyen d'age словами: дойенъ д'аге съ объясненіемъ, что такой былъ чинъ въ древней Франціи. Оказывается, что «Гражданинъ», такъ любящій мѣшать нижегородское съ французскимъ, не сильнѣе этого. Образчикомъ познанія газеты князя Мещерскаго могутъ служить поистинѣ изумительныя корреспонденціи изъ Парижа. Тутъ что ни строка, то перлъ. Orgue de Barbarie (шарманка) переведена напримѣръ: варварійская оргія! Это совсѣмъ подъ пару дойенъ д'аге.

~~~~~~

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ.

(бюрократическая сказка).

Василій Ивановичъ Перетычкинъ, помощникъ столоначальника 3-го стола распорядительнаго отдѣленія департамента напрасныхъ надеждъ и обманутыхъ ожиданій министерства государственныхъ заблужденій, сильно запоздалъ на службу и сѣлъ за свой столъ, когда уже курьеръ съ двумя медалями на шеѣ звучнымъ басомъ съ оттѣнкомъ винной монополіи прокричалъ по всѣмъ отдѣленіямъ: «Директоръ пришелъ!»

Перетычкинъ, тридцать пять лѣтъ отличавшійся акуратностью по службѣ, запоздалъ потому, что въ Коптилкѣ, какъ издавна называется у чиновниковъ Благородное Собраніе, вечеромъ подсѣли къ нему, желая выпытать какую-то справку о положеніи устава общества электрическаго замораживанія морошки, путеецъ-полякъ Продувайло, только что окончившій какія-то изысканія питательныхъ вѣтвей
~~~~~~

на Шантарскихъ островахъ, и армянинъ Малхамузовъ, подрядчикъ по перевозкѣ пустыхъ ящиковъ изъ-подъ галетъ изъ укрѣпленія Навагинскаго въ гор. Улеаборгъ и обратно. Они интересовались, будетъ ли дана учредителямъ общества просимая премія съ пудо-версты морошки согласно какой-то «схемѣ» и «формулѣ» *). Перетычкинъ, получившій «домашнее воспитаніе», могъ свободно «повторить» очищенной до двѣнадцати рюмокъ, но отъ шампанскаго его съ непривычки скоро мутило и послѣ таинственныхъ разговоровъ, изъ которыхъ вопрошатели узнали только, что дѣло начальникъ отдѣленія заперъ къ себѣ въ столъ и никого къ нему не подпускаетъ, онъ, придя домой очень поздно, проспалъ, видѣлъ во снѣ и «схему» и «формулу» въ видѣ старыхъ полногрудыхъ бабъ и опоздалъ потому на службу.

Перетычкину было неловко, ибо хотя всѣ чиновники опаздываютъ на службу, но онъ недавно еще собственноручно расписался на десятомъ, кажется, постановленіи директора о томъ, что впредь опаз-

*) По этому поводу не могу не припомнить, что когда въ одной изъ безчисленныхъ комиссій спросили у купцовъ, по какой «формулѣ» имъ выгоднѣе возить муку, то одинъ крупный мукомолъ всталъ и сказалъ: «Никакой формулы, ваше превосходительство, намъ не требуется, а просимъ оказать мукѣ почтеніе».

дыванія допускаться не будутъ и виновные лишатся къ праздникамъ «остатковъ». Остатки же, какъ извѣстно, составляютъ важнѣйшій, чуть ли не гамлетовскій вопросъ чиновничьяго существованія, и скорѣе англійская королева рѣшится отмѣнить конституцію, чѣмъ у петербургскихъ чиновниковъ отнимутъ остатки. Это будетъ послѣднимъ днемъ гнилаго Петербурга, какъ былъ когда-то послѣдній день Помпеи.

Сѣвъ за столъ, Перетычкинъ, по примѣру другихъ чиновниковъ, обложился кипами дѣлъ. Онъ не хотѣлъ, однако, подобно остальнымъ товарищамъ, начать съ куренія трехъ папиросъ и чтенія газеты «Душа портерной», а прямо взялся за работу. Пододвинувъ къ себѣ седьмую часть дѣла въ синей обложкѣ, съ надписью «Дѣло о дракѣ губернскаго секретаря Анучина съ попадьей Коваленко и тутъ же о пересмотрѣ уставовъ Пожарнаго и о Путяхъ сообщенія» онъ началъ составлять къ нему опись.

Медленно двигалось перо по сѣроватой протекающей бумагѣ и при мерцаніи зажженныхъ лампъ, такъ какъ даже въ полдень въ окна вмѣсто свѣта шла петербургская ноябрьская мразь табачно-навознаго цвѣта. Перетычкинъ погрузился въ мечтанія...

Видитъ себя Перетычкинъ юнымъ писцомъ въ томъ же департаментѣ передъ сальнымъ огаркомъ.

Какой-то сѣрый казарменный аракчеевскій оттѣнокъ лежитъ на всемъ. Стѣны выкрашены масляною краскою, желтые столы и шкапы изрѣзаны и запачканы чернилами. Товарищи-писцы больше изъ батальона военныхъ кантонистовъ или изъ силою набранныхъ ради хорошаго почерка обязанныхъ мастеровыхъ и крестьянъ; за полтинникъ каждый изъ нихъ радъ дежурить не въ очередь сколько угодно дней. Огромнаго роста экзекуторъ, выпущенный изъ театральнаго училища «на роли тѣней и драбантовъ», то и дѣло ходитъ по отдѣленіямъ, посматривая, всѣ ли на мѣстахъ. О куреніи и не слышно, развѣ какой-либо отчаянный, не боясь выписки въ рядовые въ линейные батальоны, рѣшается затянуться въ душникъ въ отдаленномъ нетопленномъ коридорѣ.

Директоръ изъ курляндскихъ бароновъ, едва понимающій по-русски и командовавшій ранѣе кавалерійскимъ полкомъ, представляется для бѣднаго Перетычкина полубогомъ. Баронъ Эзелькопфъ сидитъ въ кабинетѣ, гдѣ ничего, кромѣ громадныхъ портретовъ въ золоченыхъ рамахъ и свода законовъ въ зеленыхъ переплетахъ; на столѣ, покрытомъ зеленымъ полинялымъ сукномъ, стоитъ большой колокольчикъ; просителей очень мало, такъ какъ добиться аудіенціи трудно, да и безполезно; по всѣмъ дѣламъ получается неизбѣжный отказъ,

хотя ходятъ слухи, что откупщики и крупные подрядчики нашли ходъ къ какой-то старой ключницѣ, съ которой возится баронъ, забывъ свою баронессу гдѣ-то на мызѣ въ Остзейскомъ краѣ, и которая, т. е. ключница, а не мыза, иногда его поколачиваетъ. Но объ этомъ чиновники говорятъ шопотомъ и выпивъ для храбрости.

Баронъ Эзелькопфъ, какъ знаменитый графъ Гурьевъ, никакъ не можетъ отличить по бумагѣ «намъ ли пишутъ или мы пишемъ». Дѣлами вершитъ Симиренко, вице-директоръ, старый, знающій чиновникъ изъ малороссовъ, вѣчно въ вицъ-мундирѣ, какъ и другіе чиновники дапартамента, съ Владиміромъ на шеѣ. Онъ относится ко всѣмъ вопросамъ четверояко, корпитъ надъ редакціей самыхъ ненужныхъ и пустыхъ бумагъ, заставляетъ ихъ перебѣливать по пяти разъ, и на наивное замѣчаніе какого-то либерала, что редакція бумагъ не имѣетъ значенія, было бы въ нихъ дѣло, и что все равно написать «имѣя въ виду» вмѣсто «принимая во вниманіе» или «сверхъ того» вмѣсто «независимо отъ сего» восклицаетъ:

— Какъ не имѣетъ? Редакція великое дѣло. Вѣдь и у Пушкина и у барона Брамбеуса тѣ же мысли, что и у всѣхъ людей, а почему они знамениты? Потому что умѣли редактировать свои мысли.

Начальникъ отдѣленія у Перетычкина — изъ ар-

хiерейскихъ пѣвчихъ, злющiй-презлющiй, ничѣмъ, кромѣ дѣлъ, не интересующiйся и только ходящiй въ воскресенiе къ обѣднѣ въ церковь Николы Трунила, что на Петербургской, подпѣвать за пѣвчими прiятнымъ басомъ.

Богъ знаетъ, сколько лѣтъ сидитъ онъ на мѣстѣ и никогда, кажется, не уйдетъ, по крайней мѣрѣ столоначальникъ сидитъ тоже тридцать лѣтъ въ томъ же столѣ и потерялъ всякую надежду имѣть «движенiе по службѣ». Но онъ философъ и въ утѣшенiе свое говоритъ подчиненнымъ:

— Немного дала мнѣ служба, но немного, чортъ возьми ее, кузькину тетеньку, она отъ меня и получила!

Столоначальникъ Туберкуловъ тоже изъ духовнаго званiя; въ атестатѣ его написано, что онъ былъ въ семинарiи поведенiя «доброхудаго», а прилежанiя «никакаго», зато теперь онъ мастеръ своего дѣла. Бумагъ у него (по его словамъ) всегда «океанъ». Зная плохо грамоту, онъ бумагъ однако не пишетъ, а диктуетъ тому писцу, у котораго изъ диплома видно, что русскiй языкъ знаетъ отлично. Эта диктовка и остается по утвержденiи начальника отдѣленiя «отпускомъ» при дѣлѣ. Уже по виду онъ знаетъ, что̀ въ бумагѣ заключается и откуда она; если ничего понять нельзя, то рѣшаетъ, что она изъ военнаго вѣдомства. Изрѣдка поступающiя бумаги изъ

пресловутаго III Отдѣленiя съ неизмѣнною надписью «весьма довѣрительно» онъ принимаетъ отъ журналиста съ благоговѣнiемъ, точно Святые Дары, и записываетъ собственноручно въ секретный журналъ. Подысканiемъ «приличныхъ дѣлу законовъ» Туберкуловъ себя не утруждаетъ, а каждую входящую прежде всего посылаетъ на заключенiе подчиненныхъ мѣстъ, пусть тамъ стараются разгадать ея смыслъ и найти необходимые законы. А по полученiи облупленнаго, какъ яичко, представленiя, посылаетъ вновь для выигрыша времени бумагу на заключенiе какому-нибудь вѣдомству, а то и нѣсколькимъ, но не сразу, а по очереди. Это очень удобно, ибо есть вѣдомства, которыя по году и болѣе не отвѣчаютъ на запросы, а есть такiя, что и никогда не отвѣчаютъ, несмотря на рядъ напоминанiй, а при полученiи подтвердительныхъ указовъ Сената удобно отговориться задержкою по неполученiю отвѣта на отношенiе за № 333999 какого-либо вѣдомства, хотя и мало прикосновеннаго къ дѣлу.

Процедура эта вполнѣ соотвѣтствуетъ мiровоззрѣнiю столоначальника, который ко всѣмъ дѣламъ относится съ какою-то затаенною ненавистью и отличаетъ между ними только «интересныя» и «умныя» Интересныя—это связанныя съ чьимъ-либо интересомъ, т.-е. отъ которыхъ можно малую толику

поживиться, а умныя, которыя полежать-полежать годикъ—другой, да сами собой и разрѣшатся: смертью просителя, упраздненіемъ учрежденія, возбудившаго вопросъ, пожаромъ, истребившимъ всѣ планы и документы, и т. д.

Справки даже отъ сидящихъ въ одной и той же комнатѣ товарищей не получаются иначе, какъ письменно—для увеличенія числа исходящихъ и входящихъ бумагъ.

Но бываютъ въ столѣ и дни волненій. Это—когда приходится писать всеподданнѣйшіе доклады. На этотъ счетъ въ старые годы было очень строго. Всѣ помнятъ, что статсъ-секретарь Молчановъ за перестановку одной запятой угодилъ чуть ли не въ солдаты. Зато и достается каждому работы.

Писца Чупруненко, имѣющаго «царскій почеркъ», т.-е. годнаго для переписки четкимъ, красивымъ почеркомъ докладовъ и, какъ всѣ русскіе таланты, вѣчно пьянаго, за три дня ужъ вытрезвляютъ, за сутки его ужъ со службы не отпускаютъ, держа на безсмѣнномъ дежурствѣ и грозя уволить, если напьется, по 3-му пункту. Въ день переписки Чупруненко хотя и дрожащею отъ запоя рукою не пишетъ, а просто гравируетъ докладъ, но случается, сдѣлавъ ошибку, подчиститъ тайкомъ букву, затирая сандаракомъ, что строжайше воспрещается. Переписанный докладъ Перетычкинъ, у котораго отъ

страха въ глазахъ рябитъ, «считываетъ», затѣмъ столоначальникъ и начальникъ отдѣленія провѣряютъ написанное. Вице-директоръ, никому не довѣряя, кладетъ докладную бумагу на полъ и ложится на брюхо противъ свѣта, чтобы увидѣть, нѣтъ ли отблеска подчищеннаго мѣста. Директоръ, не довѣряя въ свою очередь вице-директору, кладетъ докладъ на оконное стекло и смотритъ, нѣтъ ли подчистки. И чтожъ? Несмотря на такую строгую цензуру, случается, что министръ возвращается внѣ себя отъ доклада,—въ бумагѣ оказывается пропущенными фраза или слово и министръ не рѣшился представить докладъ. Чупруненко, послѣ угрозы упечь его туда, «куда Макаръ телятъ не гонялъ», увольняется по 3-му пункту, но черезъ недѣлю опять принимается на службу, такъ какъ никто такого почерка не имѣетъ, а начальство очень обращаетъ вниманіе на почеркъ докладовъ.

Сношенія съ высшими правительственными учрежденіями рѣдки, законы почти не пишутся, и въ старыхъ разобраться нельзя, смѣта составляетъ величайшую государственную тайну. Что дѣлается въ Государственномъ Совѣтѣ,—самъ директоръ не знаетъ и не смѣетъ спросить министра, принесшаго присягу о канцелярской тайнѣ. Бываетъ, однако, необходимость узнать о положеніи дѣла. Тогда для этого употребляется старый курьеръ Петровъ, уже

переживший четырехъ министровъ, шестерыхъ товарищей и семерыхъ директоровъ. Этотъ ничего и никого не боится, считая себя какою-то казенною вещью, и по просьбѣ директора идетъ въ Совѣтъ, смѣло разговариваетъ со статсъ-секретарями и даже предсѣдателями департаментовъ и получаетъ необходимыя справки...

* * *

Но вотъ чудится Перетычкину, что онъ ужъ канцелярскій служитель, хотя въ томъ же министерствѣ и департаментѣ, носившемъ тогда названіе департамента пререканій и изысканій, но въ другомъ столѣ. По случаю реформъ и сокращенія штатовъ прежній столъ, гдѣ онъ служилъ, упраздненъ, хотя взамѣнъ для окончанія дѣлъ учрежденъ «временный столъ». Этотъ временный столъ работаетъ уже шестой годокъ, однако кончать и не думаетъ, правда, чиновники его на службу не являются, а часть ихъ изъ поляковъ удрала даже до лясу въ польское возстаніе. Вслѣдствіе сокращенія штатовъ Перетычкину значительно увеличено содержаніе; вмѣсто 141 руб. 11 коп. онъ получаетъ 198 руб. 4 коп., да остатковъ къ празднику 42 рубля вмѣсто 20 рублей; только, къ сожалѣнію, изъ остатковъ дѣлаютъ пять разныхъ вычетовъ, да самъ Перетычкинъ, увлеченный общимъ примѣромъ, согласился,

чтобы ежемѣсячно изъ его жалованья удерживали черезъ казначея по четвертаку на полное собраніе сочиненій математика Остроградскаго, на иллюстрированный журналъ «Гудокъ», на стипендію въ честь бывшаго директора департамента въ Дерптскомъ университетѣ, на памятникъ Арменопуло въ Кишиневѣ и въ пользу общества возстановленія православія въ Тибетѣ. Покупаетъ онъ также иногда лотерейные билеты въ тщетной надеждѣ выиграть.

Въ департаментѣ царитъ какое-то оживленіе и юношеское одушевленіе, всѣ чего-то ждутъ, чему-то радуются и потому не работаютъ. Время проходитъ въ разговорахъ о предстоящихъ реформахъ и улучшеніяхъ, по примѣру морского вѣдомства, но болѣе о стуколкѣ и домино-лото. Новый столоначальникъ Игрецкій, отчаянный «мушкатеръ», каждое утро разсказываетъ, что происходитъ въ купеческомъ клубѣ: какъ одна дама принесла трехлѣтняго младенца, чтобы переворачивать кости, какъ конвойный офицеръ хотѣлъ въ отчаяніи зарубить старшину, какъ одна вдова влюбила въ себя маркера, чтобы онъ выкрикивалъ фальшивые нумера, и т. д.

— У меня, — говоритъ Игрецкій, — кватерна, не хватаетъ туза съ двойкой, слышу тузы, тузъ-семь, тузъ-пять, тузъ-чортъ, а моего туза все нѣтъ!

Чиновники, не спавшіе за игрою всю ночь, разгуливаютъ по департаменту, хлопая себя по бед-

рамъ, и то и дѣло идутъ въ «курилку», особую комнату для курящихъ, и тамъ болѣе образованные отъ скуки пересказываютъ содержаніе послѣдняго фельетона Нила Адмирари въ «Голосѣ», а болѣе скромные молча жуютъ бутерброды съ сухимъ языкомъ и пьютъ жиденькій чай, продаваемый курьерской вдовой Ивановой. Покойный мужъ оставилъ ей домъ на Петербургской сторонѣ, но, по протекціи одной придворной прачки, вдова продолжаетъ жить въ департаментѣ, занимая двѣ лучшія комнаты. Сторожа, пользуясь либеральнымъ настроеніемъ ревности о меньшомъ братѣ, ходятъ пьяные и плохо топятъ печи. Экзекутора вовсе не видать. Онъ собирается идти въ монахи и проводитъ дни за чтеніемъ большихъ Четіи-Миней митрополита Макарія и ночью ему представляются бѣсы, старающіеся влѣзть въ бутылку казенныхъ чернилъ.

Главное занятіе чиновниковъ состоитъ въ томъ, чтобы найти между товарищами поручителей для займа изъ департаментской ссудо-сберегательной кассы. Поручители находятся, но въ кассѣ никогда нѣтъ денегъ, всѣ берутъ и никто не возвращаетъ.

Кабинетъ директора какъ будто выглядитъ почище, столъ краснаго дерева съ электрическимъ звонкомъ. Къ большимъ портретамъ во весь ростъ въ золоченыхъ рамахъ новые прибавлены уже поясные, а рядомъ повѣшены литографированные портреты бывшихъ министровъ и директоровъ департамента. Вѣроятно по ошибкѣ попала среди нихъ фотографія француженки Сюзетты. Около Свода Законовъ поставлены «Code Napoléon», сочиненія Гнейста и Риля, англійскіе «Blue Book», отчеты о какихъ-то парламентскихъ преніяхъ въ мадридскомъ парламентѣ и всѣ изданія, задержанныя русскою цензурою. На столахъ лежатъ «Revue des Deux Mondes», «Journal des Economistes» и «Труды комиссіи по пересмотру податей и сборовъ». Въ передней толкутся концессіонеры и курьерамъ даютъ не рубли и трешники, а прямо четвертныя, чѣмъ возбуждаютъ зависть къ курьерамъ канцелярскихъ. Одинъ изъ курьеровъ просваталъ уже дочь за полковника.

Директоръ, камергеръ изъ лицеистовъ, съ министромъ, который тоже изъ лицеистовъ, на «ты». На службѣ его мало видно, такъ какъ онъ проводитъ время у одной танцовщицы, гдѣ собирается его кружокъ, все фритредеры и камергеры. Полгода директоръ въ отлучкѣ: то на водахъ, то для «возстановленія въ памяти устройства какихъ-то лѣсопильныхъ мельницъ».

На службу онъ пріѣзжаетъ въ половинѣ шестого, когда уже всѣ ушли, и, не снимая перчатокъ, подписываетъ наскоро болѣе важныя бумаги и представленія. Онъ такъ мало знаетъ своихъ чиновни-

ковъ, что надняхъ собственнаго бухгалтера принялъ за просителя, упросилъ садиться и разсыпался въ обѣщаніяхъ ранѣе, чѣмъ тотъ раскрылъ ротъ и попросилъ дать пособіе на леченіе восьмого сына.

Въ засѣданіе высшихъ государственныхъ учрежденій теперь принимаютъ директора для объясненій, но онъ груститъ, что его не пускаютъ въ засѣданіе Сената, гдѣ товарищъ министра проигрываетъ всѣ дѣла по незнакомству съ ними.

Директоръ ходитъ въ пиджакѣ и галстукѣ La Vallière, вице-директоръ, тоже либералъ—въ вицемундирѣ, въ сѣрыхъ панталонахъ, носитъ эспаньолку и проборъ на затылкѣ. Чиновники, недавно еще тщательно выбритые, позапускали себѣ усы, баки, а нѣкоторые и не разрѣшенныя закономъ бороды. Вице-директоръ полякъ изъ правовѣдовъ. Онъ отличается нѣкоторою легкостью въ мысляхъ, но, имѣя повсюду друзей и товарищей, находитъ поддержку во всѣхъ своихъ начинаніяхъ.

Сочиненные имъ при помощи разныхъ хорошенькихъ книжечекъ проекты, одобренные въ кружкѣ фритредеровъ за ужиномъ у танцовщицы, въ департаментѣ не читаются; ихъ вносятъ предварительно въ комиссію общественныхъ благоглупостей, которая на чай и одеколонъ для своихъ членовъ издержала уже пять тысячъ и напечатала 133 тома «Трудовъ»; но ни одно изъ ея предположеній въ

ходъ не пошло, кромѣ маленькаго закона объ измѣненіи формы трехугольныхъ шляпъ, все-таки окончательно не утвержденнаго.

Комиссія собирается зимою еженедѣльно, члены все больше ученые, написавшіе томы о статистикѣ, а предсѣдатель ежегодно командируется на казенный счетъ за границу. Онъ впрочемъ ограничивается легкою прогулкою въ Баденъ-Баденъ и Біаррицъ и, возвращаясь домой, дѣлаетъ визиты де-Молинари, Морису Блоку и Жозефу Гарнье и покупаетъ у книгопродавцевъ въ Парижѣ рядъ французскихъ законодательныхъ проектовъ, откуда члены комиссіи и черпаютъ потомъ свои вдохновенія, помня, что и ранѣе свои проекты контроля Татариновъ перевелъ съ бельгійскаго языка, а Судебные уставы Зарудный—съ сардинскаго. Переведенные на русскій канцелярскій языкъ, слегка измѣненные въ редакціи по замѣчаніямъ представителей разныхъ вѣдомствъ, проекты эти снабжаются длиннѣйшими объяснительными записками съ цитатами изъ законовъ Ману, Лаодзы, сочиненій Пуфендорфа и Воловскаго. Пренія въ комиссіи идутъ горячія, только иногда предсѣдатель внезапно прерываетъ ихъ, запѣвъ по разсѣянности: «Dzin la la, dzin la la» или «Ma première femme est morte que diable l'emporte» или-что нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ чего слѣдуетъ легкій конфузъ и пауза.

Разъ въ мѣсяцъ члены момиссіи посѣщаютъ знаменитые обѣды у Донона, гдѣ несутъ невообразимую ахинею о яко бы нуждахъ русскаго народа, представляющагося имъ въ образѣ пейзановъ изъ «Opéra-Comique».

Старыхъ хапугъ изъ департамента по возможности убрали. Желая влить новое вино въ старыя мѣха, начальникомъ отдѣленія къ Перетычкину назначили такого юнаго лицеиста, что онъ оказался несовершеннолѣтнимъ.

— Если можно назначить Иванова, то я не понимаю, почему нельзя назначить Іогансона,—сказалъ министръ въ объясненіе своего выбора, и, обращаясь, къ директору съ предложеніемъ садиться, продекламировалъ: «Prend ton siège, Cinna».

Министръ любилъ поражать своихъ подчиненныхъ цитатами изъ Корнеля, Горація и Жанъ Поль Рихтера.

Юнца пришлось однако убрать, перевести кудато чиновникомъ особыхъ порученій и замѣнить княземъ Начихайловымъ, который слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ, убилъ на дуэли прусскаго юнкера, а затѣмъ поступилъ въ Западномъ краѣ въ мировые посредники, гдѣ по ошибкѣ замежевалъ чудный паркъ князя Преферанскаго въ дополнительный надѣлъ свинопасу Янушу Круку.

Столоначальникъ очень нравился наивному Перетычкину. Онъ прикидывался по времени страшнымъ либераломъ, получая отъ концессіонеровъ тысячъ сто въ годъ, кричалъ всюду о своей честности и подарилъ своему помощнику часы съ цѣпочкою. Всякое дѣло у него проходило. Онъ, улучшивъ время, когда начальникъ отдѣленія почему-либо отсутствовалъ, являлся съ докладомъ послѣднимъ, когда у начальника въ глазахъ уже рябило. По докладѣ вороха совершенно ненужныхъ бумагъ съ сотнею безчисленныхъ справокъ, онъ, замѣтивъ, что начальникъ окончательно соловѣлъ, небрежно подсовывалъ ему для подписи, какъ бы мимоходомъ, какое-либо крупное дѣло, прибавивъ: «Читать не стоитъ, извѣстная казенная ерунда (тогда это слово было въ модѣ), а впрочемъ, есливаше-ство желаетъ исправить редакцію»...

— Нѣтъ у меня времени заниматься пустяками, — съ отчаяніемъ говорилъ начальникъ, видя, что у докладчика лежитъ еще куча бумагъ, взятыхъ впрочемъ только для вида.

Перетычкинъ припоминаетъ, что, получивъ наконецъ штатное мѣсто помощника столоначальника и прочитавъ какъ-то тайкомъ лежавшія на столѣ у начальника отдѣленія изданныя въ Женевѣ брошюрки, онъ почувствовалъ себя нигилистомъ, о чемъ проговорился передъ сидѣвшимъ за другимъ столомъ помощникомъ изъ университетскихъ. Тотъ

его повелъ въ какую-то «комуну» у Пяти Угловъ, гдѣ незнакомые молодые люди пили пиво, играли на гармоникѣ, танцовали въ присядку и пѣли русскую марсельезу; припѣвъ послѣдней, что нужно взяться за топоры, дружно подхватывало нѣсколько дѣвицъ въ синихъ очкахъ и черныхъ платьяхъ съ кожаными кушаками. Одна изъ дѣвицъ показывала ступню, отрѣзанную утромъ въ академіи у трупа солдата.

Перетычкину стало страшно; ночью ему чудились голубые архангелы съ бѣлыми аксельбантами и къ утру онъ сознался экзекутору, собиравшемуся идти въ монахи, что посѣтилъ нѣкое незаконное сборище. Тотъ посовѣтовалъ крайне остерегаться и пригрозилъ, что въ противномъ случаѣ будетъ вынужденъ доложить его превосходительству, а тотъ Перетычкина свернетъ въ бараній рогъ и поступитъ по всей строгости законовъ.

— А то пожалуй, — прибавилъ экзекуторъ, — весь департаментъ какъ неблагонадежный раскассируютъ. «Аще царство на ся раздѣлится стояти не можетъ»...

* * *

Вдругъ представилось Перетычкину, что онъ сидитъ хотя въ томъ же столѣ, но этажемъ ниже. Кончилась эпоха «великихъ реформъ» и началась

эра «реформы-реформъ». Департаментъ, въ виду новыхъ вѣяній и потребности «обслуживать не только разные районы, но и «центръ» государства, переименованъ въ департаментъ напрасныхъ надеждъ и обманутыхъ ожиданій и разросся такъ, что занимаетъ уже цѣлый домъ и начальники отдѣленій видятъ своего директора рѣже, чѣмъ прежде директора видѣли министра. Упраздненный столъ, который за продолжительное время великихъ реформъ все-таки не успѣлъ «очистить» неоконченныхъ дѣлъ за невозможностью разыскать въ седьмомъ поколѣніи наслѣдниковъ недоимщиковъ, не только вновь возстановленъ, но и преобразованъ въ цѣлый отдѣлъ, при которомъ учрежденъ совѣтъ свѣдущихъ гигіенистовъ и два комитета — технически-увеселительный и умозрительный. Въ столѣ Перетычкина прибавлено еще два помощника столоначальника и причислено восемь молодыхъ людей, получающихъ жалованье изъ какого-то спеціальнаго фонда по устройству греческихъ кухмистерскихъ на Чукотскомъ носу въ размѣрѣ втрое болѣе, чѣмъ получаетъ самъ столоначальникъ. Эти причисленные на службу не являются, но пописываютъ отъ скуки панегирики неутомимой и разносторонней дѣятельности преобразованнаго департамента, обращая содержаніе исходящихъ бумагъ въ замѣтки и фельетоны.

Одинъ Перетычкинъ не получилъ ни прибавки, ни повышенія; директоръ Граеграевъ приказалъ даже передать ему, что, не имѣя патента высшаго образованія, не слѣдовало и поступать на службу въ департаментъ, хотя самъ директоръ нигдѣ курса не кончилъ.

— Если мы его пока терпимъ, прибавилъ директоръ, — то потому, что весь составъ новый, и безъ Перетычкина никто не можетъ отыскать ни одного дѣла, да и въ отысканныхъ ничего разобрать нельзя: всѣ бумаги подшиты безъ всякаго порядка и не въ соотвѣтствующія дѣла. Недавно еще потеряны два доклада: на одномъ стоялъ покрытый лакомъ «знакъ разсмотрѣнія» *), а на другомъ резолюція «сообразить». За это по закону слѣдовало бы отдать подъ судъ.

Такая же путаница и въ архивѣ, гдѣ стотрехлѣтній архиваріусъ по слѣпотѣ принялъ отъ оставленныхъ за штатомъ столоначальниковъ дѣла безъ описей, столоначальники же сдѣлали это по злобѣ,— пусть молъ вспомнятъ стариковъ; между тѣмъ при увольненіи за штатъ они получили четверныя пенсіи, пособія на воспитаніе дѣтей и негласныя пособія изъ тѣхъ же чукотскихъ спеціальныхъ средствъ,

*) Знакомъ разсмотрѣнія на канцелярскомъ языкѣ называется черта карандашомъ на полѣ.

«до которыхъ еще не добрался контроль». А контролю было не до того: онъ занимался въ это время разборомъ извѣстнаго дѣла, съ кого наконецъ взыскать деньги по начету за штыкъ, утерянный при штурмѣ укрѣпленія Акъ-Мечеть на Сыръ-Дарьѣ.

Отдѣленіе Перетычкина не называется уже распорядительнымъ, а созидательнымъ; въ немъ пять столовъ и два дѣлопроизводства, и имъ управляетъ «на правахъ вице-директора» (каковыя права въ законахъ однако нигдѣ не опредѣлены), начальникъ отдѣленія Тулумбасовъ.

Департаментъ отремонтированъ заново: обои веселенькіе, вентиляція, паровое отопленіе, сторожа болѣе дровъ на спинѣ не таскаютъ, на окнахъ портьеры, вездѣ электричество, у директора будуаръ, куда проведена горячая вода; въ кабинетѣ его мягкая мебель, вмѣсто полки законовъ — цѣлый шкафъ справочныхъ книгъ и изданій своего департамента, офиціальные портреты, уже олеографическіе; портреты бывшихъ министровъ и директоровъ, а равно разныя карты и таблицы вынесены въ пріемную, гдѣ по цѣлымъ днямъ сидитъ толпа просителей, по большей части иностранцевъ—бельгійцевъ, евреевъ и биржевыхъ игроковъ, тщетно стараясь добиться аудіенціи. Въ кабинетѣ директора поставлены два телефона: одинъ—для разговоровъ

съ собственными чиновниками, другой — съ городомъ; повѣшены ярлыки с.-петербургской биржи и портреты Маркса, Каутцкаго и Бернштейна; на столѣ стоитъ маленькій бюстикъ Лассаля, которымъ Граеграева благословила, когда онъ былъ еще маленькимъ, извѣстная филантропка Любомудрова, очень чувствительная дама, мужъ которой былъ однако не изъ «тѣхъ, которыхъ вѣшаютъ, а которые вѣшаютъ».

Весь департаментскій составъ новый, даже курьеры. Изъ старыхъ служащихъ остался общій журналистъ, продолжающій записывать во входящія письма «о засвидѣтельствованіи своего почтенія» и одинъ помощникъ бухгалтера, отыскивавшій смыслъ въ вѣдомостяхъ, присылаемыхъ отъ подчиненныхъ мѣстъ, гдѣ сажени складываются съ пудами и рубли съ ведрами.

Хотя вмѣсто экзекутора завѣдывающій экзекуторской частью въ генеральскомъ чинѣ и при немъ два помощника, но чиновники все-таки на службу не ходятъ, отговариваясь попрежнему важными занятіями на дому, требующими сосредоточеннаго вниманія. Зато курить можно во всѣхъ комнатахъ. Переписка идетъ на машинкахъ Ремингтона и въ среду писцовъ принимаютъ женщинъ, курящихъ крѣпкій табакъ и имѣющихъ невѣроятные аттестаты объ окончаніи высшихъ курсовъ, гдѣ знача-

чатся и морское право, и петрофактологія и пробирное искусство.

Чиновниковъ изъ привилегированныхъ заведеній поубавилось: ихъ выперли провинціалы, плотною стѣною полѣзшіе въ Петербургъ. Столомъ Перетычкина завѣдываетъ лихой малый, который, вопреки строгому приказу брать только дипломированныхъ, оказался «уволеннымъ изъ военнаго званія безъ права именоваться воинскимъ чиномъ» *). Изъ уніатскихъ поповичей онъ ушелъ въ туркестанскіе батальоны, оттуда въ актеры въ оперетку и наконецъ перебрался на службу въ столицу.

Столоначальникъ подсмѣивается надъ порученными ему дѣлами.

— Государственный соціализмъ, да мнѣ просто стань на углу Морской и Невскаго, спрашивай у каждаго проходящаго, сколько у него денегъ въ карманѣ, и требуй половину. Тотъ же соціализмъ и выйдетъ.

Онъ впрочемъ разсуждалъ такъ про себя и очень побаивался начальника отдѣленія Іонткевича. Это была бестія умнѣйшая; ходили слухи, что до перехода на казенную службу Іонткевичъ въ Симфе-

*) У насъ въ Россіи Богъ знаетъ какія есть сословія и званія. Когда авторъ былъ на службѣ, пришлось опредѣлить, что изображаетъ изъ себя званіе «пропитанный поселенецъ»; рылись во всѣхъ законахъ и дѣлахъ и ничего не узнали.

рополѣ на колѣняхъ умолялъ владѣльца какой-то банкирской конторы дать ему прибавку жалованья, но тотъ остался неумолимъ. Теперь Іонткевичъ сила.

— Ему хорошо, у него большая протекція, говорятъ о немъ чиновники, его жена жила съ камердинеромъ графа Доливай-Налетова.

Прежде Іонткевичъ служилъ въ Варшавѣ у графа Чертопханскаго, который, пріѣхавъ какъ-то по дѣлу въ Петербургъ и просидѣвъ напрасно четыре мѣсяца въ Европейской гостиницѣ и у Кюба, возвращаясь говорилъ въ Klubie Mysliwskim о своемъ другѣ Іонткевичѣ другимъ польскимъ графамъ: «Tę zmije odegzal na moich wlasnych piersiach!»

Іонткевича побаивается и вице-директоръ, толстый съ отекшимъ лицомъ и заплывшими жирными глазами, мужчина вѣчно въ поту. Онъ былъ взятъ на службу изъ земства, какъ знатокъ сельской жизни, ибо три его имѣнія въ разныхъ губерніяхъ были проданы, по тремъ закладнымъ каждая, съ недоимкою за десять лѣтъ.

Директоръ имѣлъ видъ растерянный и нечесаный. Онъ поправлялъ пальцами длинные волосы и длинную бороду, все обѣщая просителямъ, и сейчасъ же забывалъ объ обѣщанномъ. Мысли его витали гдѣ-то высоко и далеко, можетъ быть по асоціаціи идей въ мѣстахъ отдаленныхъ. Ходили слухи,

что онъ когда-то и въ чемъ-то былъ «замѣшанъ», но прошло много земскихъ давностей и, несмотря на косматый видъ и на то, что онъ говорилъ съ сильнымъ акцентомъ, получилъ уже четыре звѣзды, землю на берегу какого-то моря, женился на княжнѣ изъ разореннаго семейства, записался въ охотничье общество и старался попасть въ аристократическое общество.

Единственною связью его съ прошлымъ были симпатіи къ одной отставной земской учительницѣ. Онъ снабдилъ ее концессіей на устройство центральной парикмахерской на Квантунскомъ полуостровѣ, перепроданной банкиру Шельмензону за 25.000 рублей. За это учительница вмѣшивается въ дѣла департамента и на всѣ вакансіи рекомендуетъ своихъ родственниковъ, а послѣднимъ нѣтъ конца.

Директоръ впрочемъ дѣлами своего вѣдомства не занимается, время его поглощено препреканіями съ департаментомъ вожделѣній и поползновеній, который онъ почему-то задумалъ присоединить къ себѣ, прихвативъ кстати кое-что изъ вѣдомства иностранныхъ вѣроисповѣданій и государственнаго коннозаводства. Причисленные повсюду проповѣдуютъ, что департаментъ вожделѣній и поползновеній, не увеличивавшій свои штаты уже сорокъ лѣтъ, совсѣмъ устарѣлъ, выдохся, не стоитъ на высотѣ по-

ложенія, почему требуетъ реформы, а еще лучше разоренія.

Неподалеку отъ директорскаго кабинета была комната, мимо которой мелкіе чиновники ходили на цыпочкахъ; здѣсь былъ посаженъ извѣстный авторъ «Народныхъ куплетовъ и разсказовъ» въ трехъ томахъ Дормидоновъ, тоже когда-то рывшійся въ молодости въ «гротѣ», а затѣмъ служившій стрѣлочникомъ на узкоколейной дорогѣ около Манчестера. «Помирившись съ правительствомъ», Дормидоновъ прославился изданіемъ «Указателя къ пререканіямъ земства съ губернаторами», котораго только за первую половину 1866 г. вышло два тома. Бывшій народникъ ходилъ на службу въ красной рубашкѣ, безъ галстука, ногтей и зубовъ не чистилъ, курьерамъ подавалъ руку, но къ чиновникамъ относился свысока и презрительно.

Директоръ поручилъ ему написать три капитальныхъ проекта: о примѣненіи восьмичасового труда къ кормилицамъ, о пересмотрѣ постановленій семи вселенскихъ соборовъ и объ уменьшеніи въ купеческихъ брюхахъ жира помощью особаго прогрессивно радикальнаго кубическаго сбора съ прироста капиталовъ и доходовъ.

Впрочемъ означенная таинственная работа продолжалась недолго. Чиновники узнали, что вмѣсто проектовъ, къ которымъ были приготовлены VI от-

дѣленіемъ департамента четыре тома таблицъ и атласъ геодезическихъ картъ,—работа грузинскаго химика Деридзе, народнику удалось подписать какой-то контрактъ на поставку дровъ по тройной цѣнѣ, въ чемъ онъ былъ уличенъ и по приказанію министра выгнанъ со службы. Мѣсто же, гдѣ Дормидоновъ засѣдалъ, отведено подъ устройство сравнительнаго музея канцелярскихъ принадлежностей отъ Владиміра Мономаха до нашихъ временъ. Бывшая учительница и для музея отыскала сейчасъ же смотрителя изъ крещеныхъ бурятъ, выдавъ его за близкаго родственника.

Перетычкинъ вспоминаетъ, что утромъ заходилъ къ кухаркѣ бывшей учительницы узнать, гдѣ живетъ его старая няня, и былъ принятъ любезно.

— Ну, что бы ей замолвить словечко своей барынѣ,—подумалъ онъ уходя.

Вдругъ Перетычкинъ слышитъ, что бѣжитъ курьеръ съ двумя медалями на шеѣ и приглашаетъ идти къ директору. Наскоро застегнувшись и вытеревъ о панталоны свои потныя руки, бѣжитъ Перетычкинъ и входитъ безъ доклада. Директоръ, расправивъ пятерней бороду, сначала какъ будто долго соображаетъ, зачѣмъ это онъ позвалъ его, а затѣмъ прелюбезно говоритъ ему:

— Василій Ивановичъ (и откуда это онъ знаетъ мое имя,—удивляется въ душѣ Перетычкинъ), мы

долго вась держали въ черномъ тѣлѣ. Искренно сожалѣю и раскаиваюсь; повинную голову мечъ не сѣчетъ; но я нашелъ для васъ подходящее занятіе. Вы будете чиновникомъ особыхъ порученій; изъ чукотскихъ суммъ мы прибавимъ вамъ двѣ тысячи, отъ командировокъ останется вамъ еще двѣ. Но этого мало: къ 1-му апрѣля вы будете представлены къ слѣдующему чину, а такъ какъ въ этомъ году разрѣшено сколько угодно наградъ «внѣ правилъ», то вы получите прямо Станислава на шею.

— Молодецъ кухарка!—подумалъ растроганный до слезъ Перетычкинъ и вдругъ обмеръ отъ страху...

— Директоръ ушелъ!—раздался зычный голосъ курьера надъ самымъ его ухомъ.

Перетычкинъ вскочилъ и протеръ глаза. Онъ увидѣлъ, что проспалъ все присутствіе и опись «Дѣлу о губернскомъ секретарѣ Анучинѣ и пр.» такъ и осталась неначатою.

Боясь «переслужить» и твердо памятуя извѣстную чиновничью заповѣдь, что «сколько ни дѣлай, все равно всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь», Перетычкинъ поспѣшилъ спрятать дѣла въ столъ и, захвативъ неизвѣстно для чего нѣсколько дестей казенной писчей бумаги, поспѣшно ушелъ вслѣдъ за остальными чиновниками изъ департамента. На лѣстницѣ начальникъ счетнаго отдѣленія сообщилъ ему по секрету, что директоръ, въ виду настоянія

министерства финансовъ о «всемірномъ сокращеніи расходовъ по случаю нынѣшняго затруднительнаго состоянія государственнаго казначейства», рѣшился «пойти на встрѣчу желаніямъ финансоваго вѣдомства» и сократилъ на двѣсти рублей жалованье Перетычкину и на десять рублей сторожу Васильеву.

— Сонъ въ руку,—сказалъ Перетычкинъ и съ грустью поплелся къ себѣ на квартиру въ Большую Бармалѣевскую улицу, не пожелавъ даже сѣсть въ конку, запряженную двумя чахлыми клячами, видимо недовольными тѣмъ, что новое правленіе общества конно-желѣзныхъ дорогъ уменьшило дачу овса подъ остроумнымъ предлогомъ, «что лошади болѣе просыпаютъ, чѣмъ жуютъ овесъ, а при сбавкѣ будутъ жевать внимательнѣе!»

О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РАСПРОДАЖѢ РОССІИ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Въ послѣднее время въ нашихъ газетахъ довольно дѣятельно разбирался вопросъ о вредѣ участія иностранцевъ въ русской промышленности. По моему мнѣнію, это вопросъ совершенно праздный, такъ какъ едва ли есть и было государство въ мірѣ, которое самостоятельно и самобытно создало и развило свою промышленность.

Китайцы создали японскую промышленность, египтяне научили грековъ ремесламъ, греки римлянъ и т. д. Англичане обязаны своею промышленностью фламандцамъ, французы — итальянцамъ, нѣмцы — французамъ, поляки — нѣмцамъ и т. д. Кто, напримѣръ, можетъ подумать, что нѣмцы создали во Франціи горное дѣло. Такое, казалось бы, національное производство, какъ приготовленіе коньяку, создано во Франціи англійскими капиталами;

хересомъ Испанія обязана нѣмцамъ; замѣчательная механическая промышленность Бельгіи возникла на англійскія деньги. Англія дажа въ нынѣшнемъ столѣтіи пользовалась знаніями и предпріимчивостью нѣмцевъ, французовъ, шведовъ и др.

О Россіи и говорить нечего. Гдѣ иниціаторомъ не была казна, прибѣгавшая не мало къ содѣйствію иностранцевъ даже въ кіевскій періодъ нашей исторіи, тамъ почти вездѣ мы видимъ иностранцевъ и иностранные капиталы.

Я не могу перечислить всѣ безчисленные отрасли русской промышленности, созданныя или преобразованныя заново en grand иностранцами, но положительно могу утверждать, что Россія обязана:

Англичанамъ — льнопряденіемъ (какъ фабричнымъ дѣломъ), канатнымъ производствомъ, оружейнымъ дѣломъ, механическимъ производствомъ (англичане положили начало, а развили его нѣмцы и до сихъ поръ владѣющіе большинствомъ механическихъ фабрикъ), пароходствомъ, выплавкою чугуна на каменномъ углѣ.

Нѣмцамъ—металлургіей (отчасти при содѣйствіи голландцевъ и грековъ), механическимъ льнопряденіемъ, мѣднотрубнымъ производствомъ, электрическимъ освѣщеніемъ, выдѣлкою холоднаго оружія, приготовленіемъ химической посуды и большинствомъ химическихъ и фармацевтическихъ произ-

водствъ, фаянсовымъ производствомъ, выдѣлкою городскихъ экипажей, проволочнаго желѣза, выплавкою цинка.

Французамъ — шелкомотаніемъ, бронзовымъ производствомъ, косметическимъ производствомъ, выдѣлкою стеариновыхъ свѣчей, тонкорунным овцеводствомъ и фабричною мойкою шерсти.

Бельгійцамъ — содовымъ производствомъ, *шведамъ* — кирпичнымъ дѣломъ, *американцамъ* — обработкою каучука.

Затѣмъ, несомнѣнно иностранцы же завели у насъ выдѣлку тюля, шоколада, толя, джутовыхъ издѣлій и т. д., и т. д. Всѣ эти фабрики упрочились. Есть существующія болѣе ста лѣтъ. Можно ли назвать ихъ промышленнымъ пѣнкоснимательствомъ?

Въ послѣднее время много было шума изъ-за того, что англичане купили — horribile dictu — 20 десятинъ земли около Баку. Нѣкоторые увидѣли въ этомъ начало свѣтопреставленія и кричали, точно съ нихъ сняли кожу. Кричали болѣе всѣхъ тѣ, которые предлагали продать свои земли по 500,000 рублей за десятину, обошедшуюся въ сто разъ дешевле.

Хотя бакинская нефть добывалась еще при Александрѣ Македонскомъ, русскій горный инженеръ Воскобойниковъ на казенный счетъ перегонялъ

нефть тридцать лѣтъ ранѣе американцевъ, а Кокоревъ (при помощи, впрочемъ, иностранца, знаменитаго Либиха) устроилъ еще въ 50-хъ годахъ Бакинское общество, но не будь шведа Нобеля, керосинъ стоилъ бы и до сихъ поръ 3 рубля за пудъ, тогда какъ теперь онъ стоитъ, смотря по спросу за границу, отъ 6½ до 30 коп. за пудъ. Пока не вошелъ въ бакинское дѣло французскій банкирскій домъ бр. Ротшильдовъ, въ Баку деньги занимали у армянъ по 8 процентовъ въ мѣсяцъ, а теперь и 8 процентовъ въ годъ находятъ тамъ платить убыточнымъ. Вотъ образчикъ вреда отъ иностранцевъ.

Такъ же нелѣпы крики, которые поднялись по поводу того, что французы купили десятокъ значительно выработанныхъ золотыхъ пріисковъ на Уралѣ. Между тѣмъ въ Россіи изъ отведенныхъ уже частнымъ лицамъ, т. е. болѣе или менѣе обслѣдованныхъ, 7,000 золотыхъ пріисковъ 5,000 остаются безъ разработки за неимѣніемъ капиталовъ, а разработка жильнаго золота почти что не начиналась. И при такихъ-то условіяхъ говорятъ объ опасности для русскаго золотого дѣла отъ прилива иностраннаго капитала!

Кричать о вредѣ иностранныхъ капиталовъ и держаться въ то же время покровительственной системы — явное противорѣчіе. Покровительствен-

ная система, еще со времен Кольбера, состоитъ въ томъ, что иностранцы переносятъ цѣликомъ свои фабрики и свои готовыя познанія изъ одной страны въ другую. Если бы начинать заведеніе каждаго промышленнаго дѣла съ азбуки, то отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ мы не избавились бы и въ тысячу лѣтъ.

Теперь же все дѣлается скоро и просто. У насъ не было, напримѣръ, шелкомотанія, размотанный шелкъ выписывался изъ Италіи и Франціи. Высокія пошлины тарифа 1891 г. привлекли къ этому дѣлу нѣсколько швейцарскихъ и французскихъ капиталистовъ, и уже шесть лѣтъ спустя болѣе 20,000 русскихъ рабочихъ и работницъ занимались на русскихъ шелкомотальныхъ фабрикахъ, и именно въ тѣхъ подмосковныхъ губерніяхъ, объ экономическомъ упадкѣ которыхъ вопіютъ такъ сильно.

Любопытно, какъ измѣняются взгляды на одну и ту же вещь. Теперь очень вліятельная часть общества убѣждена во вредѣ иностранцевъ; за десять лѣтъ было издано не мало ограниченій противъ притока иностранцевъ и даже иностранныхъ капиталовъ. Каждое почти желаніе иностранца построить заводъ или фабрику въ Россіи разсматривается какъ злой умыселъ противъ русскаго благополучія, безцеремонное залѣзаніе въ русскій кар-

манъ. Для удовлетворенія этого желанія надобно пройти болѣе мытарствъ, чѣмъ прошла въ свое время святая Ѳеодора.

Между тѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ смотрѣли совсѣмъ иначе. Тогда не русскіе, а иностранцы очень опасались, что ихъ соотечественники перенесутъ свои капиталы и свои познанія въ Россію.

Когда Россія въ 1823 году пожелала отказаться отъ невыгоднаго для нея фритредерскаго торговаго трактата съ Пруссіей, заключеннаго въ 1818 году, то прусское правительство было этимъ, понятно, очень недовольно и въ числѣ крупныхъ обвиненій противъ Россіи, по словамъ нашего посланника графа Алопеуса, выставило, что наше правительство «заманиваетъ къ себѣ всѣми средствами прусскихъ заводчиковъ и рабочихъ, которые покидаютъ свою родину, чтобы поселиться въ Польшѣ. Такимъ образомъ Пруссія теряетъ значительные капиталы и весьма искусныхъ рабочихъ» (Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», т. VIII, стр. 16).

Теперь, наоборотъ, у насъ увѣряютъ, что пруссаки, создавъ Лодзь, Сгержъ, Сосновицы, Домброву, чуть не разорили Россію, такъ какъ промышленность тамъ доставляетъ по крайней мѣрѣ на двѣсти милліоновъ рублей въ годъ новыхъ продуктовъ, да въ придачу, иностранцы имѣли дерзость, вмѣсто

полуразрушенныхъ польскихъ деревушекъ, выстроить большіе города съ мостовыми, электрическимъ освѣщеніемъ, газетами и школами!

Въ заключеніе я остановлюсь на одномъ важномъ обвиненіи, а именно, будто бы своими громадными барышами иностранцы «высасываютъ сокъ изъ той страны, куда вкладываютъ свой капиталъ». На девять десятыхъ эти обвиненія невѣрны. Конечно, когда какой-нибудь иностранный пѣвецъ получитъ за сезонъ сто тысячъ и увезетъ ихъ, то можно сказать, что произошла эксплоатація, ибо взамѣнъ чего-то осязательнаго — денегъ — остается лишь сладкое воспоминаніе о звукахъ. Хотя и здѣсь есть полезная сторона для страны. Но въ фабрикахъ и заводахъ дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Остаются не одни звуки. Пока дѣло новое, эти учрежденія обыкновенно не даютъ никакихъ прибылей, а когда начинаютъ давать барыши, то дѣло стоитъ уже такъ, что оно вызываетъ около себя цѣлое промышленное движеніе, выгодное для цѣлаго района, а при этомъ вывозъ дивиденда не имѣетъ уже большого значенія, да за нѣсколько лѣтъ нерѣдко часть иностранныхъ паевъ, а иногда и все дѣло переходятъ въ русскія руки.

Я пересматривалъ внимательно списки всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ предпріятій въ Россіи: ихъ сотни, а дивиденды даютъ изъ нихъ только

десятки; хорошіе же дивиденды — единичные случаи. Бываетъ также, что дѣло, казавшееся сначала весьма выгоднымъ, начинаетъ падать вслѣдствіе конкуренціи, вызванной именно высокими барышами перваго предпріятія. Такъ было у насъ напримѣръ, съ проволочнымъ желѣзомъ, которое продается теперь по цѣнѣ, равной прибыли, которую имѣли первые нѣмецкіе заводы этого желѣза въ Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранная задолженность дѣло важное и по временамъ опасное; финансистамъ слѣдуетъ ее внимательно изучать, но въ принципѣ нужно признать, что вредною она бываетъ только если является отъ заграничныхъ займовъ казны, сдѣланныхъ для непроизводительныхъ цѣлей (на войны и т. п.), или отъ расходовъ заграницею путешественниковъ-жуировъ. Задолженность же, вытекающая изъ постройки желѣзныхъ и конныхъ дорогъ, водопроводовъ, фабрикъ и заводовъ, никогда не вредна, хотя, конечно, отдѣльные случаи вредной эксплоатаціи и возможны. Но эти случаи возможны и для внутреннихъ капиталовъ, когда послѣдніе помѣщаются въ кабаки, притоны разврата, ростовщичьи кассы и т. п. Неужели можно, однако, выводить изъ этого заключеніе, что внутренніе капиталы вредны?

* * *

Вышеозначенныя строки обратили на себя внимание и публики, и печати. Я удостоился, конечно, нѣскольких ругательствъ — иначе у насъ нѣкоторые господа полемики и не понимаютъ. Курьезнѣе всего, что лица, пишущія рѣзко и слѣдовательно яко бы имѣющія право третировать другихъ свысока, проявляютъ обыкновенно младенческое невѣжество въ исторіи русской промышленности. По этому поводу я написалъ второе нижеслѣдующее письмо.

Я берусь за перо не для исправленія ошибокъ разныхъ невѣждъ (это былъ бы трудъ напрасный), но для разъясненія вопроса, по моему мнѣнію, очень важнаго и который недавно вновь послужилъ предлогомъ для цѣлаго ряда полемическихъ статей. Общій смыслъ этихъ статей тотъ, что благополучію Россіи угрожаетъ чрезвычайная опасность отъ какого-то ненасытнаго стремленія иностранцевъ затрачивать свои капиталы въ Россіи.

Мнѣ кажется, что, не оспаривая похвальныхъ патріотическихъ стремленій гг. алармистовъ, не лишнее успокоить нѣсколько публику.

Я довольно близко стоялъ и стою къ промышленнымъ кругамъ, помѣщающимъ свои капиталы въ Россіи, и вовсе не вижу какого-то особаго азарта по этой части. Въ Парижѣ и Брюсселѣ вращается нѣсколько агентовъ, привлекающихъ иностранныя сбереженія въ Россію, но никакого увлеченія, похожаго, напримѣръ, на увлеченіе аргентинскими или южно-африканскими дѣлами, не замѣтно; несомнѣнно, однако, что европейская промышленность переполнила свои рынки, а покровительственная система, процвѣтающая съ легкой руки Германіи съ начала 80 годовъ, дѣлаетъ дальнѣйшее развитіе фабрикъ на Западѣ невозможнымъ. Большіе предприниматели стараются поэтому перенести часть своихъ фабрикъ въ страны, гдѣ промышленность менѣе развита, а таможенный тарифъ — высокъ.

Нѣмцы это сдѣлали съ успѣхомъ въ Царствѣ Польскомъ, но ограничительный законъ 1887 г. стѣснилъ дальнѣйшій приливъ туда нѣмецкихъ капиталистовъ. Французы всегда неохотно помѣщали свои капиталы въ русскія дѣла; они предпочитали русскіе фонды съ опредѣленнымъ доходомъ; смѣлѣе всего шли въ русскія дѣла капиталисты въ Ліонѣ, но франко-русскія дѣла легко пересчитать по пальцамъ и итогъ ихъ, вѣроятно, менѣе, чѣмъ капиталъ, помѣщенный въ концѣ 50-хъ годовъ французами въ акціи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Бельгійцы, народъ богатый и бережливый, помѣстили свыше 150 мил. руб. въ русскія дѣла. Эта цифра вовсе не большая для Бельгіи, но она отозвалась уже въ Брюсселѣ извѣстнымъ переполненіемъ рынка русскими акціями. Англичане только что начинаютъ знакомиться съ русскими промыш-

ленными предпріятіями, а капиталъ, помѣщенный ими у насъ, — капля въ морѣ, сравнительно съ тѣмъ, что помѣстили англичане въ послѣднее время на Дальнемъ Востокѣ, въ Южной Америкѣ, въ Трансваалѣ и другихъ странахъ. Одинъ голландскій Трансвааль, не стоящій четверти нашего Урала, поглотилъ болѣе милліарда рублей англійскихъ денегъ, и туда же пошли милліоновъ триста денегъ французскихъ и огромные капиталы нѣмецкіе и бельгійскіе.

Колоссальные барыши, будто бы извлекаемые иностранцами изъ русскихъ дѣлъ, существуютъ пока только въ воображеніи авторовъ газетныхъ статей. Не дурно работаютъ предпріятія старинныя, особенно нѣмецкія, устроившіяся мало-по-малу, погасившія изъ барышей свои первоначальныя затраты и руководимыя людьми, хорошо знающими русскія условія. Изъ большихъ иностранныхъ предпріятій, создавшихся подъ вліяніемъ тарифной политики послѣднихъ лѣтъ, очень немногія приносятъ уже барыши, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ иностранцы, воспользовавшись оживленіемъ нашихъ биржъ, перепродали часть своихъ бумагъ обратно въ Россію (общества: Россійское золотопромышленное, Русское паровозное и др.).

Я принимаю съ выхода въ отставку въ 1896 г. непосредственное участіе въ нѣсколькихъ большихъ

иностранныхъ предпріятіяхъ въ Россіи. Изъ нихъ рельсовое, каменно-угольное и механическое, всѣ прекрасно устроенныя, не дали еще никогда дивиденда своимъ акціонерамъ; желѣзнорудное, несмотря на удвоеніе цѣны криворожской руды, стало только недавно давать 5 проц. дивиденда; нефтяное, существующее лѣтъ двадцать, въ среднемъ за это время не дало и 4 проц., хотя въ настоящій моментъ находится несомнѣнно въ хорошемъ положеніи. Вотъ примѣры, взятые изъ дѣйствительности, а не изъ фантазіи, и вовсе не исключительные. Я участвую и въ обществахъ, гдѣ только часть капитала принадлежитъ иностранцамъ; эти общества или не даютъ пока дивиденда, или обѣщаютъ таковой въ скромныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ всѣ перечисленныя предпріятія хорошо задуманы, управляются первоклассными техниками и имѣютъ блестящую будущность. Выводъ тотъ, что мало еще устроить теперь промышленное предпріятіе въ Россіи и быть иностранцемъ, чтобы загребать деньги. Съ такимъ же успѣхомъ могутъ дѣйствовать и русскіе предприниматели со своими капиталами: къ сожалѣнію, капиталистовъ этихъ немного, а Россія такъ велика. Я думаю даже, что русскимъ легче наживать въ Россіи деньги, потому что при устройствѣ дѣлъ иностранцы за все, естественно, переплачиваютъ.

Особую тревогу забила наша печать по случаю покупки англичанами трехъ нефтяныхъ предпріятій въ Баку съ отчужденіемъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ земли. Когда-то Иванъ Грозный приглашалъ англичанъ въ Россію, справедливо замѣчая, что «Творцу неба и земли, во Всевышней заботливости о человѣческомъ родѣ, не угодно было, чтобы все находилось въ какой-либо одной странѣ» (грамота къ королю Эдуарду VI, 14-го февраля 1553 г.). А теперь появленіе даже не англичанъ, а ихъ денегъ приравнивается къ чумѣ. Въ этомъ появленіи прозрѣвается даже коварство американцевъ и предвидится тягчайшее экономическое рабство! Если,— пишетъ, напр., г. Касьяновъ,—иностранцы захватятъ наши горныя, лѣсныя, рыбныя и *прочія* богатства, то мы очутимся съ однимъ старымъ разбитымъ корытомъ». Перспектива дѣйствительно ужасная! Но какъ это можно захватить *всѣ* русскія богатства, т.-е. скупить всю Россію? Вѣдь она, матушка, занимаетъ шестую часть земного материка. Нужно ужъ очень много коварства и много денегъ для этого захвата.

А что денегъ понадобится не мало,— можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ. Кокоревъ, неся убытки на Бакинскомъ обществѣ (теперь акціи послѣдняго поднялись въ нѣсколько разъ), представилъ проектъ монополизировать все нефтяное дѣло

въ рукахъ казны, выкупивъ отводы и жалованныя земли. По его расчету, на выкупъ требовалось $7^1/_2$ милліоновъ рублей. Это было лѣтъ 15 назадъ. Я убѣдилъ Кокорева, что предложеніе его никогда не пройдетъ, такъ какъ казна, по разсмотрѣніи дѣла въ трехъ совѣтахъ, пяти комитетахъ и семи комиссіяхъ, навѣрное найдетъ вышеозначенную сумму чрезмѣрною, да и въ рукахъ чиновниковъ нефтяное дѣло будетъ убито, почему изъ монополіи ничего въ концѣ-концовъ не выйдетъ. Въ настоящее время земли Апшеронскаго полуострова, оцѣненныя Кокоревымъ въ $7^1/_2$ мил., едва ли можно скупить и за 100 мил. руб., такъ какъ за 10 десятинъ г. Тагіева было уплачено 5 мил. руб. для перепродажи ихъ англійской публикѣ за 9 милліоновъ руб.

Очевидно, что и скупка прочихъ богатствъ Россіи произвела бы такое же явленіе. Спрашивается, что потеряли Россія и русскіе люди отъ того, что клочокъ земли Каспійскаго моря за короткое время поднялся въ цѣнѣ въ пятнадцать разъ? И почему было бы выгоднѣе оставлять ее in statu quo изъ опасенія иностраннаго коварства и въ ожиданіи остаться при одномъ корытѣ? Вѣдь на 100 милліоновъ можно купить что-нибудь и получше корыта.

Надобно, впрочемъ, прибавить, что пропорціонально иностранная промышленность въ Баку даже

вовсе не увеличилась. Когда вырабатывался при моемъ участіи законъ 1892 г., ограничившій иностранцамъ право пріобрѣтать нефтяныя земли за Кавказомъ, въ Баку въ рукахъ иностранцевъ было двѣ трети всей добычи нефти и керосина. Затѣмъ успѣхъ нѣкоторыхъ армянскихъ и татарскихъ фирмъ, наткнувшихся случайно на нефтяные фонтаны, уменьшилъ процентное участіе иностранцевъ; продажа дѣлъ Тагіева, Шибаева и Арафелова снова доводитъ участіе иностранцевъ до прежнихъ размѣровъ. Но такъ какъ и ранѣе дѣло не погибло отъ того, что въ него на двѣ трети вошли коварные иностранцы, такъ и теперь, вѣроятно, оно, Богъ милостивъ, не пропадетъ. Благодаря шведамъ, наша нефть получила усовершенствованную перевозку, а французы развили ей сбытъ продуктовъ за границею и на Дальнемъ Востокѣ. Англичане также, вѣроятно, внесутъ что-либо новое, при ихъ извѣстной торговой ловкости. Участіе англичанъ тѣмъ важнѣе, что именно въ Англіи мы всегда несли убытки по сбыту керосина и американцы царили тамъ. Иниціаторомъ англійскихъ дѣлъ, по части нефти, въ Россіи явился г. Ленъ, главный противникъ американской Standard Oil C-у, а совсѣмъ не агентъ ея, какъ предполагаютъ нѣкоторыя газеты. Впрочемъ, соглашеніе съ американцами было бы только выгодно для Россіи, почему его всегда

тщетно добивались бакинцы. Нобель имѣетъ даже, какъ слышно, какое-то соглашеніе съ Америкой, касающееся иностранныхъ рынковъ.

Въ торговлѣ внутри Россіи совсѣмъ другія условія: здѣсь цѣны регулируются желѣзнодорожными тарифами, а затѣмъ на керосинъ—акцизомъ, а на остатки—относительною цѣною каменнаго угля и дровъ. Спросъ на нефтяные остатки теперь, вслѣдствіе оживленія съ 1887 года всей русской промышленности, такъ великъ, что нельзя ожидать возвращенія прежнихъ цѣнъ, а слѣдовательно и прежнихъ цѣнъ сырой нефти. При цѣнѣ же 12 к. за пудъ, нынѣшнія цѣны нефтяныхъ земель даже въ 500,000 р. за десятину, и арендныя платы въ 3—4 к. съ пуда, казавшіяся еще недавно безумными, представляются нормальными, конечно, при условіи, что нефть имѣется дѣйствительно въ землѣ, а не въ воображеніи посредниковъ, завлекающихъ иностранцевъ въ Россію.

Послѣ Баку болѣе всего плачутся теперь наши публицисты объ Уралѣ. «Петербургскія Вѣдомости» такъ прямо и озаглавили свою статью—«Распродажа Урала». Эта распродажа пока сводится къ продажѣ—весьма невыгодной, по-моему, для иностранцевъ—золотыхъ пріисковъ Подвинцева и Зеленкова и платиновыхъ пріисковъ Переяславцева и Бурдакова. Имѣя въ виду, что Уральскій гор-

ный районъ обнимаетъ пять огромнѣйшихъ губерній и двѣ области, изъ которыхъ одна Пермская площадью равна почти Франціи, то можно представить себѣ, что выражаетъ собою означенная «распродажа». Это легкій уколъ на тѣлѣ слона.

Правда, на Уралъ понаѣхало, говорятъ, не мало разныхъ комиссіонеровъ и посредниковъ. Что же тутъ за бѣда? Пусть себѣ маклачатъ. Одинъ горный департаментъ имѣетъ на Уралѣ пять округовъ казенныхъ заводовъ, да какихъ! Одинъ округъ равенъ Бельгіи, другой — Саксоніи. Эта Бельгія и эта Саксонія даютъ казнѣ въ сложности въ годъ тысячъ двѣсти или триста дохода. Неужели же на территоріи Бельгіи не найдется почвы для дѣятельности и пошире этой? На Уралѣ и частныя горнозаводскія имѣнія въ полмилліона и даже въ милліонъ десятинъ не рѣдкость встрѣтить. Это — цѣлыя нѣмецкія государства; гдѣ же у помѣщиковъ найдутся средства для полной эксплоатаціи подобныхъ пространствъ? Тутъ надобны десятки и сотни милліоновъ рублей.

Безъ затраты же капиталовъ смѣшно и говорить о современномъ горномъ дѣлѣ. На переустройство 26 казенныхъ заводовъ, въ томъ числѣ и сталепушечныхъ, было отпущено въ 20 лѣтъ 6 мил. руб., и наивно удивляются, что результаты были ничтожны, между тѣмъ на одинъ частный Брянскій или Пу-

тиловскій заводы ушло на постройки въ пять лѣтъ милліоновъ по пятнадцати. Прежде на заводѣ для молота брали березовое бревно, надѣвали чугунную балду и получалась машина цѣною рублей въ двадцать; теперь молота стоютъ по полтора и по два милліона рублей; прежде доменныя печи стоили maximum 30—60 тысячъ рублей, теперь же милліономъ не обойдешься. Что же удивительнаго, что на такую организацію горнозаводской промышленности денегъ въ странѣ, гдѣ избы стоятъ безъ крышъ, нѣтъ, какъ не нашлось ихъ для сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, и пришлось обращаться за границу. Желѣзныя дороги, однако, вреда не принесли.

Просто невѣроятно, что мы, наканунѣ XX столѣтія, все еще опасаемся козней и происковъ иностранцевъ, когда наши предки вовсе ихъ не боялись и просили только одного — не давать иностранцамъ исключительныхъ привилегій. По закону 1739 года, изданному, значитъ, еще при Аннѣ Іоанновнѣ, даже посессіонные (т.-е. съ пособіемъ отъ казны) горные заводы могли учреждать иностранцы. Столь же широкій взглядъ господствовалъ и сто лѣтъ ранѣе. Когда англійскій посолъ Джонъ Мерикъ, въ 1616 году, просилъ у царя Михаила Ѳеодоровича разрѣшенія англичанамъ пріѣзжать въ Россію для разработки рудъ желѣзныхъ и оловянныхъ и для

добычи гипса, то московскіе торговые люди, спрошенные по этимъ дѣламъ, нашли, что если англичане будутъ находить руды и выдѣлывать желѣзо, то никому убытка не будетъ, а только прибыль. Потому что,— говорили москвичи,— «какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять».

Юзъ прекрасно подтверждаетъ прозорливость московскихъ торговыхъ людей. Примѣру Юза мы обязаны огромною выдѣлкою желѣза на минеральномъ топливѣ на Югѣ Россіи. Учрежденіемъ первыхъ горныхъ заводовъ для выплавки чугуна и выдѣлки желѣза на древесномъ топливѣ мы обязаны также иностранцамъ: нѣмцамъ Петру Марселису и Тильману Акману, построившимъ на свой счетъ первые горные заводы при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ. Въ Олонецкомъ краѣ первый желѣзный заводъ построенъ въ 1678 г. датчаниномъ Бутенантъ фонъ-Розенбушемъ. Уже по ихъ слѣдамъ пошла потомъ казна, а затѣмъ Демидовы, при содѣйствіи казны же.

Въ числѣ вредныхъ сторонъ прилива иностраннаго капитала указывается обыкновенно на обратный дренажъ денегъ изъ Россіи, являющійся послѣдствіемъ того, что иностранцы получаютъ дивиденды и погашеніе на свои капиталы, при чемъ, въ случаѣ удачи, суммы эти могутъ далеко превосходить размѣры первоначальныхъ затратъ иностранцевъ

въ Россіи. Я уже указывалъ выше, что барыши отъ новыхъ дѣлъ вовсе не такъ велики, какъ думаютъ, а затѣмъ въ каждомъ иностранномъ дѣлѣ часть акцій съ перваго раза остается въ Россіи, въ русскихъ рукахъ и нерѣдко пріобрѣтается и далѣе русскими капиталистами.

Кому знакомъ механизмъ образованія иностранныхъ обществъ, тотъ знаетъ, что значительная часть такъ-называемыхъ apports, т.-е. недвижимаго имущества, передаваемыхъ контрактовъ и пр. оплачивается не деньгами, а акціями новаго предпріятія, затѣмъ ни одно почти иностранное предпріятіе не обходится безъ участія русскихъ подданныхъ (многіе изъ нихъ остаются потомъ директорами и пр.); это участіе вознаграждается также акціями новыхъ дѣлъ. Такимъ образомъ часть дивиденда не можетъ уйти изъ Россіи. Разсматривая затѣмъ списки предпріятій, основанныхъ за продолжительное время въ Россіи, не трудно убѣдиться, что многія изъ нихъ стали совсѣмъ русскими, а нѣкоторыя перешли частью въ русскія руки.

Если эта операція перехода не совершается быстрѣе, чѣмъ желательно, то виною тому отчасти мы сами и на это обстоятельство давно бы слѣдовало обратить вниманіе, если бы сила вещей само собою не выдвинула его. По словамъ «Вѣстника Финансовъ», двѣ англійскія компаніи, организованныя

для эксплоатацiи нефтяныхъ промысловъ и получившiя разрѣшенiе на открытiе операцiй въ Россiи, обратились въ С.-Петербургскiй биржевой комитетъ съ ходатайствомъ о допущенiи ихъ акцiй къ обращенiю на С.-Петербургской биржѣ. Такъ какъ до сего времени не было случая допущенiя къ обращенiю на нашей биржѣ акцiй иностранныхъ предпрiятiй, то биржевой комитетъ обратился за разъясненiемъ въ департаментъ торговли и мануфактуръ. Я не знаю, что отвѣтитъ департаментъ, но полагаю, что допущенiе котировки бумагъ иностранныхъ компанiй, оперирующихъ въ Россiи, не говоря о томъ, что это будетъ соотвѣтствовать буквѣ трактатовъ о взаимствѣ (а котировка русскихъ акцiй допускается на заграничныхъ биржахъ), послужитъ къ скорѣйшему переходу значительной части иностранныхъ предпрiятiй въ русскiя руки, по крайней мѣрѣ — къ усиленiю участiя въ этихъ предпрiятiяхъ русскихъ людей.

Новыя же ограниченiя прилива, наоборотъ, не принесутъ никому пользы. Какiя ограниченiя были необходимы въ политическомъ отношенiи, они уже сдѣланы для Западной Россiи, Туркестана, Приморской области, Восточной Сибири, Кавказа и спецiально для нефтяныхъ земель; идти далѣе, значитъ, прямо возвращаться назадъ къ китайскимъ порядкамъ. Если мы и безъ того, какъ я привелъ

примѣры, съ Ивана Грознаго и Михаила Өеодоровича въ нашихъ экономическихъ взглядахъ пошли назадъ, то я уже не знаю, къ какимъ временамъ приглашаютъ насъ теперь идти, потому что при Гостомыслѣ говорили иностранцамъ: «милости просимъ!» Что удивительнаго, если даже въ центральныхъ губернiяхъ у насъ крестьянское положенiе очень плохо, когда мы пугаемся малѣйшаго шага впередъ и все взываемъ къ правительству о томъ, чтобы обуздывать полицейскими мѣрами малѣйшее проявленiе промышленной жизни. Иные это взыванiе считаютъ даже за борьбу съ марксизмомъ!

* * *

Статья вновь вызвала многочисленныя возраженiя; нѣкоторыя газеты и нѣкоторые публицисты, особенно гг. Шараповъ, Бутми, Липранди, Иванюшенковъ, просто рехнулись и вмѣсто возраженiя посылали по моему адресу глупѣйшiя и гнуснѣйшiя инсинуацiи. Нападки на иностранцевъ не прекратились, даже когда опытъ доказалъ, что кромѣ убытковъ и потерь иностранцы въ Россiи ничего не получили. Уже лѣтомъ нынѣшняго года, въ № 9119 «Новаго Времени», появилась статья о роли иностраннаго капитала въ Россiи и редакцiонная по этому предмету замѣтка. Статья отмѣчала только явленiе, всѣмъ извѣстное, но которое можетъ быть немногiе оцѣнили, а именно, что благодаря иностраннымъ капиталамъ часть современнаго нашего промышленнаго кризиса была переложена на другiя страны, отчего тягость собственно Россiи несомнѣнно уменьшилась. Редакцiонная же замѣтка, не отрицая этой полезной перестраховочной роли

иностраннаго капитала, вновь утверждала, будто бы за теперешніе убытки иностранныхъ капиталистовъ въ концѣ-концовъ расплачиваются не эти капиталисты, а русскіе потребители.

Иностранные предприниматели, говорило «Новое Время», «вовсе не невинныя бабочки, летящія на огонь и безвременно погибающія». «Являясь къ намъ со своими капиталами, они не могли разсчитывать на постоянное полученіе головокружительныхъ дивидендовъ; конечно, они имѣли въ виду и пониженіе дивидендовъ въ будущемъ, и всякаго рода неблагопріятныя случайности... Высокій учредительскій барышъ при самомъ возникновеніи иностранныхъ предпріятій въ Россіи заблаговременно застраховалъ однихъ, головокружительные дивиденды застраховали другихъ отъ послѣдствій временныхъ затрудненій. Сливки сняты, пусть молоко и прокиснетъ—убытка не будетъ, за все заранѣе расплатился русскій потребитель, покупая нужныя ему фабрично-заводскія произведенія по высокой цѣнѣ»...

Со всею этою аргументаціею согласиться нельзя. Большая часть помѣщенныхъ у насъ въ послѣднее время иностранныхъ капиталовъ погибла и ничѣмъ не возмѣстится; нѣкоторыя предпріятія уже въ администраціи кредиторовъ. Затѣмъ, цѣнность нѣкоторыхъ изъ предпріятій, если и возродится современемъ при окончаніи кризиса и прекращеніи перепроизводства, то уже не въ нынѣшнихъ рукахъ, а въ рукахъ третьихъ лицъ, которыя найдутъ средства скупить бумаги за безцѣнокъ и ждать у моря погоды.

Для иностранцевъ во всякомъ случаѣ нынѣшній

кризисъ, по чьей бы онъ винѣ ни произошелъ, есть чистая потеря. Наоборотъ, для Россіи и русскаго потребителя помѣщеніе, хотя бы и невыгодное, иностраннаго капитала въ русскую промышленность остается въ концѣ-концовъ пріобрѣтеніемъ, хотя несомнѣнно, что отдѣльные русскіе граждане пострадали и пострадаютъ при разореніи иностранныхъ предпріятій.

Выгоды страны и населенія очевидны. Арендованіе и покупка земель, постройки и сооруженія, перевозки и проч. оставили навсегда извѣстный капиталъ; устройство заводовъ раскрыло мало кому до того вѣдомые запасы рудъ, огнепостоянныхъ, строительныхъ и др. фабричныхъ матеріаловъ; все это остается новымъ пріобрѣтеннымъ капиталомъ; рабочіе обучились разнаго рода труду. Въ короткое время сформировалось у насъ, напр., до пятидесяти тысячъ горнорабочихъ, которые могутъ зарабатывать по рублю въ день, тогда какъ у себя въ деревнѣ, съ среднемъ за годъ, они не зарабатывали и четвертой части этой суммы.

Разъ число заводовъ и фабрикъ увеличилось (а ихъ число увеличилось въ Россіи свыше даже потребности или, точнѣе, покупной и кредитной способности населенія), то, конечно, въ силу элементарнаго экономическаго закона предложенія и спроса, произведенія этихъ заводовъ и фабрикъ будутъ

дешевле, а не дороже прежняго. Самымъ могущественнымъ синдикатамъ, какъ показалъ заграничный опытъ, удастся много-много, что удержать цѣны, но никакъ не повысить ихъ.

У насъ, напримѣръ, вопіютъ о сахарномъ синдикатѣ, когда онъ продаетъ на 5, или на 8 коп. пудъ сахара выше двухрублевой нормы (цѣна сахара удорожается налогомъ около 2 рублей съ пуда), а давно ли сахаръ безъ всякаго синдиката продавался на мѣстахъ производства по 7 руб. за пудъ при налогѣ въ 50 коп. съ пуда. Этотъ конкретный примѣръ наглядно показываетъ, что интересы потребителей отъ увеличенія числа заводовъ и примѣненія иностранныхъ капиталовъ никакъ пострадать не могутъ.

Мнѣ остается разобрать еще нѣсколько другихъ положеній газеты. Она говоритъ, что иностранцы не имѣли права разсчитывать на «постоянное полученіе головокружительныхъ дивидендовъ». Это вѣрно, но дѣло въ томъ, что иностранцы, вложившіе свои капиталы въ послѣднее время, за ничтожными исключеніями, не только «головокружительныхъ», но и никакихъ дивидендовъ не получали, да и не могли получить по той простой причинѣ, что заводы ихъ только строились или начинали дѣйствовать. Высокіе дивиденды въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ получили немногіе существовавшіе

уже ранѣе (и ранѣе нерѣдко въ убытокъ работавшіе) заводы, но это естественное послѣдствіе внезапнаго повышенія таможеннаго тарифа въ 1887—1891 гг.

Учредительскими барышами, если таковые были, воспользовались также вовсе не тѣ иностранные капиталисты, которые вложили въ дѣло дѣйствительные капиталы. Учредители одинъ народъ, а акціонеры — другой. Большею частью настоящіе акціонеры, т. е. люди, покупающіе бумаги не для спекуляціи, а для полученія по нимъ дохода, пріобрѣтаютъ ихъ изъ третьихъ рукъ.

Въ числѣ учредителей иностранныхъ компаній въ Россіи было не мало русскихъ подданныхъ. Такъ что если учредители получили барыши, то не малое количество послѣднихъ должно было остаться въ Россіи. Здѣсь же остались всѣ суммы за такъ-называемые apports, т. е. за передаваемые компаніямъ при учрежденіи имущества: рудники, копи, земли, лѣса и проч.

Въ дѣйствительности однако и барыши учредителей остались по большей части въ видѣ «великихъ ожиданій» послѣднихъ и только напрасно смущали невинныя души читателей газетъ. Читая напримѣръ, что такая-то акція стоила номинально 500 франковъ, а выпущена по 700 франковъ, иной можетъ быть думалъ, что стоитъ помножить 200

на число акцій, чтобы опредѣлить наживу учредителя. На самомъ же дѣлѣ по высокой цѣнѣ можетъ быть были проданы триста штукъ акцій, а остальныя лежали (да и теперь, вѣроятно, лежатъ) въ портфеляхъ банковъ, никогда не найдя себѣ пріобрѣтателей даже ниже номинальной цѣны.

Съ апортами та же исторія; лица, сбывшія ихъ яко бы за высокія цѣны, потомъ сами предлагали сбавить эту цѣну на половину, чтобы соотвѣтственно уменьшить акціонерный капиталъ и тѣмъ поднять курсъ акцій. Въ большинствѣ случаевъ за apports платилось не наличными деньгами, а акціями предпріятія, и учредитель въ концѣ концовъ ничего не получалъ, какъ и другіе акціонеры.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, такъ какъ акціи иностранныхъ компаній выпущены за границею и тамъ только могутъ обращаться, то если бы учредители и получили всѣ свои ожидаемые барыши, то получили бы ихъ съ иностранныхъ биржевиковъ и капиталистовъ, а не съ русскихъ потребителей. Я говорю, конечно, о настоящемъ положеніи вещей, а не о томъ, кѣмъ будутъ погашены въ теченіе 30—60 лѣтъ сдѣланныя въ Россіи заграничными компаніями затраты.

Еще менѣе вѣроятно, что «русскій потребитель расплатился уже съ иностранцами, покупая нужныя ему фабрично-заводскія произведенія по высокой цѣнѣ». Выше уже было сказано, что временными высокими цѣнами воспользовались существовавшіе, а не вновь возникшіе и строившіеся заводы и фабрики. Тѣ этихъ цѣнъ и не понюхали и открыли свои дѣйствія, когда цѣны стали уже явно убыточными. Даже тѣ, которые продавали еще годъ или два по высокимъ цѣнамъ, далеко ихъ не использовали, ибо каждому технику извѣстно, что въ первые годы по открытіи завода все идетъ не ладно и обходится гораздо дороже нормальнаго. Рынки для сбыта, да еще большими партіями, также не сразу и не скоро прінскиваются для новыхъ дѣлъ.

Надобно еще прибавить, что крупное, хотя и кратковременное повышеніе цѣнъ замѣчалось только въ горнозаводскомъ дѣлѣ, отчасти отъ случайныхъ причинъ (вздорожанія угля и нефти), отчасти отъ огромной потребности въ металлахъ и минеральномъ топливѣ для быстро расширявшейся сѣти желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ иностранные капиталы, вслѣдствіе таможеннаго тарифа 1891 г., у насъ были затрачены также и въ промышленности цементную, шелковую, стеклянную, зеркальную, мануфактурную, механическую, вагоностроительную и многія другія, гдѣ пониженіе цѣнъ наступило немедленно.

Вопросъ о положеніи иностранныхъ капиталовъ

въ Россіи очень важенъ. Не надобно забывать, что, кромѣ учрежденія новыхъ заводовъ, иностранцы купили не мало акцій и чисто русскихъ предпріятій, на которыхъ понесли не меньшіе убытки. Не говоря уже о нравственной сторонѣ, о томъ, что никому непріятно видѣть потери и разоренія пріятеля и сосѣда, ссудившаго васъ своими деньгами, внимательное отношеніе къ этому важному вопросу имѣетъ и политическое значеніе. Развивающаяся промышленно и культурно Россія нуждается въ заграничныхъ денежнымъ рынкахъ; намъ и приходится туда отъ времени до времени обращаться, особенно для постройки большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, и конечно, пріятнѣе находить тамъ людей довольныхъ дѣловыми сношеніями съ Россіей, нежели встрѣчать кислыя и вытянутыя физіономіи людей, потерявшихъ свое достояніе на русскихъ промышленныхъ бумагахъ.

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ.

Человѣкъ моего возраста не можетъ открыть «Новаго Времени», чтобы среди траурныхъ ободковъ ежедневно, буквально ежедневно, не встрѣтить какое-либо знакомое имя въ пріятномъ ожиданіи, что и его собственное попадется на глаза врагамъ и пріятелямъ. Вотъ нѣсколько лицъ, которыхъ я зналъ поближе и о которыхъ могу поэтому подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями.

I.

П. І. Губонинъ.

Скончавшійся внезапно 30-го сентября 1894 г. въ Москвѣ на 67 году жизни Петръ Іоновичъ Губонинъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ русскимъ людямъ. Это блестящій

типъ тѣхъ нашихъ «самородковъ», которые безъ малѣйшаго предварительнаго образованія, одною силою природныхъ способностей, такъ-называемой «смекалки», да пріобрѣтенной жизнью практической опытности въ состояніи создавать и осуществлять самые разнообразные и обширные планы.

Подобные типы, положимъ, существуютъ и заграницею, особенно между фабрикантами и биржевиками, но у насъ они попадаются еще чаще, и при низкомъ уровнѣ культуры и образованія роль ихъ гораздо значительнѣе.

Глядя на Губонина съ его красивою чисто русскою наружностью, красивыми оборотами русской рѣчи «себѣ на умѣ» и мягкими манерами, мнѣ становилось ясно, какъ бояре или дьяки московской Россіи XVI и XVII столѣтія безъ малѣйшаго образованія, кромѣ грамотности, заимствованной у пономаря или изъ чтенія рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ книгъ византійскихъ церковныхъ писателей, рѣшали съ успѣхомъ важнѣйшія государственныя дѣла, искусно вели дипломатическіе переговоры и лицомъ въ грязь не ударяли даже при утонченномъ дворѣ Людовика XIV.

Губонинъ былъ сынъ крѣпостного крестьянина, каменщика, деревни Борисовки, Коломенскаго уѣзда Московской губерніи. Съ молоду у него было около Подольска небольшое заведеніе для тески камней

и точилъ. Занимаясь подрядами на каменныя работы въ г. Петербургѣ, Москвѣ и на шоссе, онъ свелъ знакомство съ путейскимъ міромъ и ознакомился со строительною частью вообще, что пригодилось ему для дальнѣйшей карьеры.

Желѣзнодорожная горячка середины 60-хъ годовъ быстро выдвинула Губонина на первый планъ въ числѣ желѣзнодорожныхъ строителей и сдѣлала имя его популярнымъ по всей Россіи. Онъ началъ при содѣйствіи покойнаго инженера, извѣстнаго Т. Садовскаго, съ постройки каменныхъ мостовъ на казенной Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Обративъ здѣсь на себя вниманіе отличнымъ знаніемъ дѣла, онъ получилъ съ Садовскимъ и покойнымъ Н. Казаковымъ постройку Орловско-Витебской желѣзной дороги, концессія которой была дана орловскому земству. Во время постройки Садовскій умеръ. Оставшись почти единственнымъ хозяиномъ, Губонинъ добросовѣстно по окончаніи сооруженія поднесъ семейству Садовскаго огромную сумму, чуть ли не милліонъ рублей. Затѣмъ Губонинымъ построены были Грязе-Царицынская желѣзная дорога, Лозово-Севастопольская дорога (со Струве), Уральско-Горнозаводская дорога съ Луньевскою вѣтвью (съ Кокоревымъ), Балтійская дорога (со Штейнгелемъ); послѣдняя, по своему времени, обошлась очень дешево. Всѣ эти линіи выстроены были прочно и

добросовѣстно, сравнительно съ такъ называемыми жидовскими дорогами. Эти дороги онъ строилъ какъ концессіонеръ и глава акціонерныхъ обществъ. Кромѣ того, имъ были исполнены громадныя подрядныя работы по постройкѣ Московско-Курской и Курско-Кіевской желѣзныхъ дорогъ.

Огромныя средства, нажитыя постройкой дорогъ, чуть ли не около 20 милліоновъ рублей, естественно толкнули Губонина вступить въ другія предпріятія: при его сильномъ участіи были основаны Волжско-Камскій банкъ, Сѣверное страховое общество и Бакинское нефтяное общество. На его средства и при его кредитѣ основался важнѣйшій въ Россіи сталедѣлательный и рельсовый заводъ — Брянскій, учреждено общество «Нефть», имѣющее такое важное значеніе въ перевозкѣ нефтяныхъ продуктовъ; имъ устроена сѣть конно-желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, обращено въ великолѣпный европейскій курортъ крымское имѣніе Гурзуфъ, гдѣ заведено обширное винодѣліе. Множество другихъ предпріятій, болѣе или менѣе удачныхъ, также принадлежатъ его широкому почину, таковы: казанскій водопроводъ, Голубовское каменноугольное общество, Общество русскаго рельсоваго производства и мн. др. Онъ принималъ участіе въ сооруженіи храма Спасителя въ Москвѣ и вмѣстѣ съ покойнымъ Мейеномъ устроилъ въ Москвѣ Комисаров-

ское техническое училище. По его же инціативѣ построена казною Баскунчакская желѣзная дорога. Занимаясь въ обширныхъ размѣрахъ солянымъ дѣломъ на Баскунчакѣ и въ Дедюхинѣ, онъ своими ходатайствами въ 70-хъ годахъ много содѣйствовалъ отмѣнѣ налога на соль. Выдѣлка смазочныхъ нефтяныхъ маслъ и золотопромышленность также не обошлись безъ участія Губонина.

Такого рода обширная дѣятельность требовала массы помощниковъ и, надобно сказать, Губонинъ отлично умѣлъ выбирать людей. Столь извѣстные промышленные дѣятели, какъ кн. Тенишевъ, покойные бар. Штейнгель, Козлянинов, Голубевъ, Силинъ, Кульжинскій и др. были молодыми, никому невѣдомыми «инженериками» (какъ онъ выражался) и десятниками на его постройкахъ.

Въ 70-хъ годахъ имя Губонина гремѣло, особенно въ Москвѣ. Нѣкто выразился, что въ семидесятыхъ годахъ наша первопрестольная стояла на трехъ китахъ: административномъ кн. Долгоруковѣ, денежномъ Губонинѣ и артистическомъ Ник. Рубинштейнѣ. Всѣ трое были одинаково извѣстны и одинаково полезны.

Какъ водится, у насъ богатство повлекло за собою для Губонина чины и звѣзды, но онъ, хотя и не безъ притворнаго смиренія, желалъ, чтобы видѣли, что онъ не «мѣщанинъ во дворянствѣ», а

дитя своихъ рукъ, поэтому и въ званіи тайнаго совѣтника ходилъ въ картузѣ и сапогахъ бутылками, и звѣзду надѣвалъ на длиннополый сюртукъ.

Какъ подрядчикъ, Губонинъ отличался заботливостью о той толпѣ, изъ которой вышелъ, и былъ извѣстенъ своимъ хорошимъ расчетомъ съ рабочими; десятки тысячъ трудящагося люда въ разныхъ концахъ Россіи, навѣрное, вспоминаютъ о немъ. Народный вопросъ всегда интересовалъ его. Когда Губонинъ въ первый разъ въ жизни поѣхалъ за границу лечиться, я спрашивалъ его, что болѣе всего поразило его въ западныхъ краяхъ.

— Это какъ богато живутъ тамъ мужики, отвѣчалъ онъ.

Замѣчаніе, полное глубокаго смысла.

Вообще, это былъ замѣчательно толковый и прямой умъ, который быстро, безъ подготовки и ученья, все схватывалъ, отъ сложныхъ техническихъ вопросовъ до замысловатыхъ финансовыхъ комбинацій. Въ то время, когда у насъ даже чиновникамъ финансоваго вѣдомства неяснымъ представлялось отличіе акціи отъ облигаціи, Губонинъ безъ труда сталъ крупнымъ финансистомъ. Этою легкостью усвоенія, а равно превосходнымъ знаніемъ Россіи и своеобразныхъ условій ея быта, онъ напоминалъ Кокорева, съ которымъ его связывали постоянныя

дружескія отношенія, выгодныя, прибавимъ, для обоихъ.

Въ послѣдніе годы здоровье Губонина пошатнулось; онъ страдалъ сахарною болѣзнью и выдержалъ жестокую операцію; со здоровьемъ пошатнулись нѣсколько и его дѣла. Добродушный и довѣрчивый, Губонинъ, кажется, также быстро потерялъ часть своего состоянія, какъ и нажилъ его. На немъ оправдался извѣстный афоризмъ, что деньги легче нажить, чѣмъ сберечь. Но если наслѣдники Губонина получатъ менѣе, чѣмъ ждали, зато сподвижники его всѣ остались съ весьма крупными капиталами...

Пятницкая церковь въ Москвѣ, гдѣ отпѣвали Губонина (онъ похороненъ въ Гурзуфѣ), построена на его средства, съ большимъ вкусомъ и замѣчательною роскошью, въ русско-византійскомъ стилѣ. У этого самородка, въ числѣ другихъ достоинствъ, было и эстетическое чутье.

Я лично узналъ Губонина, когда Кокоревъ основывалъ Волжско-Камскій банкъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за крупнымъ капиталистомъ. Въ 1871 г., при учрежденіи Сѣвернаго общества страхованія и транспортированія кладей, я опять видѣлъ часто Губонина у Кокорева, но, кажется, въ то время роли уже перемѣнились и скорѣе Губонинъ нуждался въ Кокоревѣ и его банкѣ.

Такъ какъ Губонинъ былъ и желѣзнозаводчикомъ, и углепромышленникомъ, и солепромышленникомъ, и золотопромышленникомъ, и нефтепромышленникомъ, то мнѣ его приходилось видѣть частенько просителемъ. Въ послѣдне время онъ все плакался и, конечно, по русскому обычаю, преувеличивалъ затруднительное положеніе своихъ дѣлъ.

Но я видѣлъ Губонина и въ апогеѣ его величія и славы. Онъ всегда отличался хлѣбосольствомъ.

— Пойдемте, молодцы, пить чай въ трактиръ, говорилъ онъ своимъ инженерамъ, приглашая ихъ на роскошные завтраки и обѣды въ ресторанахъ. Что это было за угощеніе, я убѣдился, когда ѣздилъ въ 1879 г. съ гр. Ѳ. Т. Барановымъ и Н. Н. Анненковымъ на Уралъ, причемъ мы присутствовали на открытіи Луньевской вѣтви Уральской желѣзной дороги.

Для проѣзда экстреннаго поѣзда изъ конца въ въ конецъ вѣтви, т. е. изъ ст. Чусовской до Березниковской пристани на Камѣ, потребовалось не мало усилій. Путь не былъ готовъ еще на протяженіи семнадцати верстъ. Это пространство было наскоро уложено въ теченіе четырехъ дней подъ руководствомъ Губонина; работали день и ночь и мѣстами, за недостаткомъ баласта, рельсы были временно подбиты дровами. Конечно, по такому пути можно ѣхать только шагомъ, но и это было пріятнѣе, чѣмъ тонуть въ экипажѣ въ болотахъ, окружающихъ линію. Смычка пути произошла около ст. Кизелъ какъ-разъ наканунѣ нашего проѣзда и сопровождалась торжествомъ. Рабочіе, прельщенные разрѣшеніемъ по окончаніи экстреннаго труда погулять, лѣзли, что называется, изъ кожи; соперничеству содѣйствовало еще то обстоятельство, что съ одной стороны шла артель татаръ, съ другой артель русскихъ рабочихъ; въ концѣ концовъ русскіе побѣдили здѣсь мусульманъ, какъ побѣдили ихъ на Куликовомъ полѣ, подъ Казанью и Плевною. Впрочемъ, всѣмъ рабочимъ одинаково была роздана денежная награда, а дорожный мастеръ, наиболѣе отличившійся, получилъ триста рублей.

Мы прибыли въ Кизеловскій заводъ въ моментъ общаго веселья, рабочіе отдыхали на лаврахъ, жители дивились поѣзду, который они видѣли въ первый разъ въ полномъ составѣ, заводоуправленіе предвкушало блаженство владѣльцевъ завода кн. Абамеликъ-Лазаревыхъ, для которыхъ проведеніе желѣзной дороги равнялось подарку въ нѣсколько милліоновъ рублей; словомъ, всѣ радовались.

Конечно, вся поѣздка отъ Перми до Березниковъ была рядомъ лукулловскихъ угощеній. Графъ Барановъ любилъ хорошо покушать и Губонинъ, много ему обязанный, привезъ съ собою лучшихъ

поваровъ и какіе-то неисчерпаемые запасы гастрономической провизіи и тонкихъ винъ.

Торжество омрачилось тѣмъ, что въ то время, когда Губонинъ смотрѣлъ въ окно вагона, раскаленая искра локомотива сѣла ему въ глазъ и уголекъ впился въ роговую оболочку. Губонинъ буквально страдалъ, сутки не спалъ, глазъ слезился; но онъ ничего дѣлать не хотѣлъ. Мнѣ это наскучило.

— Дайте мнѣ тридцать тысячъ, и я васъ вылечу, сказалъ я ему.

— Бери хоть сто тысячъ, но только спасай глазъ, сказалъ онъ.

Я употребилъ извѣстное средство нянекъ: завернулъ въ дудочку уголокъ носового платка, поплевалъ на него, раскрылъ глазъ и, проведя съ нѣкоторою силою, вытащилъ занозу. Губонинъ воскресъ, повеселѣлъ и о моемъ докторскомъ гонорарѣ совсѣмъ позабылъ, хотя при встрѣчахъ называлъ меня всегда спасителемъ.

II.

Н. А. Новосельскій.

Покойный Николай Александровичъ Новосельскій, котораго я лично зналъ тридцать пять лѣтъ, заслуживаетъ болѣе чѣмъ коротенькаго некролога петитомъ, посвященнаго ему нашими газетами. Въ извѣстной степени это была весьма замѣчательная личность, нѣчто въ родѣ русскаго Лессепса, съ тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Подъ достоинствами я разумѣю необыкновенную быстроту концепціи, неутомимость въ изобрѣтеніи новыхъ дѣлъ и настойчивость въ ихъ осуществленіи. Подъ недостатками — какое-то халатное добродушіе въ исполненіи, почему всѣ великолѣпно задуманныя Новосельскимъ дѣла шли, обыкновенно, очень дурно подъ его непосредственнымъ управленіемъ и, наоборотъ, снова очень скоро дѣлались прекрасными, когда переходили въ другія руки.

Такимъ образомъ это былъ человѣкъ болѣе замысла, нежели энергіи и исполненія. Онъ былъ идеалъ «дѣльца» или gründer'а, но въ хорошемъ значеніи слова: такъ сказать, поэтъ спекуляціи, личная нажива для котораго хотя и служила яко бы цѣлью, но въ дѣйствительности роли не играла, почему Новосельскій, ворочавшій десятками милліоновъ, почти всю жизнь нуждался (конечно, не въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а въ средствахъ для своихъ оборотовъ) и едва ли оставилъ какое-либо состояніе.

Иниціаторы дѣла и не въ одной Россіи такъ кончаютъ; ихъ сначала всегда ругаютъ, затѣмъ имъ ставятъ монументы, денегъ же они не наживаютъ,— наживаются тѣ, которые, не мудрствуя лукаво, являются уже на готовое. Исключенія рѣдки.

Когда я видѣлъ въ «Comédie Française» Меркаде въ великолѣпномъ исполненіи Го, мнѣ всегда представлялся Николай Александровичъ съ его «игрою ума» и находчивостью.

Въ молодости онъ служилъ въ Синодѣ. Повидимому, это мало имѣетъ общаго съ финансами, но это только повидимому. На дѣлѣ въ синодальномъ управленіи всегда хранились и хранятся огромные капиталы, которые надобно помѣщать и приращать; поэтому изъ синодскихъ дѣятелей у насъ уже было нѣсколько финансистовъ, напримѣръ Н. П. Смирновъ, пріятель Новосельскаго.

Оба означенныя лица изъ первыхъ оцѣнили значеніе для Россіи акціонернаго начала, которому у насъ до Крымской войны ходу не давали. Поэтому, когда дали, Новосельскій оказался какъ-разъ на высотѣ положенія. Впрочемъ, и ранѣе онъ уже успѣлъ заявить себя, а именно устроивъ сліяніе двухъ убыточныхъ обществъ «Кавказъ» и «Меркурій» и, ставши въ 1853 г. директоромъ-распорядителемъ новаго общества, «Кавказъ и Меркурій», впервые связавшаго срочными пароходными сообщеніями Каспійское море и Нижнюю Волгу.

Въ то время акціонерная дѣятельность была въ Россіи въ младенчествѣ, руководили ею иностранцы, а во главѣ немногочисленныхъ предпріятій стояли люди въ родѣ гр. Нессельроде, не знавшаго ни слова

по-русски, или кн. Орлова, который не умѣлъ читать длинныхъ цифръ, почему въ докладахъ 1-го страховового общества суммы писались прописью! Вотъ въ эту-то среду попалъ молодой и живой Новосельскій; понятно, что онъ занялъ быстро мѣсто первой скрипки. Но сразу онъ узналъ, что Тарпейская скала недалека отъ Капитолія.

Многочисленныя неудачи «Кавказа и Меркурія» приписывались учредителямъ. Когда во главѣ дѣла сталъ Новосельскій, то послѣ перваго же года онъ пріобрѣлъ великое довѣріе: всѣ радовались дивидендамъ и разбирали акціи новыхъ выпусковъ, но вскорѣ послѣдовало разочарованіе: расчеты оказались преувеличенными и акціи упали съ 420 на 70 рублей! Съ этого момента Новосельскій узналъ горькую истину евангельскихъ словъ: «у неимущаго отымется и имущему дастся», которыя потомъ были его любимою поговоркою.

Онъ принялъ также участіе въ учрежденіи превосходнаго по идеѣ Общества обработки животныхъ продуктовъ, которое, несмотря на участіе предпріимчивыхъ людей, какъ Байковъ, Илимовъ, Полетика, въ концѣ концовъ «обработало» только своихъ акціонеровъ.

Первыя неудачи не охладили Новосельскаго и послѣ Крымской войны онъ съ ревностью приступилъ къ созданію болѣе крупныхъ дѣлъ.

Уже во время войны онъ ѣздилъ для изслѣдованія возможности устроить соединеніе Кавказа съ Россіей водяными путями. Результатомъ этого было соединеніе Одессы съ Ростовомъ и другими городами новымъ тогда телеграфомъ и учрежденіе Ріонскаго и Кубанскаго пароходствъ, имѣвшихъ значеніе до постройки желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ. Онъ же былъ въ числѣ инициіаторовъ и соединенія Волги съ Дономъ желѣзною дорогою. Мысль соединить эти двѣ великія рѣки (конечно, каналомъ) была уже у султана Солимана, ее раздѣлялъ Петръ Великій, а осуществилъ хотя иначе Кокоревъ.

Сокращеніе вслѣдствіе Крымской войны до микроскопическихъ размѣровъ нашего Черноморскаго флота вызвало необходимость создать учрежденіе, которое сохранило бы моряковъ для будущаго флота. Въ это время Перейра во Франціи развилъ, по примѣру Англіи, срочныя пароходныя сообщенія, а Лессепсъ задумывалъ уже свой каналъ. Новосельскій съ Аркасомъ, при поддержкѣ великаго князя Константина Николаевича, создали въ 1856 г. «Русское общество пароходства и торговли», которое связало южные русскіе порты съ Архипелагомъ, Средиземнымъ моремъ и Англіей.

Акціи этого предпріятія, дававшаго потомъ свыше 30% дивиденда, тогда чуть не силою навязывались городскимъ головамъ всѣхъ губернскихъ городовъ,

подъ предлогомъ патріотической цѣли сохранить русскихъ моряковъ на Черномъ морѣ. Кокоревъ рискнулъ взять этихъ акцій на полмилліона. Тогда, при отсутствіи банковъ, это считалось огромною суммою. Теперь ее не задумался бы взять какой угодно биржевикъ изъ старшихъ дворниковъ. Душою всего дѣла сталъ Новосельскій, и съ тѣхъ поръ почти на 25 лѣтъ дѣятельность его тѣсно связалась съ Одессою. Въ Одессѣ Новосельскій просто всѣхъ очаровалъ, за что мѣстные зоилы назвали его въ шутку Чичиковымъ. Но пароходное предпріятіе, прекрасно задуманное, въ рукахъ Новосельскаго пошло съ такими затрудненіями, что въ короткій срокъ перемѣнилось пять директоровъ-распорядителей.

Убытки зависѣли отъ увлеченія, съ которымъ Новосельскій пріобрѣлъ навигаціонное имущество общества, и отъ ошибочнаго распредѣленія этого имущества. Пароходы были куплены наскоро, для обязательныхъ линій менѣе, чѣмъ ихъ слѣдовало, а для буксирнаго дѣла, оказавшагося совершенно убыточнымъ, болѣе. Тамъ, гдѣ было много пассажировъ, плавалъ пароходъ, имѣвшій мало каютныхъ мѣстъ, или, наоборотъ, случалось, что при большомъ количествѣ грузовъ пассажирскій пароходъ уходилъ, не имѣя ни одного пассажира.

Дѣятельность Новосельскаго подверглась рѣзкой

критикѣ въ печати. Ее публично взялись обличить Перозіо, а защитить Смирновъ. Отъ обоихъ рѣчи говорили Полетика и Серно-Соловьевичъ. Бой произошелъ въ Пассажѣ и тогда-то произнесъ Ламанскій знаменитое: «мы еще не созрѣли». Евгеній Ивановичъ хотя былъ выбранъ суперарбитромъ, но видимо тянулъ на сторону Новосельскаго, что и вызвало «пассажъ въ Пассажѣ», какъ выразился въ «Современникѣ» Добролюбовъ. Защитники же Новосельскаго написали въ «Искрѣ», что:

Полемика Полетики,
При тонкости политики,
При знаньи ариѳметики,
Не выдержала критики.

Дѣла «Русскаго общества» шли, однако, все хуже и хуже и цѣна акцій съ 250 руб. упала до 160 руб. Новосельскому пришлось ретироваться и мѣсто его занялъ Н. М. Чихачовъ. При его спокойномъ и твердомъ управленіи дѣла съ перваго же года поправились и акціи мало-по-малу (несмотря на прогрессивное уменьшеніе номильной платы) дошли до 960 руб.

Новосельскій не оставилъ, однако, Юга Россіи и попрежнему умѣлъ находить пищу для своей дѣятельности.

За уступкою по Парижскому трактату южной Бессарабіи, гдѣ былъ обширный казенный соляной про-

мыселъ, юго-западъ Россіи рисковалъ дороговизною соли. Новосельскій предложилъ тогда изъ-за разсрочки акциза устроить соляное дѣло на окружающихъ Одессу лиманахъ. Онъ и устроилъ его на Куяльникѣ, введя впервые въ Россіи французскій, усовершенствованный бассейновый способъ добычи самосадочной соли, нынѣ на югѣ ставшій общимъ. Здѣсь-то я въ 1863 г. и познакомился съ Новосельскимъ. Несмотря на казавшуюся выгодность, куяльницкое дѣло не принесло Новосельскому ничего, кромѣ убытковъ, и сложеніе этихъ убытковъ черезъ комитетъ министровъ надѣлало въ свое время много шума. Но стоило уйти Новосельскому, и Куяльникъ сдѣлался выгоднымъ предпріятіемъ, вплоть до отмѣны акциза съ соли, произведшаго, какъ извѣстно, большую пертурбацію въ соляномъ дѣлѣ Россіи.

Въ 1861 г. князь Барятинскій, въ виду страшныхъ безпорядковъ казеннаго управленія, сдалъ Кавказскія минеральныя воды Новосельскому въ арендное содержаніе, съ небольшой субсидіей и безпроцентнымъ оборотнымъ капиталомъ. Аренда эта продолжалась девять лѣтъ; главнымъ руководителемъ на мѣстѣ Новосельскій пригласилъ извѣстнаго профессора Московскаго университета С. А. Смирнова. Хотя незначительность средствъ, находившихся въ рукахъ Новосельскаго, не позволяла сдѣ-

лать за его время коренного переустройства водъ, но аренда очень много способствовала изученію водъ съ научной стороны, а также привлеченію къ нимъ посѣтителей.

Съ конца 1867 года начинается самая плодотворная часть дѣятельности Новосельскаго. Одесса, признательная за устройство сѣти пароходныхъ сообщеній, соляного промысла и за починъ въ улучшеніи порта, избрала его городскимъ головою, въ каковой должности онъ и оставался до половины іюня 1878 года.

Одессу Новосельскій засталъ въ запущенномъ видѣ, портъ былъ засоренъ и недостаточенъ, солоноватую воду доставляли колодцы, вмѣсто мостовой — горы пыли, освѣщеніе было масляное, городской бюджетъ ничтоженъ. Все это преобразованное городское общественное управленіе силилось исправить, но безъ большихъ затратъ. Новосельскій отлично понялъ, что съ грошовыми средствами ничего подѣлать нельзя и что городъ, какъ Одесса, имѣющій всѣ задатки широкаго развитія въ будущемъ, можетъ смѣло дѣлать займы на свое улучшеніе. Убѣдить, впрочемъ, въ этомъ гласныхъ не такъ-то было легко, да и всякія улучшенія затрогиваютъ обыкновенно чьи-либо интересы.

Несмотря на страшную опозицію, клеветы, на рѣзкіе нападки мѣстной печати, Новосельскому, занявъ для города нѣсколько милліоновъ или выдавъ концессіи, удалось устроить въ Одессѣ канализацію, сдѣлать превосходныя мостовыя изъ мѣстнаго гранита съ Буга, освѣтить городъ газомъ, провести изъ Днѣстра водопроводъ, разбить парки и сдѣлать множество другихъ улучшеній. Въ то же время по его настоянію портъ былъ углубленъ, расширенъ казною втрое и связанъ желѣзными дорогами.

Въ награду за эти труды Новосельскаго въ заключеніе изъ думы все-таки выжили, но въ концѣ концовъ одесское общество оцѣнило плодотворную дѣятельность покойнаго для города и извѣстіе о его смерти послужило поводомъ для разныхъ сочувственныхъ манифестацій. Несомнѣнно, что Новосельскій былъ барономъ Гаусманомъ Одессы, и можно только пожалѣть, что жители другихъ городовъ, и прежде всего Петербургъ, не имѣли своихъ Новосельскихъ.

Если Новосельскій не усидѣлъ долѣе на мѣстѣ, то потому, что не былъ богатъ, а въ купеческомъ городѣ, какъ Одесса, это необходимо, иначе всякія инсинуаціи принимаются на вѣру, а затѣмъ былъ русскимъ. Одесское же самоуправленіе находилось въ рукахъ грековъ и жидовъ. Руская партія не всегда, впрочемъ, поддерживала Новосельскаго; однимъ изъ его главныхъ антагонистовъ былъ покойный Озмидовъ, извѣстный редакторъ «Новороссій-

скаго Телеграфа», тоже впрочемъ, полезный для Одессы дѣятель.

Покинувъ Одессу и переселившись въ Петербургъ, Новосельскій долгое время не находилъ примѣненія для своихъ талантовъ; онъ занялся критикой финансовой системы Бунге и написалъ нѣсколько сочиненій по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Ему принадлежатъ, между прочимъ, «Соціальные вопросы въ Россіи», «Средства къ подъему законодательныхъ силъ Россіи», «Объ установленіи единства и стройности денежной системы», «Бѣдны ли мы?» и друг. Большого значенія эти мимолетные труды не имѣютъ, но въ книгѣ о денежной системѣ едва ли не въ первый разъ онъ разоблачилъ во всей подробности систему «стеллажей» и друг. подвоховъ для игры на курсѣ нашего бѣднаго кредитнаго рубля. Эти разоблаченія послужили потомъ Вышнеградскому матеріаломъ для того, чтобы убить означенную вредную для экономическаго благосостоянія Россіи игру.

Г. Витте, который помогалъ въ этомъ Вышнеградскому, давно зналъ и цѣнилъ Новосельскаго, оказавшаго въ должности городского головы огромныя услуги въ Одессѣ обществу Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ безвозмезднымъ отводомъ большихъ участковъ земли подъ хлѣбные склады, эстокадную желѣзную дорогу въ портѣ, Куяльницкую

вѣтвь и т. п. Поэтому, ставъ министромъ, онъ назначилъ Новосельскаго членомъ своего совѣта и привлекъ къ участію въ разныхъ комиссіяхъ при министерствѣ финансовъ.

Неутомимый Новосельскій и здѣсь не остался празднымъ; онъ помогалъ устройству разныхъ дѣлъ и, между прочимъ, имѣя долгъ казнѣ по устройству Тквибульской вѣтви Закавказской желѣзной дороги, устроилъ Тквибульское каменно-угольное общество. Казенный долгъ погашенъ не былъ, ибо Новосельскій широко въ дѣлахъ практиковалъ извѣстный принципъ, что «имѣть долги и ихъ не платить— все равно, что ихъ не имѣть», и создалось удивительное общество, которое имѣетъ только расходы, но не имѣетъ доходовъ, тѣмъ не менѣе мысль Новосельскаго и въ данномъ случаѣ была вѣрная и я охотно помогалъ Новосельскому въ усиліяхъ поддержать это дѣло. Тквибуль—единственный пунктъ за Кавказомъ, гдѣ имѣется каменный уголь въ большомъ количествѣ. Рано или поздно этому дѣлу предстоитъ блестящая будущность. Въ утѣшеніе же бельгійцевъ, акціонеровъ общества, недовольныхъ убытками, существуютъ извѣстныя русскія пословицы: «и хлѣбъ не безъ крохъ», «гдѣ лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», которыя давно нужно перевести на бельгійскій языкъ.

Гораздо ранѣе Тквибуля Новосельскій оцѣнилъ

будущее значеніе кавказской нефтяной промышленности и устроилъ по этой части дѣло при содѣйствіи Илимова и одного знаменитаго професора. По этому поводу разсказываютъ, что въ Парижѣ, на обѣдѣ, данномъ въ честь новаго дѣла, предсѣдатель общества началъ свою рѣчь словами: Monsieur l'eminent professeur *s'engage*...

— Comment *sans gages?* — прервалъ его знаменитый химикъ, — avec gages.

Но и gages не помогли. Дѣло не пошло. Въ самое послѣднее время Новосельскій хлопоталъ и, повидимому, успѣшно объ устройствѣ на Кавказѣ большого металургическаго предпріятія. Кавказъ, съ его десятью милліонами жителей, не имѣетъ ни одного желѣзнаго завода.

Какъ всѣ люди, которыхъ голова постоянно работаетъ, Новосельскій былъ очень разсѣянъ. Но зато это былъ своего рода charmeur; добрѣйшій и гостепріимнѣйшій, всегда привѣтливый, съ улыбкой, онъ умѣлъ вездѣ, и въ Россіи и за границей, находить себѣ друзей. Апогеемъ его славы было, когда въ Одессѣ онъ торжественно принималъ Лессепса, подписался на акціи Суэцкаго канала и обѣщалъ свое покровительство. Объ этомъ мнѣ говорилъ съ чувствомъ самъ Лессепсъ на открытіи канала.

Любимымъ занятіемъ Николая Александровича

было — съ утра во фракѣ или вицъ-мундирѣ, при звѣздахъ, съ портфелемъ, набитымъ разными проектами, разъѣзжать по нашимъ административнымъ учрежденіямъ. Занятіе прескучное, ибо въ большинствѣ учрежденій держатся принципа, высказаннаго однажды, лѣтъ тридцать назадъ, однимъ нашимъ министромъ изъ нѣмцевъ своимъ подчиненнымъ:

— Господа, вездѣ, гдѣ вамъ понадобится мое содѣйствіе, вы получите мое сочувствіе...

А изъ сочувствія, какъ извѣстно, шубы не сошьешь.

III.

Баронъ А. Э. Норденшельдъ.

Съ самаго своего основанія Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, котораго я былъ первымъ секретаремъ, подъ вліяніемъ покойнаго М. К. Сидорова и здравствующаго Н. В. Латкина, очень интересовалось возможностью плаванія по Карскому морю, доказанною вопреки мнѣнію Литке и др. авторитетовъ норвежскими промысловыми судами. О снаряженіи туда для гидрографическихъ изслѣдованій казенной экспедиціи общество настойчиво ходатайствовало, но въ тѣ вре-

мена нашимъ Сѣверомъ совсѣмъ не интересовались: постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ поглощала все вниманіе и публики, и правительства. Поэтому для Общества содѣйствія было очень пріятнымъ сюрпризомъ, когда Адольфъ Норденшельдъ на своемъ «Опытѣ» доказалъ въ 1875 г. возможность постояннаго морского сообщенія Европы съ устьями Енисея и Оби.

Когда Норденшельдъ пріѣхалъ въ 1876 г. въ С.-Петербургъ, то мы, т. е. лица, сочувствовавшія устройству воднаго сообщенія съ Сибирью, устроили смѣлому мореплавателю торжественный обѣдъ въ залѣ гостиницы Демутъ.

Наканунѣ Сидоровъ пригласилъ насъ къ себѣ вечеромъ потолковать о торжествѣ и угостилъ ужиномъ. На этихъ ужинахъ подавали всегда невѣроятные продукты Сѣвера: рыбу въ разныхъ видахъ и какія-то котлеты или битки изъ кита и тюленя. Никто ихъ не ѣлъ, кромѣ хозяина, фанатика Сѣвера. Когда Сидоровъ говорилъ и писалъ о берегахъ нашего Ледовитаго океана, то можно было подумать, что рѣчь идетъ о Сициліи.

Къ обѣду въ честь Норденшельда я приготовилъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, вы открыли намъ новый торговый путь по морю, но мы и со старыми путями не знаемъ что дѣлать, и хотя знаменитый поэтъ сказалъ:

Семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ (Россіи) поютъ хвалебны хоры....

но мы эти моря, выражаясь библейскимъ языкомъ, оставляемъ въ «мерзости запустѣнія»; поэтому вы не повѣрите, м. г., въ какое затрудненіе ставите вы теперь насъ вашимъ открытіемъ».

Конечно пошли споры. Полетика, съ которымъ мы считались тогда наиболѣе популярными въ обществѣ и на разныхъ торжествахъ ораторами, говорилъ: «Валяйте, не обращайте ни на кого вниманія». Разные же дипломаты говорили: «Нельзя, батюшка, передъ иностранцами показывать свои язвы». Я смягчилъ рѣчь и далъ ей юмористическій оборотъ, хотя намекъ на вышесказанное остался. Та же нотка сквозила и въ рѣчи Полетики. Были на обѣдѣ и дамы, заинтересовавшіяся почему-то географіей. Сказалъ я и о нихъ нѣсколько шутливыхъ словъ въ особой рѣчи.

Обѣдъ былъ вообще многолюденъ и прошелъ очень оживленно.

Въ 1878 и 1879 гг. Норденшельдъ, какъ извѣстно, совершилъ свое знаменитое плаваніе на «Вегѣ» для открытія Сѣверо-Восточнаго прохода, для чего, выйдя изъ Готеборга и обогнувъ сѣвер-

ный берегъ Сибири и Чукотскую Землю, возвратился въ Европу черезъ Берингов проливъ.

Встрѣченный вездѣ, даже въ Японіи, съ тріумфомъ, Норденшельдъ пріѣхалъ въ декабрѣ 1880 г. въ Россію; но въ то время «новыхъ вѣяній» русское общество увлекалось такими вопросами, при которыхъ географическія открытія, самыя смѣлыя, рѣшительно никого не интересовали. На Норденшельда, кромѣ П. П. Семенова и другихъ нашихъ спеціалистовъ, никто не обращалъ вниманія.

Если нашей публикѣ было простительно по извѣстному невѣжеству такъ называемой «образованной» части нашего общества (Норденшельдъ не былъ ни итальянскимъ пѣвцомъ, ни спиритомъ-фокусникомъ), то для печати равнодушіе къ ученымъ заслугамъ такого рода нельзя уже ничѣмъ извинить. Были и другіе пробѣлы. Такъ, морское министерство, хотя Норденшельдъ открылъ для дѣятельности нашего флота два новыхъ моря, ровно ничѣмъ не проявило своего къ нему вниманія. Немногимъ болѣе усердія выказала Академія наукъ. О городской думѣ, на обязанности которой было поднести знаменитому ученому, оказавшему Россіи и человѣчеству огромныя услуги, званіе почетнаго гражданина столицы, я уже не говорю, потому что навѣрное двѣ трети означеннаго собранія не въ силахъ были грамотно написать имя славнаго

путешественника, не то что оцѣнить его ученые труды.

Это очень огорчало покойнаго Э. Л. Нобеля, хотя шведа, но человѣка горячаго и съ увлекающимся темпераментомъ. Онъ старался сдѣлать что-либо для новаго чествованія знаменитаго ученаго, который работалъ хотя и для науки, но главнымъ образомъ на пользу Россіи. Между прочимъ онъ пригласилъ меня пообѣдать съ Норденшельдомъ у себя въ новомъ домѣ, выстроенномъ на Выборгской сторонѣ, на берегу Малой Невки, гдѣ останавливался Норденшельдъ и гдѣ въ честь его и его спутниковъ Стуксберга и Людштрема былъ данъ балъ.

Я нашелъ въ наружности Норденшельда значительныя перемѣны за пять лѣтъ. Онъ какъ будто постарѣлъ, хотя волосы его все еще были бѣлокуры, несмотря на сорокъ восемь лѣтъ. По наружности Норденшельдъ походилъ на нѣмецкаго бурша. Онъ всегда былъ очень скромнымъ и сосредоточеннымъ и точно о чемъ-то все думалъ, какъ подобало привыкшему къ уединенію полярному путешественнику, но тутъ казался еще болѣе угрюмымъ и мало разговорчивымъ, можетъ быть потому, что разговоръ шелъ все время на французскомъ языкѣ. По-шведски я не зналъ и десяти словъ, а по-русски Норденшельдъ хотя и понималъ, но не говорилъ.

Послѣ обѣда Нобель завелъ со мною разговоръ

о равнодушіи русскаго общества и о томъ, что надобно что-нибудь сдѣлать для Норденшельда и со стороны русскаго правительства. Это было тѣмъ труднѣе, что о награжденіи Норденшельда русскимъ орденомъ нельзя было и думать, въ виду прошлаго Норденшельда.

Онъ былъ русскимъ подданнымъ, ушедшимъ въ шведское послѣ непріятностей политическаго свойства. Какъ извѣстно, отецъ Норденшельда, извѣстный минералогъ, изучавшій между прочимъ нашъ Уралъ, былъ интендантомъ горнаго управленія въ Финляндіи. Молодой Норденшельдъ, только что окончивъ курсъ и занимая должность чиновника горнаго управленія, во время Крымской войны, когда Швеція, подъ вліяніемъ Франціи, заключила тайный договоръ и готова была объявить намъ войну, произнесъ враждебную по отношенію къ Россіи рѣчь. Графъ Бергъ, тогдашній финляндскій генералъ-губернаторъ, взглянулъ на это дѣло серьезно и приказалъ ему оставить службу.

Въ 1857 г. съ Норденшельдомъ произошла новая «исторія». Онъ готовился занять въ гельсингфорскомъ университетѣ каѳедру минералогіи и геологіи, но предварительно желалъ съѣздить въ Камчатку. Университетская молодежь справляла въ это время такъ называемую «промоцію». Желая выразить свою признательность Швеціи, онъ за

однимъ изъ обѣдовъ провозгласилъ тостъ «за милое прошлое и за оставшуюся надежду». Поэтъ Сигнеусъ протестовалъ. Графъ Бергъ, узнавъ о тостѣ Норденшельда, предложилъ ему или извиниться, или покинуть край. Норденшельдъ избралъ послѣднее и переѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ сдѣлался двадцати шести лѣтъ отъ роду профессоромъ при Стокгольмской академіи наукъ и завѣдующимъ минералогическими коллекціями государственнаго музея.

Такое милое прошлое мало располагало Норденшельда украшать себя русскими орденами. Надо было придумать что-либо другое для его отличія.

Послѣ обѣда у Нобеля я былъ случайно у графа Лорисъ-Меликова, у котораго братъ мой просиживалъ буквально цѣлые дни, а частенько и ночи. Я разсказалъ графу о Норденшельдѣ, о которомъ онъ, прослуживъ всю жизнь на Кавказѣ, имѣлъ, конечно, самое смутное понятіе.

— Не люблю я, братецъ, твоихъ чухонцевъ,— сказалъ мнѣ графъ.—Вотъ и недавно только мнѣ удалось, вмѣстѣ съ Милютинымъ, отстоять противъ финляндцевъ часть Архангельской губерніи. Государь обѣщалъ Шернвалю и Адлербергу присоединеніе западной части Мурмана къ Улеаборской губерніи и очень неохотно уступилъ нашимъ настояніямъ.

— Это вы хорошо сдѣлали, сказалъ я,—хотя

конечно въ нашихъ рукахъ Варенгерскій заливъ все будетъ на точкѣ замерзанія, а финляндцы навѣрное устроили бы тамъ живое дѣло, какъ доказываютъ сосѣдніе норвежскіе порты. Во всякомъ случаѣ Норденшельдъ не простой чухонецъ, а новый Христофоръ Колумбъ. Открытый имъ морской путь вокругъ Камчатки имѣетъ громадное значеніе для Россіи и рѣшаетъ вѣковой вопросъ, который интересовалъ всѣхъ еще въ XVI столѣтіи.

Слова эти подѣйствовали на графа. Онъ позвалъ меня черезъ нѣсколько дней и сказалъ:

— Я говорилъ о твоемъ Христофорѣ Колумбѣ государю. Онъ очень заинтересовался и приказалъ пригласить его къ обѣду, такъ какъ я передалъ, что Норденшельдъ орденовъ не принимаетъ. Только, братецъ, покажи мнѣ на картѣ, гдѣ твой чухонецъ плавалъ. Я совсѣмъ ничего этого не знаю и боюсь за обѣдомъ сидѣть дуракомъ.

Съ великимъ трудомъ я отыскалъ у министра карту Сибири, какую-то старую учебную карту. Графъ, вѣроятно, не видалъ карты Сибири со дня своего выпуска изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и съ трудомъ по ней оріентировался. Я подробно разсказалъ о трехъ экспедиціяхъ Норденшельда въ Сибирь. Описаніе, какъ Норденшельдъ провелъ, затертый льдами, девять мѣсяцевъ у Питлекая, заинтересовало его.

— Вотъ с... с... молодецъ, — сказалъ графъ. — Такъ ты говоришь, что это новый Колумбъ?

Все исполнилось, какъ говорилъ графъ. Норденшельдъ удостоился высокой чести обѣдать съ императоромъ Александромъ II en intimité и быть имъ обласканнымъ. Пріемъ, оказанный покойнымъ государемъ, по любезности превзошелъ, по словамъ Норденшельда, пріемъ всѣхъ другихъ вѣнценосцевъ въ Европѣ. Государь былъ знакомъ съ сущностью открытій знаменитаго путешественника, а познанія на этотъ счетъ наслѣдника, впослѣдствіи императора Александра III, даже поразили барона Норденшельда. Великіе князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Николаевичъ также съ своей стороны выказали барону вниманіе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обѣда появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, что русское правительство изъявляетъ Норденшельду признательность за оказанныя Россіи услуги.

За мои хлопоты я получилъ отъ Нобеля на память фарфоровую тарелку, цѣною такъ копѣекъ въ двадцать пять, сдѣланную на заводѣ въ Кёрштрандѣ, на которой нарисованы портреты Норденшельда и Паландера, а также Оскара Диксона и Александра Сибирякова, давшихъ деньги на экспедицію «Веги». Тарелка хранится у меня и теперь.

IV.

Н. М. Барановъ.

Съ Н. М. Барановымъ я поближе познакомился въ 1873 г., когда онъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта устраивалъ морской отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. Онъ завѣдывалъ тогда морскимъ музеемъ и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, какъ офицеръ парохода «Таврида» Русскаго общества пароходства и торговли, какъ учредитель общества «Гидротехникъ», разорившагося на очисткѣ Кронштадтскаго порта, и особенно какъ изобрѣтатель скорострѣльнаго ружья (6-линейная передѣланная старая пѣхотная винтовка), которымъ вооружались морскія команды.

Изобрѣтеніе было сдѣлано въ моментъ, когда въ концѣ 60-хъ годовъ выяснилась наша отсталость въ вооруженіи. Этимъ воспользовались разныя лица для созданія опозиціи и по военному, и по морскому вѣдомствамъ. Опозиція сблизила изобрѣтателя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и была началомъ дальнѣйшихъ служебныхъ успѣховъ и неудачъ Баранова, познавшаго, что за народецъ живетъ на петербургскихъ болотахъ.

Въ это время реформаторская дѣятельность морского вѣдомства значительно ослабѣла и главную роль игралъ тамъ адмиралъ Поповъ со своими неудачными судами береговой обороны. Барановъ понималъ безплодность поповокъ, его возмущало равнодушіе къ судьбамъ флота, и въ рядѣ статей въ «Голосѣ» онъ развивалъ новый планъ реорганизаціи нашего флота; планъ этотъ потомъ вылился въ цѣльный проектъ.

Барановъ весьма наглядно доказывалъ, что какъ бы ни была прочна броня на суднѣ, а все-таки твердь земную прострѣлить еще труднѣе, а потому не стоитъ для защиты какого-либо Очакова имѣть покрытый бронею флотъ изъ судовъ, стоющихъ каждое 4—6 мил. рублей, когда двѣ-три земляныя батареи и нѣсколько торпедъ произведутъ тотъ же эффектъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Барановъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто броненоснаго флота, обходящагося невыносимо дорого и никогда не плавающаго, — почему морскія команды, при краткихъ срокахъ службы, вовсе лишены возможности ознакомиться съ моремъ, — гораздо для Россіи выгоднѣе строить быстрыя сильныя крейсерскія суда, которыя, имѣя базисомъ наши порты Восточнаго океана, могли бы разорять въ случаѣ войны колоніи и ловить и уничтожать торговые флоты противниковъ.

Не нужно думать, что идея крейсерской войны

составляла изобрѣтеніе Баранова, какъ и скорострѣльная винтовка. Она давно существовала и еще въ 1856 г., когда наши дипломаты по недомыслію или слабости подписали Парижскую декларацію о каперствѣ, раздались протесты среди моряковъ. Въ 60-хъ и 70 гг. было много писано на ту же тему. Я лично написалъ немало и даже придумалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, какъ о томъ какъ-то уже сообщалъ, названіе новому корсарскому флоту «добровольнаго». Во всякомъ случаѣ К. П. Побѣдоносцеву и Баранову принадлежитъ честь практическаго осуществленія идеи крейсерской войны и первой бреши въ Парижской декларації.

Первые шаги однако не скажу, чтобы были удачны. Когда мы захотѣли для войны съ Англіей завести наскоро крейсерскій флотъ, то Баранову было поручено въ апрѣлѣ 1878 г. купить подходящіе пароходы. Онъ и купилъ ихъ въ Гамбургѣ у Гамбургско-Американской компаніи. Но пароходы эти: «Россія», «Москва», «С.-Петербургъ» и особенно «Нижній-Новгородъ» были выбраны неудачно, недостаточно быстроходны, и я убѣжденъ, что въ случаѣ дѣйствительной войны они принесли бы не много пользы. Да и по результатамъ Берлинскаго трактата видно, что англичане ихъ не много испугались.

Еще ранѣе организаціи Добровольнаго флота Барановъ хотѣлъ доказать пользу крейсерской войны, и подъ командою его два наскоро снаряженныхъ крейсера: «Веста» и «Россія» совершили въ Восточную войну на Черномъ морѣ два подвига: первая боролась съ турецкимъ броненосцемъ, вторая—взяла въ призъ турецкій пароходъ «Мерсину» съ цѣлымъ таборомъ солдатъ.

Бой «Весты» подъ бойкимъ перомъ Баранова обратился въ нѣчто гомерическое и упрочилъ ему навсегда титулъ «героя Весты». Портреты его появились на коробкахъ для спичекъ и плиткахъ шоколада, что, какъ извѣстно, есть предѣлъ человѣческой популярности. Во время войны, конечно, этой популярности никто не оспаривалъ и не полемизировалъ съ офиціальннымъ рапортомъ, но послѣ войны не было надобности въ искусственномъ подъемѣ духа, и попытки выяснить и освѣтить дѣло «Весты» и развѣнчать героя начались немедленно. Эти попытки были къ тому же на руку тѣмъ, кого нещадно обличалъ въ своихъ статьяхъ и разговорахъ Барановъ.

Въ 1874 г. я плавалъ на «Вестѣ» изъ Батума (тогда турецкаго) въ Константинополь и описалъ это плаваніе. «Веста» было старое дрянное деревянное судно, очень медленнаго хода. Зная его размѣры и качества, я всегда сильно сомнѣвался, чтобы оно могло разгромить броненосецъ, хотя бы

турецкій. На «Вестѣ» былъ волонтеромъ мой пріятель съ дѣтства одесситъ Джевецкій, онъ получилъ даже Георгіевскій крестъ. Я разспрашивалъ его, какъ было дѣло, но онъ дипломатично уклонился, сказавъ, что находился въ крюйтъ-камерѣ, подавая порохъ и снаряды, и, что дѣлалось наверху, какъ-будто не видалъ.

Истина открылась въ статьяхъ ближайшаго помощника Баранова, З. П. Рожественскаго. Хотя уйти отъ броненосца составляло для «Весты» подвигъ не меньшій того, который совершилъ «Меркурій» Казарскаго, ускользнувшій отъ трехъ турецкихъ фрегатовъ, но что въ рапортъ Баранова вкралась нѣкоторая доля поэзіи, стало ясно. Онъ очень огорчился, видя въ разоблаченіяхъ интриги морского вѣдомства; въ своей защитѣ зашелъ такъ далеко, что пришлось подвергнуть его, въ декабрѣ 1879 г., суду и снять съ него флигель-адъютантское званіе. Рѣчь Баранова на судѣ была блистательна, особенно сарказмы противъ Аркаса, главнаго командира Черноморскаго флота.

Вынужденная отставка заставила Баранова посвятить себя исключительно дѣлу Добровольнаго флота.

Въ концѣ 1870 г. я прочелъ въ газетахъ объявленіе, что этотъ флотъ, чтобы утилизировать купленные Барановымъ пароходы, предполагаетъ открыть рейсы въ Приморскую область Восточной Сибири

съ заходомъ въ японскіе и китайскіе порты. Вспомнивъ, что въ 1871 г. я ходилъ съ первымъ русскимъ пароходомъ, открывавшимъ рейсы въ Остъ-Индію, я отправился къ Баранову и предложилъ ему идти на «Москвѣ», чтобы описать новые для Россіи торговые пути. Барановъ горячо принялся хлопотать о моей командировкѣ и отъ Добровольнаго флота и со стороны министерства финансовъ. Къ сожалѣнію, на пароходѣ капитанъ оказался порядочнымъ формалистомъ. Я былъ не совсѣмъ доволенъ плаваніемъ и предпочелъ изъ Ханькоу уйти на китайскомъ пароходѣ; въ моихъ письмахъ съ дороги сквозила ироническая нотка. Это очень разсердило Баранова, ожидавшаго панегирика. А между тѣмъ онъ былъ защитникомъ свободы слова и въ бытность губернаторомъ повторялъ корреспондентамъ: «Пишите, пишите, что все въ моей губерніи худо и что я плохъ».

На свѣтѣ, впрочемъ, не много любящихъ свободу слова. Въ оправданіе Баранову прибавлю, что и Петръ Великій былъ великимъ врагомъ печати и даже издалъ для гамбургской торговли стѣснительныя постановленія, пока бургомистры не попросили прощенія и не обѣщали наказать виновныхъ «газетыровъ».

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго путешествія я засталъ Баранова уже полковникомъ. Гр. Ло-

рисъ-Меликовъ исходатайствовалъ ему помилованіе и опредѣленіе на службу. Барановъ только что вернулся изъ-за границы, куда графъ посылалъ его для переговоровъ съ префектомъ полиціи Андріе объ устройствѣ надзора за нигилистами заграницею. Вскорѣ послѣ того Барановъ былъ назначенъ ковенскимъ губернаторомъ, гдѣ получилъ генеральскій чинъ и немедленно началъ войну противъ института урядниковъ, созданнаго Маковымъ.

Немедленно послѣ гнуснаго злодѣянія 1-го марта Барановъ былъ вызванъ въ Петербургъ; ему былъ порученъ чрезвычайно важный въ тотъ моментъ постъ начальника столицы. Графъ Лорисъ-Меликовъ быстро сошелъ затѣмъ со сцены и былъ замѣненъ графомъ Игнатьевымъ, а Барановъ оставался въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ градоначальникомъ. Въ паденіи Лориса-Меликова Барановъ игралъ роль, о которой говорить еще не настало время. Во всякомъ случаѣ онъ послѣдовалъ принципу Ларошфуко, что l'ingratitude est l'indépendance du coeur.

На новомъ посту Барановъ заставилъ много говорить о себѣ, хотя управленіе столицей эпизодъ не изъ лучшихъ въ его разнообразной карьерѣ. Немедленно по вступленіи въ должность онъ произвелъ помощью обхода полиціи по домамъ избраніе совѣта при градоначальникѣ, такъ называемаго «совѣта двадцати пяти», цѣль учрежденія котораго осталась не вполнѣ разъясненною. Совѣтъ, въ коемъ наибольшее число голосовъ получили Треповъ и Е. И. Ламанскій, послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ засѣданій, болѣе не собирался. Такъ какъ объявленіе о выборѣ совѣта кончалось словами: «избрать совѣтъ двадцати пяти. Барановъ», то остряки прозвали его «совѣтомъ двадцати пяти барановъ». Потомъ были учреждены вокругъ города заставы и осмотры на желѣзныхъ дорогахъ, просуществовавшіе лишь два или три дня. Далѣе, нанята обширная гостиница «Бель-Вю» для помѣщенія состоящихъ при градоначальникѣ лицъ и наконецъ измѣнена форма обмундированія чиновъ полиціи въ русскомъ вкусѣ.

Рядомъ съ этимъ были употреблены энергическія мѣры для отысканія минъ, положенныхъ подъ Каменнымъ мостомъ и розыскивавшихся передъ тѣмъ уже четыре мѣсяца. Отысканіе минъ повело къ изданію Барановымъ распоряженія, запрещавшаго кататься въ лодкахъ по каналамъ и рѣчкамъ Петербурга въ главныхъ частяхъ города. Наша дума хотѣла было протестовать, но затѣмъ уступила.

Послѣ мѣръ государственной полиціи новый градоначальникъ пожелалъ преобразовать фабрично-за-

водскую полицію. Это гуманное преобразованіе остановилось за тѣмъ препятствіемъ, что фабричная инспекція составляетъ предметъ общегосударственный, а не одного лишь Петербурга. Послѣднее распоряженіе Баранова, которое нельзя не одобрить и которое уже отмѣнено, состояло въ разрѣшеніи посѣщать Лѣтній садъ людямъ въ простонародномъ платьѣ.

Таковы главныя черты управленія Барановымъ. Я забылъ прибавить еще, что, завѣдывая столицею, Барановъ разъѣзжалъ по городу въ качалкѣ, напоминающей экипажъ Карла XII подъ Полтавой.

Оба одинаково честолюбивые, и Барановъ и его новый министръ, не могли ужиться долго вмѣстѣ. Барановъ имѣлъ свой докладъ у Государя, въ этомъ была его сила, но это его и погубило. Въ то время продолжали волноваться уральскіе казаки изъ-за отмѣны «наемки»; даже переселенные частью на Аму-Дарью, они посылали постоянно депутаціи, которыя по весьма понятнымъ причинамъ не допускались. Одну изъ такихъ депутацій Барановъ, не предупредивъ министра, свезъ въ Гатчину.

Въ результатѣ получился для него весьма непріятный сюрпризъ. Пріѣхавъ какъ-то въ іюлѣ 1881 года къ моему брату въ канцелярію, онъ нашелъ тамъ вызваннаго изъ Москвы Козлова. Оказалось, что уже былъ написанъ и посланъ для под-

писи именной указъ объ упраздненіи въ С.-Петербургѣ градоначальства и возстановленіи должности оберъ-полиціймейстера.

Этимъ политическая роль Баранова сразу и навсегда обрывалась. Ему было предложено ѣхать губернаторомъ въ Архангельскъ, что считалось въ прежнее время почетною ссылкою. Губернія эта прежде всегда управлялась морякомъ. Барановъ полагалъ, что послѣ двадцатипяти-лѣтняго управленія чиновниками,—исключеніе изъ нихъ былъ Качаловъ, также бывшій морякъ,—надо было что-нибудь сдѣлать для Сѣвернаго края. Онъ и принялся горячо за дѣло. Пробывъ сто дней губернаторомъ, онъ объѣхалъ обширную губернію, съѣздилъ даже на Мурманъ и, перерывъ губернскій архивъ, вытащилъ на свѣтъ сто забытыхъ проектовъ, которые и представилъ въ Петербургъ, о чемъ и оповѣстилъ въ газетахъ.

Эти новые «Сто дней» я описалъ въ сатирической характеристикѣ нашихъ дѣятелей-реформаторовъ, которая по разнымъ соображеніямъ не могла явиться въ «Новомъ Времени», а теперь затерялась. Оказалось однако, что въ сатирѣ и надобности не было. Ни одинъ изъ проектовъ Баранова не осуществился, всѣ застряли въ канцелярской тинѣ. Онъ позабылъ о свойствахъ петербургскихъ чиновниковъ давать проектамъ «вылеживаться»,

какъ хорошимъ гаванскимъ сигарамъ, а новый министръ графъ Толстой, требовавшій отъ гимназистовъ энергіи и прилежанія, отличался страшною лѣнью и апатіей.

Толстой, впрочемъ, не помѣшалъ вытащить Баранова изъ архангельской ссылки и перевести его въ Нижній-Новгородъ, который благодаря ярмаркѣ всегда считался чуть ли не самымъ виднымъ мѣстомъ для губернатора.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ я два раза посѣтилъ Баранова, въ 1893 и 1895 гг., и останавливался у него на квартирѣ на ярмаркѣ. Добрыя отношенія наши возстановились. Онъ жилъ просто, ѣлъ и пилъ очень скромно, но постоянно толпа его чиновниковъ пользовалась его гостепріимствомъ. И за обѣдомъ и завтракомъ Барановъ былъ очень разговорчивъ и поучалъ своихъ подчиненныхъ и случайныхъ гостей съ откровенностью моряка и журналиста. Видя, что я морщился отъ его плохого вина, онъ сказалъ:

— Все въ жизни продѣлалъ, одно никогда не былъ въ силахъ сдѣлать—это заплатить свои долги. Потому и вино плохое.

Въ Нижнемъ онъ старался разыгрывать роль Гаруна-аль-Рашида или какого-либо прогрессивнаго паши, мѣняя съ поразительною быстротою мѣры либеральныя на мѣры строгости. Изъ-за неурожая онъ завелъ войну съ земствомъ, за что однако одобренія отъ князя Мещерскаго не получилъ. Въ холеру онъ хотѣлъ кого-то повѣсить, кого-то выпоролъ и силою заставилъ быть слугою въ холерной больницѣ, вообще искалъ эффекта и популярности.

Онъ преобразовалъ управленіе Нижегородскою ярмаркою, но послѣднее въ рукахъ московскихъ толстосумовъ, признающихъ только мѣшки съ деньгами, почему Барановъ съ его скромными средствами не имѣлъ достаточно авторитета, чтобы воевать съ ними. За москвичей стояли силы поважнѣе Баранова.

Онъ принималъ дѣятельное участіе въ успѣхѣ Нижегородской всероссійской выставки, этой странной затѣи, стоившей казнѣ и частнымъ лицамъ болѣе двадцати милліоновъ и собравшей, при всѣхъ льготахъ въ проѣздѣ публики, за полгода въ два раза менѣе, чѣмъ въ Парижѣ на выставкѣ собиралось ее въ одинъ воскресный день.

Тутъ въ послѣдній разъ проявилась ловкость Баранова. На выставку комиссаромъ былъ назначенъ его старинный соперникъ еще по Черноморскому обществу, Кази. Не ужились два медвѣдя въ одной берлогѣ, и Кази долженъ былъ ретироваться.

При назначеніи Баранова въ Сенатъ отъ него осталась одна тѣнь. Здоровье его совсѣмъ разстроилось. Сгорая честолюбіемъ, онъ въ мелкой административной дѣятельности сварился, такъ сказать, въ собственномъ соку. Я иногда встрѣчалъ его въ послѣдніе мѣсяцы у Кюба за завтракомъ, и каждый разъ наружность его показывала полный упадокъ организма.

Барановъ былъ натура замѣчательно талантливая, горячая, энергическая, но слишкомъ нервная. Нервность видна была и на его лицѣ, имѣвшемъ восточный типъ. Предки его хотя были дворянами уже въ началѣ XVII столѣтія, но по всей вѣроятности происходили, какъ и предки графовъ Барановыхъ, отъ татаръ. Умный и добрый, онъ хорошо говорилъ и писалъ. Если однако резюмировать его дѣятельность, то останется немного,—болѣе шума и полемики, чѣмъ настоящаго дѣла.

Трудно сказать, отчего это происходило. В. С. К., знавшій его близко, называетъ Баранова неудачникомъ. Едва ли однако кому-либо случалось въ жизни быть въ такомъ «случаѣ». Фельетонистъ одной московской газеты говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Барановъ былъ солдатъ, хитростей и политики-де онъ не признавалъ, а понималъ только борьбу грудь съ грудью; «Барановъ,—прибавляетъ онъ,—былъ не прожектеръ, а исполнитель, и вѣрилъ въ человѣка, особенно въ русскаго человѣка».

И эта характеристика едва ли вѣрна. У Баранова не было самообладанія и подчасъ онъ зарывался, но въ «тонкости политики» нельзя было ему отказать. Я думаю, что неудачи Баранова зависѣли не столько отъ того, что у насъ вообще нѣтъ мѣста талантливымъ людямъ и все оригинальное возбуждаетъ зависть и преслѣдуется, а отъ того, что у него, какъ вообще у талантовъ, особенно русскихъ, недоставало свинца въ поясницѣ, или Sitzfleisch, по выраженію нѣмцевъ, необходимыхъ для настойчиваго и послѣдовательнаго труда. Энергія его была порывистая, показная, театральная. Я убѣжденъ, что если бы вмѣсто карьеры моряка и администратора, въ которыхъ онъ все-таки оставилъ замѣтный слѣдъ, Барановъ случайно сдѣлался актеромъ, то пошелъ бы далеко. У него были для того и талантъ, и гибкость голоса, и чутье эффектовъ.

V.

М. Н. Островскій.

Извѣстіе о назначеніи гр. Игнатьева министромъ внутреннихъ дѣлъ, а М. Н. Островскаго министромъ государственныхъ имуществъ въ мартѣ 1881 г. было для меня не очень пріятно. Графъ

Игнатьевъ оставался министромъ всего шесть недѣль, смѣнивъ кн. Ливена, которому я многимъ былъ обязанъ и который и ко мнѣ былъ чрезвычайно любезенъ. Графа Николая Павловича я зналъ также давно и служить съ нимъ было очень пріятно. Онъ работалъ быстро и не задерживалъ дѣлъ. Положеніе о горнозаводскихъ товариществахъ двадцать лѣтъ лежало не утвержденнымъ, ни одинъ министръ не имѣлъ терпѣнія прочесть его и не утверждалъ, боясь, что какая-нибудь статья окажется не на мѣстѣ; я послалъ положеніе Игнатьеву, и онъ утвердилъ его на другой же день. Не знаю, прочелъ ли онъ положеніе, но оно съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ благополучно дѣйствуетъ.

Островскаго я зналъ только по наслышкѣ, и такъ какъ онъ служилъ въ контролѣ, то представлялся неизвѣстно почему сухимъ и придирчивымъ формалистомъ. При первомъ представленіи чиновъ министерства, хотя товарищъ министра г. Куломзинъ далъ лестную обо мнѣ аттестацію, сказавъ, что я не нуждаюсь въ рекомендаціи, ибо мое имя извѣстно, Островскій холодно протянулъ руку.

Но неблагопріятное впечатлѣніе быстро перемѣнилось. Ничего черстваго, контрольнаго и формалистическаго въ Островскомъ не было. Онъ оказался прекраснѣйшимъ, благодушнѣйшимъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ и справедливымъ и добрымъ начальникомъ; холодность его была напускная, на дѣлѣ онъ былъ человѣкъ сердечный и участливый.

Я уже дѣлалъ въ «Новомъ Времени» характеристику государственныхъ заслугъ Островскаго по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея; я написалъ также нѣсколько словъ по случаю его смерти. Потому вновь перечислять эти заслуги не буду, да для того нужно написать исторію министерства государственныхъ имуществъ за двѣнадцать едва ли не лучшихъ лѣтъ его дѣятельности. А очень жаль, что никто этой исторіи не издалъ, потому что самъ Островскій былъ врагъ всякой рекламы и всякой позы, а для современнаго общества нѣтъ славы для государственнаго человѣка безъ нѣкоторой порціи шарлатанства.

Для горной администраціи и горнаго законодательства послѣ полнаго равнодушія Рейтерна и пустословія Валуева спокойная дѣловитость Островскаго была находкою.

Я хочу описать Островскаго только съ чисто внѣшней стороны. Мелочи скоро забываются, а такихъ людей, какъ Островскій, слѣдуетъ знать со всѣхъ сторонъ, хотя бы были у нихъ слабыя стороны. Были они и у Островскаго, хотя скорѣе не слабыя стороны, а причуды стараго холостяка и malade imaginaire.

Въ характерѣ его было также много женственнаго и сантиментальнаго; онъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ выбиралъ людей, любилъ будировать, любилъ музыку. По его разсказамъ, онъ въ молодости аккомпанировалъ даже въ концертѣ какому-то проѣзжему артисту въ Симбирскѣ; особенно онъ любилъ играть на фортепіано въ четыре руки, а по вечерамъ мечтать.

Воображая себя постоянно больнымъ, Островскій ужасно берегъ свое здоровье, ѣлъ только то, что разрѣшалъ ему докторъ, и чуть казалось, что ему хуже, онъ уже говорилъ не иначе, какъ вполголоса и лежалъ по цѣлымъ часамъ въ своемъ кабинетѣ, наполненномъ книгами, на диванѣ, покрывъ ноги пледомъ.

— Не утомляйте меня подробностями, говорилъ онъ постоянно докладчикамъ.

Это едва ли не онъ и выдумалъ вопросъ о «переутомленіи министровъ», одно время подробно разрабатывавшійся въ «Гражданинѣ» кн. Мещерскимъ.

Почти передъ каждымъ еженедѣльнымъ докладомъ являлся отъ него курьеръ и предупреждалъ, что министръ очень утомлены-съ и просятъ докладывать только самыя нужнѣйшія дѣла, а другія отложить.

Но никто на это вниманія не обращалъ и Островскій терпѣливо выслушивалъ длиннѣйшіе доклады, сохраняя свѣжесть и ясность мыслей.

Какъ-то по возвращеніи его въ столицу (онъ почти ежегодно ѣздилъ въ Карлсбадъ и затѣмъ въ Крымъ), я поспѣшилъ явиться съ бумагими, ждавшими его возвращенія.

— Помилуйте, я утомленъ, еще не отдохнулъ, а вы ужъ съ вашими докладами.

— Да вѣдь ваше высокопревосходительство отдыхали два мѣсяца.

— Да, но я утомился переѣздомъ по желѣзной дорогѣ.

Особенно онъ не любилъ внезапныхъ докладовъ по спѣшнымъ дѣламъ, которыхъ въ каждомъ департаментѣ не мало. Это его всегда чрезвычайно волновало.

— Что такое случилось, навѣрно какое-либо несчастіе?—съ испугомъ говорилъ онъ.—Говорите скорѣе...

Всѣ бумаги должны были посылаться къ нему никакъ не позже 5 часовъ и онъ аккуратно возвращалъ ихъ съ своими резолюціями или подписями на другое утро, никогда не задерживая. Въ 5 часовъ отпускалъ онъ и дежурныхъ чиновниковъ и вечеръ проводилъ въ самомъ небольшомъ кругу старыхъ московскихъ друзей: Ѳеоктистова, Любимова, Архипова, ихъ же онъ приглашалъ и обѣдать.

Своимъ «утомленіемъ» Островскій пользовался иногда какъ Сикстъ V костылями. Нерѣдко, когда надобно было ему оспаривать какое-либо разногласіе, и онъ ожидалъ споровъ и преній, то чувствовалъ утомленіе, боли и писалъ мнѣ письма съ просьбою доложить дѣло товарищу министра, который его замѣнитъ-де въ засѣданіи.

Бѣдный товарищъ, которому приходилось иногда знакомиться съ дѣломъ, часто спеціальнымъ, за полчаса до засѣданія, понятно, защищать его достаточно твердо не могъ и возвращался съ извѣстіемъ, что все прошло благополучно, но первый параграфъ проектируемаго закона нашли излишнимъ, второй отвергли, а третій постановили возвратить въ департаментъ для передѣлки.

— Да всѣхъ-то параграфовъ въ проектѣ было три. Такъ что же остается?

— Ну, это ваше дѣло, можете при новомъ представленіи придумать новые аргументы.

Впрочемъ Островскій скорѣе былъ мнительнымъ, чѣмъ боязливымъ. Если онъ въ чемъ-либо убѣждался, то очень настойчиво проводилъ свои проекты, говорилъ очень краснорѣчиво, даже горячо и обыкновенно съ успѣхомъ. Въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ онъ пользовался авторитетомъ. Государь также очень уважалъ его и поручалъ даже личныя дѣла, напримѣръ покупку крымскихъ во-

ронцовскихъ имѣній. Законъ объ охранѣ лѣсовъ, ограничивающій произволъ частныхъ собственниковъ, потребовалъ отъ Островскаго не мало рѣшительности и останется его крупною государственною заслугою.

Я лично испыталъ по одному серьезному вопросу и ясность мыслей, и твердость характера Островскаго. Въ 1877 г. было изданъ въ высшей степени неудовлетворительный, хотя и гуманный законъ о надѣлѣ горнозаводскихъ крестьянъ. Тринадцать лѣтъ билось горное вѣдомство съ примѣненіемъ этого закона, совершенно не согласованнаго съ культурными условіями Урала, и ничего подѣлать не могло, думать же объ измѣненіи такого органическаго закона никто не рѣшался.

Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, лѣтомъ 1890 г. я попросилъ у Островскаго позволенія пріѣхать къ нему на дачу на Аптекарскій островъ и здѣсь утромъ со свѣжею головою онъ выслушалъ мой докладъ.

Онъ быстро убѣдился въ несостоятельности закона, весьма сложнаго и спеціальнаго, и черезъ короткое время дѣйствіе закона было остановлено черезъ комитетъ министровъ, а теперь, десять лѣтъ спустя, законъ переработанъ и вновь распубликованъ. Это рѣдкій случай исправленія въ крестьянской реформѣ.

Изъ современныхъ государственныхъ людей Островскій очень уважалъ г. Побѣдоносцева, которому былъ, говорятъ, обязанъ мѣстомъ министра; онъ высоко ставилъ таланты Абазы, которому былъ также многимъ обязанъ въ предшествовавшей государственной карьерѣ, восторгался энергіей Вышнеградскаго, цѣнилъ высоко г. Плеве, но почему-то недолюбливалъ Филиппова, котораго между тѣмъ самъ выдвинулъ въ контролѣ. Онъ очень былъ недоволенъ, что въ моей книгѣ «Наши государственные и общественные дѣятели» я приписалъ Тертію Ивановичу командировку въ 80-хъ годахъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія быта населенія, изъ котораго комплектуется военный флотъ, когда это сдѣлалъ другой Филипповъ, давно умершій молодой литераторъ, и просилъ непремѣнно исправить ошибку въ третьемъ изданіи книги.

Островскій былъ горячимъ патріотомъ и, какъ москвичъ, недолюбливалъ иностранцевъ и инородцевъ, даже доктора онъ желалъ имѣть съ русской фамиліею; всѣ ограничительные противъ иностранцевъ, а равно противъ евреевъ мѣропріятія, изданныя съ 1880 гг., онъ энергически поддерживалъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вообще онъ былъ консерваторомъ по убѣжденіямъ, хотя безъ всякой реакціонной закваски и съ уваженіемъ къ наукѣ и техникѣ.

При уклончивости и нежеланіи брать на себя отвѣтственность, онъ, конечно, не вполнѣ годился для управленія вѣдомствами, гдѣ на первомъ мѣстѣ обширное казенное хозяйство, которое онъ въ принципѣ хотѣлъ даже расширять. Это былъ человѣкъ чисто кабинетный и главнымъ образомъ мужъ совѣта. Онъ не любилъ, чтобы его спрашивали, какъ лучше поступить въ извѣстномъ дѣлѣ.

— Выскажите ваше мнѣніе,—говорилъ онъ робкому начальнику отдѣленія, а я тогда подумаю и выскажу свое.

Разногласій онъ не любилъ. Случалось, что, если происходили разногласія въ горномъ совѣтѣ, онъ назначалъ по тому же дѣлу соединенное засѣданіе совѣта и горного ученаго комитета; если и тамъ происходили разногласія, то дѣлалъ соединенныя собранія этихъ учрежденій съ совѣтомъ министра. Понятно, съ увеличеніемъ числа спорщиковъ разногласіе только усиливалось и Островскій не могъ отклониться отъ выбора мнѣнія.

Колебаніе происходило только отъ нежеланія брать на себя отвѣтственность, въ дѣйствительности при столкновеіии мнѣній никто не умѣлъ такъ ясно резюмировать противорѣчія и найти среднее справедливое рѣшеніе. За это мы звали его въ шутку Соломономъ; онъ навѣрное былъ бы отличнымъ судьею въ Англіи, гдѣ судьи рѣшаютъ

дѣла по собственному убѣжденію и обычаю, а не по кодексу.

Въ личныхъ отношеніяхъ онъ казался холоднымъ и сухимъ, но это было притворство стараго холостяка и нежеланіе волноваться и утомлять себя. Напротивъ, разсказы о чьемъ-либо дѣйствительномъ горѣ вызывали слезы на его глазахъ, и онъ никогда не отказывалъ въ помощи, хотя и здѣсь бывалъ нерѣшителенъ и недовѣрчивъ. Такъ, колеблясь въ достоинствѣ кандидатовъ, онъ ежегодно дѣлалъ сбереженія въ суммѣ, находящейся въ его распоряженіи для арендныхъ выдачъ и въ числѣ наградъ.

Моменты, когда нужно было рѣшать пріемъ въ учебныя заведенія министерства и отказывать, были истиннымъ для него мученіемъ. Онъ радовался, кажется, не меньше разныхъ маменекъ, когда ему бывало доложишь, что принять лишняго кандидата можно, по оригинальному, чисто русскому соображенію, что такъ какъ студенты все равно на лекціи не ходятъ, то мѣсто въ аудиторіяхъ отыщется. Впрочемъ, боясь эмоціи и не любя протекцій, онъ во время экзаменовъ обыкновенно уѣзжалъ, особенно послѣ того, какъ получилъ разъ отъ одной высокопоставленной дамы депешу объ уволенномъ студентѣ (за котораго она по добротѣ души, конечно, просила, въ глаза не видавъ): cet enfant m'interesse,

а «дитя» оказалось дѣтиною 35 лѣтъ съ огромными бакенбардами!

По мягкости характера онъ не любилъ личныхъ объясненій, боясь вліянія докладчика; онъ даже отъ своихъ директоровъ предпочиталъ получать письменные доклады, чтобы спокойно обсудить ихъ у себя наединѣ, не требуя однако никогда при этомъ длинныхъ справокъ и выписокъ изъ дѣлъ. Боясь утомляться, онъ и другихъ не утомлялъ понапрасну, чѣмъ отличался отъ большинства начальниковъ.

Просителей и ходатаевъ онъ принималъ любезно, и только разъ я видѣлъ его вспылившимъ. Онъ собирался ѣхать въ засѣданіе по дѣлу о кавказскомъ нефтепроводѣ, какъ явился покойный Глѣбовъ, приславшій наканунѣ протестъ донецкихъ углепромышленниковъ. Островскій деликатно принялъ его, но на вопросъ, прочелъ ли онъ протестъ, принялъ величественную позу и сказалъ:

— Да, прочелъ и положилъ туда, гдѣ и всѣ предыдущіе протесты.

— Куда это?

— Вотъ въ этотъ каминъ!

Какъ москвичъ и братъ знаменитаго писателя, Островскій считалъ себя знатокомъ русскаго языка и, дѣйствительно, писалъ хорошо. У меня сохранились десятки его писемъ, писанныхъ яснымъ, изящнымъ слогомъ и прекраснымъ четкимъ почеркомъ.

Онъ былъ всегда недоволенъ слогомъ своимъ чиновникомъ.

— Вотъ служили бы вы при Татариновѣ, онъ бы не пропустилъ ни одной вашей бумаги.

Особенно доставалось бѣдному Трирогову. Но дѣло ограничивалось отеческими наставленіями: въ дѣйствительности не было начальника менѣе требовательнаго по части изложенія бумагъ, и онъ подписывалъ всегда, если только мысль была для него ясна. Но въ другихъ менѣе важныхъ случаяхъ онъ былъ мелоченъ. Онъ ужасно взволновался, когда увидѣлъ, что юфтевая обертка къ всеподданнѣйшему отчету министерства оказалась сдѣланною Вейдле на сантиметръ короче, чѣмъ въ предыдущемъ году, и долго все мѣрилъ и жаловался.

Переплетчика Вейдле онъ вообще очень уважалъ за акуратность, охотно ему заказывалъ и, кажется, еслибъ было возможно, то и провизію покупалъ бы у Вейдле.

Литературу онъ очень уважалъ и оказалъ услуги многимъ литераторамъ, даже покойнымъ, напримѣръ изданіемъ на казенный счетъ сочиненія извѣстнаго славянофила Николая Данилевскаго.

Когда гр. Толстой внесъ проектъ закона, воспрещавшаго чиновникамъ писать въ періодическимъ изданіяхъ не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства, Островскій позвалъ меня и сказалъ:

— Вотъ это васъ близко касается, надобно возражать.

Я предложилъ измѣнить редакцію новаго закона такъ, чтобы чиновникъ не могъ брать предметомъ для статей дѣлъ, довѣренныхъ ему по службѣ, въ остальномъ же былъ свободенъ. Приблизительно эта редакція при поддержкѣ Островскаго и была принята.

Такъ какъ изъ-за моихъ статей нерѣдко выходили разныя непріятности, то я нѣсколько разъ предлагалъ Островскому, когда былъ вице-директоромъ, выйти изъ редакціи, но онъ отклонялъ это. Только при назначеніи меня директоромъ я оставилъ постоянныя занятія въ газетѣ, хотя онъ и не просилъ объ этомъ.

Онъ не любилъ однако газетной полемики. Ему не нравилось также появленіе въ «Новомъ Времени» моихъ характеристикъ умершихъ государственныхъ людей (которыя составили потомъ особую книгу).

— Я убѣжденъ,—говорилъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ, — что вы уже заранѣе написали всѣ некрологи и мой также.

Одна провинціальная газета припомнила въ прошломъ году разговоръ, происходившій у меня съ Островскимъ.

Я издалъ въ 1885 г. безъ подписи книгу «О женщинахъ», имѣвшую, какъ извѣстно, нѣкоторый успѣхъ.

Разные наушники, которыхъ въ каждомъ вѣдомствѣ тьма-тьмущая, сейчасъ же почли долгомъ отрапортовать, чье имя скрывается за псевдонимомъ. Послѣ одного изъ докладовъ Островскій кисло сказалъ:

— У васъ вѣроятно много свободнаго времени, что вы находите время заниматься литературою. Это еще ничего, но зачѣмъ вы не пишете о горномъ дѣлѣ, а пишете о женщинахъ?

— Позвольте,—отвѣчалъ я,—я о горномъ дѣлѣ написалъ въ жизни статей въ «Горномъ Журналѣ» и въ разныхъ сборникахъ въ общей сложности томовъ на 10 или 15. Чѣмъ же я виноватъ, что вы, хотя и начальникъ горной части, не удостоили взглянуть на эти сочиненія, а вотъ книгу о женщинахъ, вышедшую только надняхъ, уже прочли...

Островскій усмѣхнулся, но не нашелъ ничего возразить.

Замѣчательно, что хотя Островскій большую часть жизни прослужилъ въ контролѣ и даже былъ душою преобразованій въ этомъ вѣдомствѣ, но онъ, повидимому, не былъ высокаго мнѣнія о пользѣ контроля. Мало того, когда поднялся вопросъ о всеобщемъ распространеніи предварительнаго контроля, то Островскій собственноручно написалъ длинное возраженіе, доказывая справедливо, что введеніе предварительнаго контроля отниметъ всякую иниціативу и отвѣтственность со стороны исполнительныхъ органовъ и вмѣсто ожидаемой пользы принесетъ только вредъ.

Курьезно, что, несмотря на авторитетъ въ дѣлахъ контроля Островскаго и на его репутацію безусловной честности, случилось такъ, что таврическая контрольная палата сдѣлала на него начетъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ съ его одобренія я подписалъ контрактъ на отдачу Сакскаго соляного озера въ Крыму—контрактъ, настолько для казны выгодный, что черезъ три или четыре года пришлось сбавить аредную плату вдесятеро. Несмотря на это, за яко бы какія-то упущенія при подписаніи контракта, контрольная палата сдѣлала начетъ въ 2 мил. руб., изъ которыхъ Островскому пришлось бы уплатить милліонъ, мнѣ 750,000, а начальнику соляного отдѣленія Давыдову, благороднѣйшему человѣку, умершему въ званіи члена горнаго совѣта, въ бѣдности—250,000 рублей.

— Что за пустяки, — сказалъ Островскій. — Когда дѣлаютъ начетъ въ милліоны, очевидно, никто платить не будетъ. Напишите объясненіе.

Началась переписка или, точнѣе, полемика. Я написалъ объясненіе на 2 листахъ, а выжившій отъ старости изъ ума предсѣдатель контрольной палаты отвѣчалъ на 5 листахъ; я отвѣчалъ на 10, а онъ мнѣ въ отвѣтъ 20 и т. д. Наконецъ Островскій разсердился.

— Напишите государственному контролеру отъ меня частное письмо, чтобъ онъ приказалъ прекратить это глупое дѣло.

Такъ оно и замерло, но замѣнилось столь пустыми пререканіями по протесту земствъ и медицинскаго вѣдомства, что отъ устройства Сакскаго озера погибнутъ будто бы сакскія грязи. Хотя протестъ опирался на мнѣніе какого-то одесскаго профессора, но не имѣлъ, какъ доказывали другіе профессора, основанія и только напрасно огорчалъ Островскаго.

Величайшее же огорченіе доставило ему внезапное назначеніе предсѣдателемъ департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ по случаю перевода г. Сольскаго на мѣсто Абазы и нежеланія Императора Александра III сдѣлать предсѣдателемъ покойнаго Перетца. Хотя это было какъ бы повышеніе, но Островскій привыкъ къ своему дѣлу и къ окружающимъ, и къ своей квартирѣ.

Прощаясь съ нами, онъ былъ очень удрученъ и даже непритворно плакалъ. Всѣ мы отъ души пожалѣли о потерѣ такого хорошаго человѣка и рѣдкаго начальника.

На новомъ своемъ мѣстѣ онъ сталъ нервнымъ, любилъ дѣлать маленькія закорючки министерству земледѣлія, но насъ, бывшихъ своихъ подчиненныхъ, принималъ всегда очень любезно и огорчался даже,

если его забывали Съ 1899 г. онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ и умеръ почти въ одиночествѣ.

Необыкновенно честный и безкорыстный по отношенію къ казеннымъ средствамъ, Островскій былъ безсребренникомъ и въ частной жизни. Когда ему досталось отъ дяди наслѣдство, онъ отдалъ его болѣе бѣднымъ братьямъ. Замѣчательно однако, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни его стало удручать опасеніе, что ему нечѣмъ будетъ жить. Онъ сдѣлался бережливъ и даже отказался отъ поѣздки заграницу! Подобное явленіе нерѣдко наблюдается у стариковъ.

К. А. Скальковскій.

ПАМЯТНИКЪ ПОЛЬ ДЕ-КОКУ.

Когда я въ 1867 г. пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ, то изъ писателей пожелалъ непремѣнно видѣть Жоржъ Зандъ и Поль де-Кока. Къ романамъ г-жи Зандъ я относился съ увлеченіемъ, которое мнѣ кажется теперь даже нѣсколько забавнымъ, а безчисленные романы Поль де-Кока я перечиталъ усердно потому, что всѣ первые годы молодости провелъ въ путешествіяхъ и разъѣздахъ, а для дороги не было болѣе удобнаго чтенія, даже на перекладной, какъ Поль де-Кокъ. И время быстро проходило за чтеніемъ «Maison Blanche», «M. Dupont», «Gustave le mauvais sujet», Cerisette» и т. д., и поддерживалось пріятное, бодрое настроеніе духа. Недаромъ еще Рабле сказалъ, что le rire est sain et réconfortant.

Въ книгѣ Лео Леспеса о Поль де-Кокѣ, вышедшей вскорѣ по смерти послѣдняго въ 1871 г., я читалъ какъ-то, что во время войны 1870 — 71 гг. врачи замѣтили, будто больные солдаты въ госпиталяхъ поправлялись скорѣе тамъ, гдѣ сидѣлки-монахини давали имъ читать Поль-де-Кока, и вполнѣ вѣрю этому показанію.

Жоржъ Зандъ я въ Парижѣ не засталъ: она тогда почти безвыѣздно жила у себя въ Ноганѣ: а Поль де-Кока видѣлъ въ его домикѣ въ Роменвилѣ, въ видѣ сгорбленнаго старика съ большими усами, показавшагося мнѣ, такъ какъ онъ ходилъ опершись на палку, небольшого роста, хотя въ молодости Поль де-Кокъ, по общимъ отзывамъ, былъ порядочнаго роста. Онъ носилъ высокія старомодныя шляпы и огромные выпускные воротнички.

Тогда еще Поль де-Кокъ писалъ каждый годъ по роману, но популярность его во Франціи уже угасла. Настоящая же слава романиста относится къ періоду 1825—1845 гг., когда выходъ новаго его романа у книготорговца Барба въ Пале-Роялѣ считался событіемъ, когда романы его публика буквально рвала на части и когда папа Григорій XVI спрашивалъ у каждаго представлявшагося француза и даже у меланхолическаго Шатобріана, что дѣлаетъ suo amico Paolo di Kocko?

Я едва даже чуть не пострадалъ изъ-за знаменитаго романиста. Мой профессоръ интегральнаго исчисленія, академикъ Сомовъ, человѣкъ впрочемъ

прекраснѣйшей души, въ то время когда я вынулъ на экзаменѣ билетъ для отвѣта изъ этой проклятой науки, сказалъ, обращаясь къ членамъ экзаменаціонной комиссіи, все важнымъ, какъ мнѣ тогда казалось, горнымъ генераламъ:

— Рекомендую, навѣрное ничего не знаетъ. На моихъ лекціяхъ только и дѣлалъ, что читалъ романы Поль де-Кока.

Какъ я при такой рекомендаціи могъ спокойно выводить на doскѣ свои формулы, пойметъ каждый. Положимъ, генералы знали изъ высшей математики еще меньше моего, но зато Сомовъ при малѣйшей ошибкѣ кричалъ: «Зарѣзалъ, разбойникъ!»—что не помѣшало ему весьма снисходительно поставить мнѣ хорошій баллъ, а отъ балловъ въ двухъ послѣднихъ курсахъ зависѣло получить при выпускѣ тотъ или другой чинъ.

При такихъ воспоминаніяхъ я, конечно, съ живымъ интересомъ прочелъ, что въ Роменвилѣ оконченъ памятникъ Поль де-Коку, но что нѣтъ средствъ открыть его, такъ какъ строительный комитетъ издержалъ всѣ деньги. Я уже хотѣлъ послать и свою лепту на помощь комитету, какъ прочелъ, что извѣстный парижскій богачъ и благотворитель, египетскій еврей г. Озирисъ-Ифла далъ необходимую для торжества сумму и даже купилъ кусокъ земли для сквера около памятника.

Въ воскресенье, 16-го (29-го) сентября этого года назначено было открытіе, и я изъ благодарности къ памяти человѣка, который спасалъ меня отъ скуки на профессорскихъ лекціяхъ, въ геологическихъ экскурсіяхъ и въ разъѣздахъ по дѣламъ службы, поѣхалъ на торжество. Меня занимала также мысль увидѣть мѣста Парижа, гдѣ я не былъ болѣе тридцати лѣтъ, ибо, какъ извѣстно, Парижъ для «парижанъ» кончается теперь въ rue Drouot, сѣверо-востокъ же и востокъ города существуютъ лишь для простонародья.

Я поѣхалъ нарочно въ открытомъ экипажѣ, хотя до Роменвиля, отстоящаго отъ центра города верстъ девять, идетъ теперь отличный паровой трамвай и вмѣсто прежнихъ закоулковъ проложены превосходно вымощенные бульвары: Avenue de la République и Avenue de Gambetta. Дорога пересѣкаетъ Менильмонтанскій бульваръ, знаменитый по убѣжищу сенъ-симонистовъ, идетъ далѣе вдоль кладбища Перъ-Лашезъ, выходитъ за укрѣпленія и тамъ пересѣкаетъ сначала пригородъ Les Lilas, а наконецъ и Romenville. Тридцать лѣтъ назадъ это было дачное мѣсто, здѣсь было много деревьевъ и сюда ѣздили по воскресеньямъ и праздникамъ завтракать, и обѣдать, танцовать и кататься на ослахъ. Теперь это мѣсто фабричное; старыя дачи разрушены во время осады, деревья повырублены и

улицы Роменвиля напоминаютъ улицы бѣднѣйшихъ французскихъ провинціальныхъ городовъ. Домикъ Поль де-Кока находился въ Лила, составляющемъ теперь особую комуну, но такъ какъ романистъ налоги платилъ въ меріи Роменвиля (хорошъ предлогъ!), то монументъ рѣшили поставить ему тамъ, около церкви, близъ обрыва, на скатѣ котораго находится кладбище, но зато открывается великолѣпный видъ на Нуази ле Секъ, Бобиньи и Пантэнъ.

Это сосѣдство монумента развеселаго автора съ храмомъ и кладбищемъ не первый контрастъ въ исторіи Поль де-Кока. Извѣстно, что этотъ чисто французскій по складу ума писатель и глубокій знатокъ французскаго характера и нравовъ французской буржуазіи былъ вовсе не французъ, а сынъ голландца и швейцарки. Другой такой же чисто французскій по складу ума писатель Альфонсъ Карръ былъ нѣмецъ.

Веселый Поль де-Кокъ явился на свѣтъ въ 1793 г., при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. Отецъ его, голландскій революціонеръ, другъ Дюмурье и подрядчикъ для арміи, былъ казненъ по доносу Камиля Демулена. Мать также должна была идти на гильотину, но казнь отложили изъ-за беременности именно нашимъ писателемъ, который и родился въ тюрьмѣ. Онъ спасъ жизнь своей матери;

зато, когда девятнадцати лѣтъ отъ роду написалъ романъ, который конечно никто не хотѣлъ издавать, мать отдала на типографію послѣднюю тысячу франковъ и тѣмъ доставила сыну случай сдѣлаться знаменитостью.

А Поль де-Кокъ, что бы ни говорили, останется знаменитостью, крупною величиною во французской литературѣ. Онъ съ успѣхомъ продолжалъ традиціи нравоописательныхъ романовъ XVIII столѣтія; онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ обширной плеяды популярныхъ романистовъ первой трети прошлаго столѣтія—Пиго Лебрена, Пикара, Ламотъ-Ланьона и другихъ. Его романы, какъ водевили Лабиша, будутъ служить лучшимъ матеріаломъ для изученія жизни французскаго общества средней руки въ періодъ Реставраціи и Іюльской монархіи. Не нужно думать также, что Поль-де-Кокъ гнался только за веселыми и непритязательными сюжетами. Его «André le Savoyard» и «Georgette» очень поэтическія вещи, а «Le Cocu», несмотря на скабрезное названіе, полонъ глубокой житейской философіи.

Въ свое время Поль де-Кока упрекали въ пошлости и отсутствіи стиля, — упрекали писатели, «изящныя» сочиненія которыхъ теперь совершенно забыты, а Поль де-Кокъ все издается; но тотъ же упрекъ дѣлали всѣмъ популярнымъ писателямъ: и Бальзаку, и Эжену Сю, и Скрибу, и Деннэри, и

Онэ. И у насъ Булгаринъ упрекалъ Гоголя за вульгарность стиля! О скабрезности нѣкоторыхъ сценъ въ романахъ Поль де-Кока теперь уже никто не говоритъ, такъ какъ по этой части современные французы дошли до геркулесовыхъ столповъ. То, что у Поль де-Кока упоминается полунамеками, въ современныхъ романахъ у Мирбо, Луиса, Кордэ и другихъ, а также на сценѣ, и не гдѣ-нибудь въ монмартрскихъ кабачкахъ, а въ Variétes, Gymnase, Vaudeville называется полными именами; объ илюстраціяхъ же и говорить нечего. Порнографія совершенно овладѣла въ Парижѣ илюстрированными изданіями, особенно сатирическими.

Далекое разстояніе сдѣлало то, что, несмотря на весьма сочувственныя заявленія газетъ, торжество открытія памятника не имѣло вовсе парижскаго характера. Кромѣ упомянутаго еврейскаго богача-благотворителя г. Озириса, стараго пале-рояльскаго актера Ренэ Люге, друга Поль де-Кока, и нѣсколькихъ репортеровъ, никого изъ Парижа не было; публика собралась мѣстная, роменвильская, весьма скромно одѣтая. И ее, впрочемъ, сортировали: кто почище, того впускали за временную рѣшетку къ устроенной палаткѣ для почетныхъ гостей, а остальныхъ оставляли за оградою. Эта публика забыта однако не была, для нея пригородъ устроилъ, все при помощи того же г. Озириса, народное гулянье,

дневное и ночное; для чистой же публики былъ банкетъ, по 6 франковъ съ персоны, котораго я, впрочемъ, не дождался.

Причиною моего бѣгства была длиннота рѣчей. Французы, всегда пріятные болтуны и собесѣдники въ обществѣ, какъ извѣстно, не важные въ большинствѣ случаевъ ораторы: даже депутаты читаютъ въ парламентѣ свои рѣчи по бумажкѣ; а такъ какъ написать длинную рѣчь легче, чѣмъ короткую, то слушаніе монотоннаго чтенія, приготовленнаго для напечатанія въ газетахъ, довольно-таки скучновато.

На эстрадѣ подъ палаткою усѣлись муниципальныя власти и родственники Поль де-Кока: его племянница г-жа де-Шамбурси и ея сынъ, какой-то стрѣлковый солдатъ.

Торжество началось со взрыва ракеты; доморощенный оркестръ фальшивѣйшимъ образомъ сыгралъ марсельезу; всѣ сняли шляпы. Это мы, русскіе, ввели во Франціи обычай слушать народный гимнъ съ непокрытой головою. Затѣмъ сняли съ монумента покрывавшую его трехцвѣтную матерію. Монументъ, работы Дескомпа, представляетъ прекрасный бронзовый бюстъ писателя на гранитномъ пьедесталѣ, въ видѣ широкаго обелиска. На лицевой стороны надпись: Paul de Kock, romancier, 1793—1871. На оборотной сторонѣ — имена лицъ, стоявшихъ во главѣ подписного комитета.

Рѣчи бывшаго Роменвильскаго мэра, нынѣшняго мэра, представителя общества литераторовъ и мѣстнаго депутата Гуссо по содержанію очень походили одна на другую. Всѣ разсказывали извѣстныя обстоятельства изъ жизни Поль де-Кока; всѣ плакались на тему, что жизнь будто бы теперь не та: прежнее веселье пропало-де; гризетки превратились въ кокотокъ; на десять тысячъ франковъ въ годъ нельзя уже быть львомъ, имѣть квартиру на бульварахъ и кабріолетъ. Затѣмъ, конечно, восхищались французскими свойствами Поль де-Коковскихъ сочиненій: живостью, ясностью, откровенностью и веселостью. Большинство упоминало и о томъ, что Поль де-Кокъ былъ также популяренъ за границею, какъ и во Франціи. Дѣйствительно любопытно бы сосчитать, во сколькихъ онъ у насъ явился, напримѣръ, изданіяхъ, къ сожалѣнію, по большей части совершенно безграмотныхъ.

Люге, совершенная руина, съ красными глазами безъ рѣсницъ, прошамкалъ нѣсколько словъ воспоминаній о томъ, какъ онъ игралъ въ первой пьесѣ Поль де-Кока, потому что послѣдній былъ и драматургомъ. Нѣкоторыя пьесы его я помню въ Михайловскомъ театрѣ. Въ антрактахъ между рѣчами старикъ père Gaspard, бывшій садовникъ Поль де-Кока, положилъ при общихъ аплодисментахъ букетъ на могилу своего хозяина, а какое-то дитя

поднесло букетъ племянницѣ Поль де-Кока, дамѣ съ виду весьма скромной.

Все это было просто, мило, дешево, незатѣйливо. Погода была чудная и для полнаго торжества, какъ справедливо замѣтилъ сотрудникъ «Figaro» Шеншоль, недоставало только присутствія самого Поль де-Кока.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІИ ВЪ XX СТОЛѢТІИ.

Отъ переводчика. Географія эта только что издана въ Бернѣ и помѣчена 1901 годомъ. Она составлена швейцарцемъ Веве-Зерматомъ, ѣздившимъ изучать Россію по порученію швейцарскаго министерства торговли и манифактуръ, желавшаго открыть у насъ новый сбытъ швейцарскому сыру. Г. Веве-Зерматъ доѣхалъ отъ Вержболова до Портъ-Артура вполнѣ благополучно; его задержали только на границѣ по отсутствію визы на паспортѣ, въ Петербургѣ за непрописаніемъ въ паспортѣ, какой онъ вѣры; здѣсь же онъ отморозилъ себѣ носъ, дожидаясь 24 часа права получить за свои деньги билетъ въ Маріинскомъ театрѣ; въ Москвѣ его отравили сквернымъ масломъ въ лучшемъ трактирѣ; въ Уфѣ онъ пролежалъ два мѣсяца, повредивъ ногу на «скоромъ» поѣздѣ, шедшемъ съ быстротою 20 верстъ въ часъ навстрѣчу другому такому же

поѣзду; въ Тюмени исправникъ принялъ его за переодѣтую женщину и продержалъ недѣлю въ острогѣ для испытанія; затѣмъ онъ просидѣлъ недѣлю, ожидая переправы черезъ Байкалъ, а въ Дальнемъ былъ задержанъ опозданіемъ на три мѣсяца депеши о переводѣ денегъ изъ банка. Вообще же г. Веве-Зерматъ не нахвалится русскими порядками, съ негодованіемъ опровергаетъ слова своего соотечественника Ж.-Ж. Руссо, что «русскіе никогда не будутъ цивилизованными», и рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ читать статьи г. Сигмы для надлежащаго переустройства швейцарскаго правительства.

Въ переводѣ мы опускаемъ свѣдѣнія о сырѣ и неинтересныя для русскаго читателя подробности, которыя со значительными опечатками и ошибками можно найти въ каждомъ календарѣ.

Границы весьма неопредѣленны, на сѣверѣ ихъ знаютъ только бѣлые медвѣди, на востокѣ — американскіе китобои, на западѣ — контрабандисты, въ Азіи военные не признаютъ никакихъ границъ и т. д. Естественныя границы Россіи, по мнѣнію патріотовъ, вѣрующихъ, что всѣ народы въ сущности переодѣтые славяне, что Норвегія есть Наверхія (страна наверху карты), Италія — Удалія (страна

удаленная) и т. п., проходятъ между четырьмя океанами: Ледовитымъ, Атлантическимъ, Индійскимъ и Тихимъ. Если же гдѣ въ этихъ границахъ окажутся какіе-либо иностранцы, то имъ будетъ дозволено приписаться къ мѣщанскимъ обществамъ.

Географическое дѣленіе. Россія дѣлится теперь на «центръ», въ которомъ, по словамъ газетъ, ничего нѣтъ, и на «окраины», гдѣ, по отзыву путешественниковъ, такъ же нѣтъ ничего, но куда на казенный счетъ перевозятъ въ преизрядномъ количествѣ какихъ-то «ѣдоковъ», «новоселовъ» и «новоженовъ». Чиновники поютъ имъ:

Смотрите здѣсь, смотрите тамъ,
Нравится ли это вамъ.

Многіе смотрятъ и... плетутся обратно.

Почва на сѣверѣ болотистая, требующая осушенія, но недостаетъ солнечныхъ лучей; на югѣ степная, требующая орошенія, но недостаетъ воды. Былъ и журналъ, издававшійся «почвенниками», но ему недоставало читателей.

Нѣкоторые края:

Кавказъ — страна разбойниковъ.

Сибирь — по увѣренію подрядчиковъ Сибирской дороги, такъ развивается, что оттуда будутъ скоро ссылать въ Европейскую Россію.

Донецкій край — Dahin wo бельгійцы имѣли неосторожность принести свои капиталы и унести ничего не стоющія акціи.

Финляндія — ее увѣряютъ, что гарантировали конституціи, а не конституцію. Предпочла бы довольствоваться меньшимъ и плачетъ на финской груди шведскими слезами.

Малороссія — малороссы живутъ и за Волгою, и даже въ Амурскомъ краѣ, но настоящая встрѣчается только въ пьесахъ Кропивницкаго и «писанкахъ» Мордовцева.

Климатъ — вообще лѣтомъ пыль, весной и осенью слякоть, зимой ухабы; есть блаженныя мѣста, гдѣ отъ холода желѣзо дѣлается мягко, какъ воскъ, а ледъ твердъ, какъ чугунъ. На многихъ окраинахъ климата «по штату» еще не положено, почему тамъ чортъ знаетъ что за погода, напр., на Квантунскомъ полуостровѣ.

Времена года. Лѣтомъ и осенью начальство ѣздитъ въ провинцію для ознакомленія съ подчиненными и народными нуждами; осенью и зимою подчиненные и представители народныхъ нуждъ пріѣзжаютъ изъ провинціи въ Петербургъ знакомиться съ начальствомъ и угощаются комиссіями, мѣшающими ходить въ оперу; въ результатѣ ни тѣ, ни другіе не знаютъ другъ друга, не выучиваются пѣть, а нужды населенія остаются до слѣдующаго сезона.

Народы, населяющіе Россію: нѣмцы въ аптекахъ, попадались прежде въ академіи; поляки служатъ на Манчжурской желѣзной дорогѣ; цыгане играютъ и поютъ въ ресторанахъ и крадутъ лошадей; греки играютъ, но не поютъ, на биржѣ; жиды играютъ въ чужихъ карманахъ и поютъ въ русскихъ операхъ и опереткахъ; армяне купаются въ бакинской нефти; встрѣчаются еще якуты, хивинцы, каракалпаки и другіе, которыхъ можно видѣть въ балетѣ «Конекъ-Горбунокъ», а равно русскіе, послѣдніе по большей части въ лаптяхъ и чоботахъ. Русскіе, сохраняя національное міровоззрѣніе, доходятъ до должностей старшихъ дворниковъ и дѣлятся на сѣверянъ и южанъ, которые отличаются тѣмъ, что въ моментъ недоумѣнія послѣдніе чешутъ затылокъ, а первые немного пониже... спины. Есть еще юго-западники, служащіе по разнымъ канцеляріямъ, и бѣлоруссы; но русскіе называютъ послѣднихъ поляками и употребляютъ исключительно на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Это кладъ для подрядчиковъ.

Приростъ населенія. Слова ап. Павла «женщина спасется чрезъ чадородіе» въ великомъ уваженіи. Приростъ умѣряется у интеллигенціи невозможностью помѣстить всѣхъ дѣтей на казенный счетъ, у простонародья невозможностью для бабъ рожать чаще раза въ девять мѣсяцевъ. Объ устраненіи означенныхъ затрудненій предполагается учредить комиссіи.

Языкъ. Со времени монгольскаго ига говорятъ болѣе иносказательно, напр., шалить значитъ грабить, художникъ или артистъ — мошенникъ, промышленникъ — тоже мошенникъ, учить кого-нибудь — бить палкою, гусь — важный сановникъ, ребята — сорока-лѣтніе солдаты, фонарь — слѣдъ удара подъ глазомъ, живодеръ — хирургъ, ремещокъ — старый офицеръ, крапивное сѣмя — чиновники, костоломка — желѣзная дорога и т. д.; затѣмъ милліонъ выраженій для изображенія выпивки: урѣзать, хватить, свиснуть, назюзиться, нализаться, налопаться, налимониться, нахвататься, надрызгаться, долбызнуть и т. д.; почти столько же для взятокъ. Одинъ иностранецъ замѣтилъ, что слова résignation, выражающаго всю исторію и міросозерцаніе русскаго народа, не существуетъ почему-то на русскомъ языкѣ.

Вѣра. Въ одномъ окружномъ судѣ на вопросъ предсѣдателя подсудимой: какой она вѣры? баба отвѣчала «калуцкой» (калужской). Въ этой калужской вѣрѣ пребываетъ добрыхъ двѣ трети населенія.

Имѣются еще товарищества «на вѣрѣ», но въ законѣ не сказано на какой: можно догадываться что на жидовской.

Управленіе на бумагѣ очень строгое, на дѣлѣ кроткое и патріархальное. Хотя на зерцалѣ написано, что тѣ, кои станутъ «всякія мины чинить подъ фортецію правды» или «законами играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти», будутъ «зѣло аркебузированы», но никто изъ живущихъ не запомнитъ случая такого аркебузированія, да и отъ родителей не слыхали.

Основные законы. Предположеніе, что Россія стоитъ на трехъ китахъ, отмѣнено въ кодификаціонномъ порядкѣ, но русскій народъ давно усвоилъ слѣдующіе основные принципы:

По чужой спинѣ и 100 палокъ не больно.
Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ.
Дай подержать за хвостъ казеннаго воробья, прокормишь семь человѣкъ.
Пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ.
Кто жены не бьетъ, мило не живетъ.
Кто палку взялъ, тотъ и капралъ.
Не обманешь, не продашь и т. д.

Даль собралъ большой томъ такой практической премудрости и получилъ за него академическую премію.

Законодательство. Законовъ необходимыхъ имѣется 1,416, безполезныхъ — 14,160, излишнихъ—141,600; сколько недостаетъ законовъ для полнаго благополучія—неизвѣстно. Не пишутъ ихъ, вѣроятно, по завѣту Петра, что «всуе законы писать, когда ихъ не хранить». По отзыву «Гражданина», даже сенаторы не знаютъ законовъ, до нихъ касающихся. Просматривая Code russe, поражаешься, что въ немъ употреблено 100,000 разъ слово «отнюдь не дозволяется», 50,000—«воспрещается» и 25,000—«строжайше воспрещается», но публикѣ все это кажется недостаточнымъ и каждый день въ газетахъ предлагается воспретить еще что-нибудь.

Дворянство по IX тому «есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей». Историки будущаго рѣшатъ съ положительною достовѣрностью, какими арміями начальствовали въ древности мужи-предки Розенталей, Розенштейновъ и Розенблюмовъ и др. современныхъ дворянъ... вѣроятно при переходѣ черезъ Чермное море. По болѣе вѣрному опредѣленію одного финансиста, дворянство есть «сословіе, занимающее въ Дворянскомъ банкѣ». Существуетъ комиссія о поднятіи дворянскаго достоинства. Нѣкто предлагаетъ правительству скупить дворянскія усадьбы и обратить въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и дома умалишенныхъ, дабы сохранить за усадьбами значеніе «центровъ культуры». Прелестная перспектива!

Чиновники. По словамъ графа Канкрина, необходимыхъ чиновниковъ нѣтъ, полезныхъ очень мало,

излишнихъ сколько угодно. Чиновники—люди аккуратно получающіе жалованье, но весьма неаккуратно ходящіе на службу. Уже при Екатеринѣ въ знаменитомъ московскомъ маскарадѣ 1763 г. чиновники несли знамя съ надписью: «Завтра!» Для будущаго маскарада заказано знамя съ надписью: «Послѣзавтра!»

Мѣщане. По манифесту 1775 г. есть «слѣдствіе трудолюбія или добронравія, чѣмъ и пріобрѣли отличное состояніе». Такъ, вѣроятно, было въ 1775 г., потому что къ 1901 г. у мѣщанъ не только отличнаго, но никакого состоянія и въ поминѣ нѣтъ.

Сословія. Сверхъ перечисленныхъ существуетъ множество другихъ; въ законахъ упоминаются припущенники, захребетники, подсосѣдки и явные прелюбодѣи, но пропущены весьма многочисленные «добрые малые», ничего не дѣлающіе, прокучивающіе состоянія своихъ женъ или передергивающіе въ карты, и «мыслящіе реалисты», открытые Писаревымъ, и много др.

Инородческій вопросъ. Русскіе съ трудомъ служатъ въ Царствѣ Польскомъ и не допускаются въ Финляндію, а поляки и финляндцы съ честью служатъ по всей Имперіи до Портъ-Артура включительно и сбереженія складываютъ въ русскія банкирскія конторы (См. дѣло Никитина).

Иностранцы. Есть иноземцы, почитаемые полезными: итальянскіе пѣвцы, французскіе куаферы, нѣмецкіе колбасники и вообще всякіе приносящіе свои капиталы и почитаемые вредными: англійскіе дипломаты, бельгійскіе капиталисты и вообще всякіе, желающіе получать проценты на принесенные капиталы. Есть еще «знатные иностранцы», напримѣръ Пьеръ Бобо.

Свобода. Петръ Великій писалъ: «Какъ всѣмъ извѣстно, наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ» и далѣе: «у насъ надобно принужденіе, какъ у новыхъ людей во всемъ». За это самое всѣ русскіе либералы считаютъ Петра своимъ родоначальникомъ.

Свобода слова.

И всѣ мовчать
Бо благоденствуютъ,

пѣлъ еще Шевченко въ своемъ «Кобзарѣ».

Прогрессъ. За 50 лѣтъ число населенія увеличилось въ два раза, число чиновниковъ—въ десять разъ, а число входящихъ и исходящихъ бумагъ—во сто разъ и это еще лишь благодаря двумъ указамъ «о сокращеніи штатовъ» и «всемѣрномъ уменьшеніи переписки».

Политика внутренняя. По словамъ Вольтера, вся политика человѣка заключается въ томъ, чтобы сравняться съ животными, которымъ природа дала пищу, одежду и убѣжище. Въ этомъ отношеніи

русскому политика, судя по экстреннымъ позаимствованiямъ на народное продовольствiе, не додала многаго.

Партiи существуютъ только въ вистѣ и винтѣ; прежде существовали «прекрасныя партiи» въ провинцiи для столичныхъ офицеровъ и камеръ-юнкеровъ, и «партiи арестантовъ», но вывелись, первыя за разоренiемъ дворянства, вторые за упраздненiемъ ссылки.

Служба, по словамъ покойнаго романиста Шеллера, «средство достигнуть личнаго, узенькаго, подлаго счастья для себя и для своей семьи». Для службы безусловно необходима протекцiя; не имѣющiе оной вынуждены довольствоваться дачами «съ протекцiей», т. е. съ крышей, пропускающей воду. Протекцiю не слѣдуетъ смѣшивать съ протекцiонною системою; первая протежируетъ убогихъ, вторая—богатыхъ.

Дипломатiя. Идеалъ для дипломатовъ въ европейскомъ «концертѣ» пѣть тонкимъ фальцетомъ на манеръ папскихъ soprani по «нотамъ», написаннымъ кастратами международнаго права, но концертъ прерывается иногда звуками: «Громъ побѣды раздавайся!», отъ которыхъ валятся стѣны Царьграда и радостно дрожатъ сердца интендантовъ.

Земство по-француззки le zemstvo, слово, отъ

котораго французы приходятъ въ изумленiе, русскiе же въ огорченiе.

Самоуправленiе. Различными сословiями понимается различно. Для дворянства это право писать благодарственные адресы; для городовъ право забалотировать, учреждать комиссiи и не рѣшать ни одного дѣла; для крестьянъ право сѣчь другъ друга, но, въ виду полнаго истребленiя во многихъ губернiяхъ березовыхъ лѣсовъ, осуществленiе этого драгоцѣннаго права становится затруднительнымъ.

Полицiя. По словамъ нацiональнаго историка Карамзина: «народы дикiе любятъ свободу, народы образованные любятъ порядокъ». Въ Россiи порядокъ замѣняетъ образованiе. Наполеонъ этому не вѣрилъ и отпустилъ слѣдующiй каламбуръ: En Russie il y a ordre sur ordre et toujours des ordres (désordre). Обиженные русскiе въ отместку сожгли Москву, но всячески берегли Парижъ. Одинъ писатель изъ нигилистовъ, сорокъ лѣтъ спустя послѣ Карамзина, производилъ слово полицiя отъ слова драться «по лицу».

Юстицiя. Юстицiя уголовная производится по особому масштабу: за покражу чужого полѣна сѣкутъ розгами, за покражу тысячи рублей иногда сажаютъ въ острогъ, но чаще черезъ присяжныхъ признаютъ дѣйствовавшимъ въ «умоизступленiи» и «аффектѣ», за покражу милліона выбираютъ въ

старшины разныхъ «благородныхъ» собраній и приглашаютъ въ крестные отцы. Даже по мнѣнію одного изъ прокуроровъ (дѣло Плотицына), воровать можно, если на сторонѣ вора «жизненная правда». Гражданская юстиція также находится въ ариѳметическомъ соотношеніи... съ гонораромъ адвокатовъ.

Сенатъ. «Хитрый сенатъ три дня думалъ и ничего не выдумалъ», писалъ Смарагдовъ въ своемъ учебникѣ исторіи. Это впрочемъ касалось римскаго сената.

Народное здравіе. Кто-то, очевидно изъ врачей предлагалъ устроить министерство народнаго здравія; проектъ совершенно излишній, ибо все, что нужно для здоровья населенія, уже имѣется: для умѣреннаго труда — рабочіе дома, сонъ — можно имѣть въ части послѣ пріятной выпивки, прогулка на чистомъ воздухѣ совершается на казенный счетъ по этапу, массажъ производится безплатно городовыми и дворниками, даже во дворѣ Сената, зубная боль безъ инструментовъ устраняется земскими начальниками.

Народный инвентарь, по исчисленію тенденціозныхъ земскихъ статистиковъ, заключается въ 8 милліардахъ тараканов, черныхъ и пруссаковъ. Расчетъ сдѣланъ въ предположеніи, что въ каждой избѣ живетъ не менѣе 800 таракановъ! Каждый таракань соотвѣтствуетъ франку, занятому въ Парижѣ. Затѣмъ имѣется много другого «гнуса». Къ этому присоединяется иногда обувь изъ липоваго луба, утварь изъ березовой коры, вѣники и другіе «предметы роскоши».

Пища жителей. Генрихъ IV только обѣщалъ своему народу курицу, а Екатерина увѣряла энциклопедистовъ, что русскіе мужики питаются индѣйками. Съ тѣхъ поръ, повидимому, обстоятельства измѣнились и утвержденіе парижской газеты «Gaulois», что русскій мужикъ утромъ, прежде чѣмъ прочесть «свою газету»—avant de lire son journal—пьетъ шоколадъ, а равно сообщеніе англичанина, напечатанное въ парламентскихъ отчетахъ, что «ежедневную пищу крестьянина составляетъ рисовая каша на прованскомъ маслѣ», многими наблюдателями опровергаются и относятся вѣроятно къ удѣльному періоду. Пища большинства современниковъ болѣе легкая: хлѣбъ и вода, иногда жиденькій квасъ, немного прекраснаго лука или огурецъ. Она не обременяетъ желудка, для приготовленій не требуетъ сложныхъ кухонныхъ препаратовъ и, перевариваясь, не отвлекаетъ отъ полезной работы.

Пьянство, по новѣйшимъ изслѣдованіемъ врачей, зависитъ не отъ того, что Владиміръ сказалъ: «Руси веселіе пити», а отъ температуры, силы и направленія вѣтра, циклоновъ и антициклоновъ и

отъ давленія воздуха. Очевидно, бороться съ нимъ могутъ только метеорологическія обсерваторіи.

Землѣдѣліе. Искусство голодать дома и считаться житницею Европы, получать урожаи самъ-полтора и просить ссудъ изъ продовольственнаго капитала.

Скотоводство. Свиньи водятся повсюду (классическая фраза, повторяющаяся во всѣхъ русскихъ учебникахъ географіи); ослы встрѣчаются чаще, нежели можно бы ожидать, судя по холодному климату.

Горное дѣло, по словамъ газетъ, даетъ «баснословные» и «чудовищные» барыши, отъ которыхъ однако половина заводовъ закрылась или сократила производство, другая собирается закрыться.

Винодѣліе. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета (т. XXXI) даже въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи виноградниковъ 366 десятинъ! Сколько виноградного вина получается на островѣ Колгуевѣ и на Новой Землѣ, центральный комитетъ не напечаталъ, но навѣрное напечатаетъ.

Торговый флотъ. Еще царю Алексѣю Михайловичу совѣтники говорили, что «не единъ во всей вселенной народъ есть, чтобы съ такими малыми проторьми такое множество кораблей держать», однако ничего въ волнахъ не видно! Можетъ быть оттого,

что многимъ русскимъ «море по колѣни», гдѣ-жъ тутъ плавать?

Пути сообщенія искусственные и естественные: послѣдніе издревле назывались «путями разобщенія». До сихъ поръ на многихъ почтовыхъ станціяхъ висятъ подъ стекломъ объявленія почтоваго дерпартамента, что «дорога сія ни въ какое время года къ ѣздѣ не удобна». Прежде вѣдали всѣми путями путейцы, но такъ какъ въ нихъ «пути» не было, то переданы земству, которое все ищетъ «новыхъ путей».

Рѣки служатъ больше для свалки навоза; проѣхать по нимъ трудно, въ особенности гдѣ произведены «улучшенія» чинами водяной комуникаціи.

Податная система. Обложеніе совершенно оригинальное: налоги взимаются не съ капиталовъ и доходовъ, а съ проторей и убытковъ по словамъ Писанія: «у неимущаго отымется и имущему дастся».

Долги. Имѣется комиссія погашенія, но если уплатить государственные, то не хватитъ денегъ на уплату долговъ частныхъ; если же уплатить частные, не останется ничего на уплату государственныхъ. Дилемма!

Кредитъ. «Съ государственнымъ кредитомъ, — писалъ графъ Канкринъ, — слѣдуетъ обходиться какъ съ сентиментальной старой дѣвой безъ лишней робости». Со временъ Канкрина, судя по ко-

личеству государственныхъ долговъ, робость къ старымъ дѣвамъ значительно уменьшилась и старыхъ дѣвъ скоро не останется. И это, замѣтьте, когда по офиціальнымъ заявленіямъ въ кредитѣ не нуждались. Что̀ было бы, если бы въ немъ была дѣйствительная нужда?

Торговля внѣшняя называется такъ потому, что она производится *внутри* Россіи иностранцами; всѣ попытки заставить русскихъ вести активную торговлю, начиная съ попытки ярославца Лаптева (въ 1646 г.) свезти русскіе товары прямо въ Голландію, потерпѣли неудачу. Есть впрочемъ рѣдкія исключенія: Грюнвальдъ продаетъ мѣха въ Парижѣ, какой-то купецъ Ѳедоровъ устроилъ торговлю птицей въ Мельбурнѣ и русскіе точильщики ходятъ въ Стокгольмъ, чѣмъ сокрушаютъ шведскій парламентъ.

Биржа—полуразвалившееся зданіе, гдѣ тѣни маклеровъ продаютъ тѣнямъ покупателей тѣни бумагъ. Отъ такихъ «цѣнностей», конечно, въ карманахъ публики ничего не прибываетъ. Къ биржамъ вполнѣ подходитъ опредѣленіе Петра о русской торговлѣ: «храмина разсыпанная».

Банки. Прежде были въ ходу банки кровеносныя, затѣмъ замѣнили банками коммерческими и взаимными, которые также занимаются кровопусканіемъ своихъ кліентовъ.

Почта. Евреи имѣютъ свою почту, раскольники также, о любовникахъ и говорить нечего.

Телеграфъ. Депеши мѣстами пересылаютъ «для скорости» на вьючныхъ лошадяхъ.

Благотворительность существуетъ главнымъ образомъ для свѣтскихъ дамъ, ею занимающихся.

Воспитаніе. Хотя многіе получали казенное пособіе на собственное воспитаніе, даже находясь уже въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ (это фактъ), но вообще мало людей образованныхъ. Подъ этимъ словомъ разумѣется болѣе желаніе получить сначала право на чинъ, а затѣмъ мѣсто. Грамотность, судя по переписи, особенно развита въ ночлежныхъ пріютахъ (100%, т. е. выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ).

Женское образованіе. «Московска государства женскій полъ», писалъ двѣсти лѣтъ назадъ Котошихинъ, «природнымъ разумомъ простоватъ, и на разговоры не смышленъ», теперь же, благодаря стрижкѣ волосъ и ношенію синихъ очковъ, по отзыву г-жи Лихачевой, опередилъ не только въ среднемъ, но и въ высшемъ образованіи всю Европу, и сверхъ того пріобрѣлъ какую-то «точность координированія движенія мышцъ».

Политехникумы—заведенія, гдѣ платятъ жалованья профессорамъ и платятъ жалованья студентамъ, чтобы приготовить политехниковъ, называе-

мыхъ рабочими «полутехниками», которымъ придется платить жалованье, чтобы они не умерли съ голоду на службѣ промышленности, существующей только казенными пожалованьями.

Литература. Русская литература распалась въ послѣднее время на четыре школы: сладкую, кисло-сладкую, кислую и горькую. Послѣдняя пользуется особымъ успѣхомъ. Отдѣльно стоятъ произведенія женскаго пера, гдѣ разныя неопытныя барыни описываютъ съ варіаціями собственныя похожденія съ офицерами и студентами.

Книгопечатаніе. «По каждому предмету сочиненій капитальныхъ очень немного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается и портится то, что гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе—только напрасная трата времени». Написалъ это Чернышевскій о русскихъ книгахъ, но въ сущности повторилъ сказанное Вольтеромъ (въ «Dictionnaire Philosophique») о французскихъ.

Книжная торговля. Книгъ пишется болѣе, чѣмъ печатается, печатается болѣе, чѣмъ покупается, покупается болѣе, чѣмъ читается. Крысы хвалятъ русскія книги, находя ихъ болѣе залежалыми, чѣмъ иностранныя, а потому и болѣе оригинальнаго вкуса.

Журналистика. По отчету цензуры, было между

господами журналистами за прошлый годъ: полемикъ—17,150, дракъ—150, дракъ со смертнымъ боемъ — 1, обличеній — 25,200, инсинуацій — 273,000, клеветъ—1,350,191, вылито другъ на друга помоевъ—42,445 ведеръ; умерло отъ гражданской скорби поэтовъ—2, пролито крокодиловыхъ слезъ—275 ушатовъ, въ томъ числѣ крѣпостнически-консервативныхъ—5, радикально-соціалистическихъ—270. Періодическая печать, съ воспрещеніемъ употребленія въ мелочныхъ лавкахъ на обертки товаровъ, много потеряла своего полезнаго значенія.

Цензура. По поводу сочиненій «очень язвительныхъ» Екатерина II въ «Наказѣ» наказывала слѣдующее: «Весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе; оно ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума и охоту писать отыметъ». Судя по тому, что охота писать не отымается, надобно думать, что «язвительныхъ сочиненій» не изыскиваютъ, а можетъ быть ихъ на русскомъ языкѣ вовсе и не появляется.

Наука. Вычислено, что русскіе ученые получили за 50 лѣтъ 1,200 звѣздъ, 1,300 лентъ, 10,000 крестовъ, 500 арендъ и 1,700 казенныхъ квартиръ. Изъ населенія Россіи прочли ихъ сочиненія уже

болѣе десяти человѣкъ. Предсказаніе Ломоносова, что «Росская земля будетъ рождать быстрыхъ разумомъ Невтоновъ», почитается многими неприличною шуткою, такъ какъ великій писатель бывалъ часто «въ куражѣ». Мало сдѣлавъ для изученія Россіи, русскіе ученые тѣмъ усерднѣе займутся переговорами съ жителями Марса.

Искусства разнообразны. На первомъ мѣстѣ почитается искусство пить водку; уважается и искусство пролѣзать въ люди и получать къ празднику награды «внѣ правилъ»; менѣе цѣнятся скульптура, живопись и архитектура.

Музыка. Если вѣрить афоризму, что «музыка есть самый скверный шумъ», то русская музыка несомнѣнно сквернѣйшій изъ шумовъ. Это впрочемъ относится болѣе къ ученой музыкѣ. «Ваньку-Таньку» и теперь многіе слушаютъ съ удовольствіемъ, но стыдятся въ этомъ сознаться.

Консерваторіи — филіальныя отдѣленія жидовскихъ синагогъ.

Театръ. Русскіе театры, по словамъ Островскаго, «это не храмы, это даже не балаганы для забавы, потому что въ нихъ ничего забавнаго нѣтъ, кромѣ претензіи и смѣлости людей, берущихся не за свое дѣло. Это просто большіе залы, устроенные для пустой и безсмысленной траты времени какъ зрителями, такъ и исполнителями». По свѣдѣніямъ

драматической цензуры за 10 лѣтъ изъ пьесъ имѣли успѣхъ 2, succès d'estime 4, провалилось 60, провалилось съ трескомъ 180, выходило авторовъ раскланиваться съ публикою 245, друзей вызывало автора 5,147, друзей ругало за глаза автора 51,470.

Опера русская — зданіе, гдѣ заставляютъ пѣть на русско-еврейскомъ жаргонѣ итальянскихъ пѣвицъ подъ аккомпаниментъ нѣмецкихъ музыкантовъ и подъ руководствомъ чешскихъ дирижеровъ.

Клубы и маскарады. «И Радимичи, и Вятичи. и Сѣверъ одинъ обычай имаху... схожахуся на игрища, на плясаніе и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ»... вѣроятно чужихъ женъ для совмѣстнаго чтенія статей г. Розанова, у котораго Платонъ похитилъ многія идеи о бракѣ.

Съ швейцарскаго перевелъ К. Скальковскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ и у другихъ книгопродавцевъ продаются сочиненія К. СКАЛЬКОВСКАГО:

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи. Ц. 2 р.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ по Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

У СКАНДИНАВОВЪ И ФЛАМАНДЦЕВЪ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

ВОКРУГЪ СВѢТА. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЯ ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Испаніи, Марокко, Англіи и Франціи. Ц. 1 р. 25 к.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи. Ц. 1 р.

ВЪ ПАРИЖѢ. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

ТАМЪ И СЯМЪ. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ въ Тихомъ океанѣ. Ц. 2 р.

РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ФЛОТЪ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Ц. 2 р.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССІИ и положеніе иностранныхъ державъ. 2-е изд. Ц. 3 р.

СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ. Въ 2-хъ томахъ. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. 2-е изд. Ц. 2 р.

ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ МІРѢ. Воспоминанія, наблюденія и размышленія. Ц. 2 р. 50 к.

О ЖЕНЩИНАХЪ, мысли старыя и новыя. 11-е изд. Ц. 2 р.

ТАНЦЫ И БАЛЕТЪ и ихъ мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.